

Сколько деревень исчезло у нас с лица земли. Сколько забыто названий и мест, где они находились. Недолгой была их история. Одни прожили сто лет, другие чуть больше или чуть меньше.

По-разному происходит их исчезновение. Несколько лет назад стихия смела с лица земли деревню Патриха. За одну ночь её история остановилась. Сгорели Калтоши. Другие исчезают медленно вместе со своими самыми стойкими жителями. Как хочется, чтобы они не умирали, наши дорогие, любимые и родные деревни. За последние полвека не появилось ни одной деревни, и вряд ли уже появится. Жаль.

Всё самое доброе и хорошее в нас от деревни. Там жили и живут люди, мои земляки, которым посвящается это повествование.

Камышлеева деревня

Повесть

Дай нам, Господи, место...
Дай нам, Господи, время...
Дай нам, Господи, силы...
Дай нам, Господи, разум...

Декабрь 1895 года выдался на редкость лютым. Воздух был вязкий, словно пропитанный снежной пылью. Дни стояли совсем короткие: не успевало солнышко взойти, как снова напоздали сумерки, и всё вокруг погружалось в дрему. Лес, покрытый шапками снега, затаился, и только изредка раздавался треск замёрзших сучьев. Это мороз

раскалывал вековые деревья изнутри. Лесные обитатели попрятались, и казалось, что всё вокруг не живое, а искусно сделанное опытным мастером.

По дороге, прорубленной среди густого ельника и изрядно припорошенной снегом, медленно плелась лошадь, запряжённая в сани. Возница, в сером овчинном тулупе, лежал на постеленной поперёк сена собачьей дохе. Изредка он останавливал лошадь, очищал её морду от сосулек и продолжал движение дальше. Долго стоять нельзя: лошадь остынет, и так вся покрыта инеем. До дома оставалось совсем немного.

Уже в сумерках подъехали к речке, за которой на возвышенности стояла усадьба. Возница привстал на колени и стал рассматривать реку. Морозы старались усердно, и она постепенно промерзала. Если промерзнет до дна, вода выйдет наверх наледью, тогда будет худо: вместо дороги образуется ледяное поле. Но страшнее в этой наледи то, что на ней можно легко провалиться. В таких случаях обморозиться – не самое страшное, главное, что лошадь может ноги сломать. Но сейчас наледи ещё не было, глубокий снег сдерживал её, и дорога была в порядке.

Возница проехал во двор и сразу поставил сани под навес. Там для коней стояли кормушки с сеном, и в большом чистом корыте насыпан овёс. Воровать корм было некому, потому и клали много, чтобы лишний раз не бегать по морозу. Не торопясь, распряг лошадь, занёс сбрую и хомут во времянку, где варили корм скоту. Туда же занёс доху и тулуп. Оставшись в лёгком полушубке, он пошёл к дому.

По пути накрыл лошадь попоной, какое-то время постоял, глядя в ту сторону, откуда приехал. Потом посмотрел на небо, расцвеченное яркими звёздами, вздохнул и поднялся на крыльцо доброго пятистенка, рубленного из хорошей выдержанной сосны. Дом, за несколько лет не потерявший свежий жёлтый цвет, в одиночестве красовался посреди большой поляны. Со всех сторон усадьбу окружал вековой лес, рядом с домом в ограде стояли постройки. Несколько хлебов для скота, которые внутри разделялись перегородками, а снаружи имели отдельные входы. За постройками до самого леса тянулся огород, где к осени вырастали хорошая картошка, капуста, огурцы, морковь и другие овощи – всё, что нужно было человеку. На крыльце он оглянулся ещё раз, словно пытался кого-то высмотреть в темноте, снял рукавицы, шитые из овчины, и стал сдирать с бороды сосульки.

1

Егор Камышлеев, крепкий, кряжистый мужик тридцати лет, появился в этих местах десять лет назад. Пришёл не с пустыми руками: у него было два добрых коня, к которым он прикупил ещё одного уже здесь, были корова и овцы. Когда через полтора года рядом с новым, крепким, просторным домом появились хозяйственные постройки, добавилась другая скотина и птица.

Если есть деньги, построить не очень сложно, а деньги у него были. Отец Егора, Пётр Фомич, жил в достатке, помог сыну на первых порах. Жил он со своей семьёй в низовье реки Бирюсы, в деревне Федино, одной из первых русских деревень на Бирюсе. Позже на берегах гордой красавицы появились и другие поселения: Кондратьево, Шелаево.

Как его отец и дед, Пётр Фомич занимался охотой, рыбалкой, сеял хлеб, держал скот. Водились у него и пчёлы. Каждая копейка шла в хозяйство.

У Петра было два сына, Егор и Иван, да три дочери. Дети росли не балованные, трудолюбивые, любое дело ладилось в их руках. Со временем Пётр выдал всех дочерей замуж. Не просто отдал, а каждой собрал хорошее приданое, никто не был в обиде на отца. Когда пришёл черед сыновей, Пётр сел с ними за стол и сказал:

– Вот что, сынки, подходит время вам жениться. Мне, как отцу, хотелось бы, чтобы вы жили вот здесь, под одной крышей. Наверное, это и правильно, но не будет вам воли под отцовской рукой. Я так думаю: Иван, как младший, останется здесь, чтоб нам с матерью было с кем доживать век, а ты, Егор, выбирай себе место хоть здесь, в деревне, а хоть и

ещё где, и строй своё гнездо. Как отец, я помогу тебе всем, обделен не будешь. Самостоятельная жизнь порядку учит. Как, Егор, думаешь?

– Согласен, тятя, – кивнул Егор.

Он и сам иногда думал об этом, но говорить с отцом не решался, боялся гнева родительского. И сейчас был рад тому, что отец будто подслушал его мысли.

– Вижу, рад, – буркнул отец.

Хоть и принял он такое решение, но втайне надеялся, что Егор не согласится.

– Небось, хочешь на новые места поехать?

– Посмотреть сначала бы, а то, может, и нет их, хороших мест.

– Места хорошие всегда есть, да только их найти надо, открыть для себя. Тебе восемнадцать, взрослый уже. Иди с обозом до деревни Бирюса, там тракт через всю страну построили. Может, в верховья Бирюсы отправишься, а может, и другие места есть хлебные. Ищи.

В начале зимы, когда лёд уже стал крепким, мужики снарядили обоз с пушниной, которую собирались продать или обменять на разные товары. Егор отправился в путь с ними. За несколько дней прошли путь от деревни Федино до Бирюсы. Миновали большие сёла: Шелаево, Шиткино и Кочергинскую заимку. Егор походил по каждому селу, посмотрел, как живут люди, но не понравилось ему нигде: народу много, простора нет. В Бирюсе обоз остановился, выбирая, куда поехать дальше: в Алзамай или в Тины. Егор решил пойти в верховья реки Бирюса, а там – как Бог даст. Сообщил о своём решении односельчанину, чтобы тот, когда прибудет домой, передал отцу, и отправился на поиски своего угла. Он пошёл по накатанной санями дороге, сделанной по руслу реки, решив, что кто-нибудь и подберёт по пути. А нет, так лыжи привязаны за спиной – нацепил и сам добежал, куда надо. И вскоре его нагнала повозка. В санях в огромном тулупе, нахохлившись, сидел старик.

– Садись, мил человек, как-никак по пути. Малость подвезу.

– Спасибо на добром слове, – сказал Егор и на ходу запрыгнул на сани.

– Ты чей же будешь? – спросил старик. – Что-то не узнаю.

– А ты всех и знаешь? – засмеялся Егор.

– В этих краях народу немного, можно по пальцам сосчитать.

– Так уж и по пальцам?

– Это я так, к слову. А вообще-то немного здесь людей живёт. По Бирюсе деревни три есть, на Тагуле одна, на Туманшете одна. Ещё деревни по малым речкам стоят, но их совсем мало. Так что людей здесь немного: я многих знаю, а вот тебя не припомню. Молод ты ещё.

– Я с низовья Бирюсы.

– А сюда зачем? Прячешься от кого?

– Нет, – засмеялся Егор совершенно искренне.

– Значит, за своей долей подался, – заключил старик.

– Как ты определил?

– Не ты первый, не ты последний, – вздохнул старик. – Сюда больше и незачем ехать.

– А разве не имеется здесь мест добрых?

– Есть места разные. Много труда надо положить, чтобы место своё у судьбы отвоевать.

Старик охотно рассказывал, какие трудности ждут Егора, и делал это, видимо, не первый раз, уж больно складно он говорил. Егор слушал Афанасия, так звали старика, и радовался. Новое и трудное не пугало молодого парня. Когда подъезжали к деревне, уже наступили сумерки.

– Как ваша деревня прозывается? – спросил Егор.

– Сполох.

– Где?

– Деревня так зовётся – Сполох.

– А где можно переночевать?

– У меня и заночуешь, поговорим ещё.

За вечерним разговором Егор выяснил, куда лучше податься на поиски. Он узнал, что по Туманшету поселений меньше, чем по Бирюсе, хотя Туманшет намного ближе. Видно, многие желали забраться, как можно дальше, чтобы никто не мешал. Егор решил пройти по Туманшету, но искать себе место он будет не на его берегу, а на какой-нибудь маленькой речушке. И не на виду, и большая река поблизости. Река – это единственная дорога и зимой, и летом, а ещё и кормилица. Реки здесь богаты рыбой, в лесах и зверя, и птицы в достатке – только руки приложи.

Утром, как рассвело, Егор отправился дальше, пообещав хлебосольному хозяину посетить его на обратном пути. Пришлось ещё раз переночевать в деревне Лука, стоявшей на высоком берегу Бирюсы, прежде чем он добрался до устья Туманшета. После разговоров с разными людьми, Егор ещё больше убедился в правильности своего выбора. Только на Туманшет – и никуда более.

И вот устье Туманшета. Бирюса, разрезая гору, уходила широкой заснеженной дорогой вверх и скрывалась за поворотом, а Туманшет под прямым углом врезался в неё. Место было удивительное: с правой стороны – гора, поросшая густым лесом, а слева лежало широкое снежное поле, ровным белым полотном тянувшееся до далёких холмов. А там до самого горизонта – тайга, уходившая под небольшим уклоном прямо к небу.

На Туманшет сворачивал одинокий санный след, тогда как на Бирюсе дорога была хорошо укатана. Егор узнал, что в двадцати верстах от устья по Туманшету есть деревушка с таким же названием. Но в деревне Егор не хотел селиться: уж если жить здесь, так не зависеть ни от кого. С такими мыслями он и пошёл в глубь тайги на лёгких широких лыжах, обитых камусом.

Вскоре река оказалась между двумя сопками: словно в жёлобе по распадку нёс свои воды Туманшет.

Егор оглядывал незнакомые места, открывая для себя новое и пытаясь сразу запомнить всё. Через пару вёрст он вдруг увидел чудо. Прямо с горы в реку бежал ручей, но так как была зима, замерзшая вода образовала огромную ледяную горку причудливой формы, потому что вода скатывалась и замерзала, поверх льда приходила новая вода, намораживая разные фигуры. Полюбовавшись вдоволь, Егор пошёл дальше.

Первая речушка, впадавшая в Туманшет, вытекала из распадка, поросшего густыми елями внизу и высокими стройными соснами поверху. Это место не понравилось Егору: склоны распадков – неподходящее место для жилья, и он не остановился здесь. По пути попадались острова, поросшие лесом, но ничего особенного в них не было.

День клонился к вечеру, и Егор стал присматривать место для ночлега. Решил заночевать на берегу, в густом лесу, где сосны росли вперемежку с елями. Егор остановился на ночлег возле вывернутой с корнем ели, набросал свежего лапника под корни, где устроил себе лежанку. Из свеженарубленных еловых веток, сделал себе шалашик, используя вывернутые корни. Костёр развёл между двух толстых лесин, прямо перед шалашом, они будут гореть всю ночь, а от костра в шалаш пойдёт тепло. Приготовив на костре нехитрый ужин, Егор стал раздумывать, сколько ему еще понадобится времени, чтобы найти своё место под солнцем. Так и уснул, размышляя о будущем.

Проснулся от холода. Было ещё темно, костёр прогорел, и требовалось пододвинуть лесину, чтобы он набрал силу. Вскоре, согревшись, Егор опять уснул. Утром, позавтракав, он пошёл дальше, оставив здесь всё, как есть, может, кому и сгодится. Пройдя сотню метров, Егор остановился и стал осматривать место, которое приглянулось ему. Левый берег был крутой, река подходила прямо к горе, а вот правый был хорош. За небольшим перелеском был луг, кое-где росла небольшая лоза, едва проглядывавшая из-под снега – и больше ничего. Дальше за поляной на небольшом бугре высился добротный лес. С одной стороны поля рос густой ивняк, он тянулся прямо от леса и до реки. «Там, наверное, есть

маленькая речка», – подумал Егор и пошёл проверить свою догадку. Действительно, там хоронилась небольшая речушка. «Очень кстати, можно будет на ней и определиться. Зимой она будет дорогой, а летом вода рядом, да и за рыбой далеко не ходить, поставил «морды»¹ – и свежая рыба всегда в доме».

Егор пошёл вдоль речушки, внимательно осматривая найденное место. На левом берегу, похоже, было большое озеро, которое тянулось вдоль речки и уходило вправо. Полоса земли между озером и речкой могла служить хорошей дорогой. Берег высокий и достаточно сухой. От большой реки до леса было около версты. Егор подумал, что земля здесь должна быть годной для пашни.

Осмотрев всё, он пошёл дальше. Речушка стала петлять по лесу, но Егор шёл по возвышенному берегу озера. Осмотрев его, Егор решил исследовать речушку. Вскоре он нашёл огромную ровную поляну на левом берегу. Она была достаточно высоко над рекой и уходила в сторону. Егор обошёл поляну, осмотрелся и залюбовался. «Вот оно это место, – пронеслась шальная мысль, – как на сердце легло». Недалеко он заметил вывал деревьев и решил, что там можно будет сделать шалаш для отдыха, а потом уж и осматривать всё дальше.

Вечером Егор сидел в хорошем добротном шалаше, в котором он собирался прожить несколько дней, пока обследует окрестности. Всё устраивало его здесь. Места нетронутые, а значит, богатые. Рядом с шалашом Егор добыл косулю и соболя. Вокруг было много хорошего леса – со строительством дома проблем не будет, только сила нужна, а сила у Егора была. Уже через несколько дней, он знал всё, что находилось в радиусе нескольких вёрст, и чем больше он узнавал, тем больше ему всё нравилось. Но была одна проблема, которая не давала ему покоя. Где-то недалеко, вверх по Туманшету, есть деревня. Что за деревня? Какие там люди живут? Чем занимаются? Про всё это нужно было разузнать.

Поднявшись пораньше, Егор направился искать деревню. Вернувшись на Туманшет, пошёл вверх по течению. Только к вечеру он услышал лай собак. Деревня, если так можно назвать несколько домиков, прилепившихся друг к другу, стояла на высоком берегу. Дома были небольшие и срубленные недавно: стены и крытые драньём крыши ещё не почернели. Несколько построек рядом с домом тоже были новые. Всё было сделано не особо аккуратно, но добротно, на долгие годы.

Собаки, учуяв чужака, лаяли громко, но без злобы. Из крайней избы вышел невысокий коренастый мужик в коротком полушубке.

– Доброго здоровья, хозяин, – сказал Егор, подходя.

– Цыц, вы, черти! – прикрикнул хозяин на собак, осматривая пришельца. – И тебе здоровья.

– Пустишь переночевать?

– А чего ж не пустить, если по-доброму. Заходи.

Егор оставил ружьё в небольших сенцах, прошёл в низкую дверь. Перекрестившись на иконы, стоявшие на божнице в переднем углу, он поздоровался с хозяйкой, невысокой худенькой женщиной неопределённого возраста.

– Раздевайся, проходи, – хозяин сел на лавку.

В переднем углу, под иконами, стоял большой стол. По стенам около него были широкие лавки, они заполняли всё пространство от стены до стены. Посреди дома возвышалась большая русская печь, она хороша была тем, что в ней варили себе, скоту, пекли хлеб, на ней можно было и спать. Обычно там спали дети, но и взрослые любили погреть косточки. Комната освещалась лучиной, возле печи стояла керосиновая лампа, но зажигали её только по праздникам. Керосин стоил дорого, и возить его приходилось издалека.

– Садись вот сюда, на лавку, – сказал хозяин, разглядывая пришельца. – Наталья, подай нам чего-нибудь, ужинать пора.

---

¹ Морды – это ловушки для ловли рыбы, куда, попадая, она уже не может выйти, её вычерпывают саками.

Вскоре на столе дымилась круглая варёная картошка, лежали солёные крупные ельцы. Хозяйка ещё принесла хлеб и кринку с молоком.

После ужина хозяин спросил:

– И чего тебя занесло сюда? Ты чей будешь?

– Хочу поселиться в этих местах, – начал Егор. Он обстоятельно рассказал, кто он, откуда и зачем пришёл.

– Молод ты ещё, но отважный, – заключил хозяин. – Игнатом меня кличут. Комов Игнат, это моя жена Наталья. Я так же, как и ты сюда пришёл, когда здесь никого ещё не было, а теперь уже и соседи имеются. Но с хорошими людьми и в соседстве не тесно. Ты, может, тоже присоединишься к нам?

– Я ещё не осмотрелся, – Егор не стал говорить о приглянувшемся ему месте.

– Конечно, не стоит останавливаться в первом же месте. У реки хорошо: летом и зимой дорога под боком, рыба всегда есть, но мне не очень нравится, что скоро здесь будет проходной двор. Сходил я в верха, посмотрел: места хорошие, богатые зверем, я там охочусь, а пахотной земли в тех местах нет.

– А почему ты поселился на берегу, если не нравится здесь? – спросил Егор.

– Ну, сейчас пока нормально, и, я думаю, не скоро заселится этот край, и жена захотела на берегу. Деревня, где она родилась, была у реки, и это место напоминает ей дом. Я много времени провожу на охоте, а здесь всё к людям ближе. Женщина, что скажешь. А ты женат?

– Нет ещё, – смутился Егор.

– Одному тяжело подниматься. Надо, чтобы кто-то был рядом.

– Как земля, родит хлеб?

– Родит-то, родит, только я много не сею, охотой живу. Есть, конечно, и скотина, какая-никакая, но это так, баловство. Жёнка хочет, вот и возится. Покосы рядом, пашня под боком, летом всё какое-то заделье. Картошка вот, да капуста, да мелочь всякая – всё своё. От коровы молоко да сметана. А мяса на зиму добываю по осени – хватает. Рыбы наловим, посолим – вот и достаток. Нам много не надо, вдвоём мы. Если будут ещё едоки, хватит всем. Пушнину в Конторку или Тинскую вожу, сдаю, но это всё пока зимник ещё есть. Вот так и живём.

– Охота – дело знакомое. Охотой можно прожить. А другие промыслы здесь есть?

– Дёготь можно гнать, живицу, да только возить далеко. Сюда пока никто не ездит, народу здесь нет, и промыслов тоже. Но время идёт. Видишь, ты, вон, подыскиваешь себе местечко. Другие придут.

– Для печки кирпичи сам обжигал?

– Сам. Глины на берегу много. Доски пилить можно самому, только помощника хорошего надо подыскать. Вот стекло и железо привозить надо, а так всё есть. Дранья наготовить и одному можно. Ничего, Егор, жизнь только начинается, захочешь – всё сделаешь. А то, если рядом где будешь, так и я помогу, зови. Да и другие мужики не откажут в помощи. Дело такое.

Ещё разузнал Егор, что в округе почти никого нет. Выше деревни, верстах в пяти, на берегу реки есть с пяток рубленых домиков, но там люди промышляют охотой и рыбалкой. Обосновались там братья Шведовы. Игнат ходил в верховье Туманшета, далеко ходил, но больше никого и ничего похожего на пребывание людей не видел. Так что можно и здесь обосноваться. Хорошие места, светлые. Чего ещё искать, только время терять. Надо возвращаться домой и готовиться к переселению. Егор ещё несколько дней прожил в шалаше, несмотря на холода. Ему здесь всё нравилось. Он уже размечтался, где будет ставить дом, где будут стоять постройки, сладкие мысли носились в его голове.

2

До дома Егор добрался быстро. В деревне Бирюса случайно пристроился к обозу,

который после успешной распродажи своих товаров налегке шёл в Шелаево. А там совсем рядом – каких-то сто вёрст на лыжах до деревни Федино пробежать, словно прогуляться. В родных местах расстояние не смущает. Через два дня, весёлый, довольный, весь в куржаке с морозу, он под вечер ввалился в дом. Мать едва не уронила чугунок с картошкой, отец отложил валенки, которые подшивал, поднялся, подошёл и обнял.

– Нашлась пропажа, – сказал он, – давай, раздевайся. Мать, там Иван на дворе, скажи ему, пусть баньку растопит.

– Сейчас я, сейчас, – мать набросила шубейку и пошла на двор, но не утерпела, подошла к Егору и обняла.

– Иди, мать, иди, – отец тоже смущался неожиданной радости.

Через некоторое время заскочил в дом и брат Иван. Он без разговоров сгрёб Егора в охапку. Иван был младше Егора на пару лет, но выше ростом, крепок, как и весь род Камышлеевых.

– Ну-ну, – осадил отец, – сейчас перевернёте всё.

– Как ты, нашёл место? – радовался Иван брату.

– Разговоры потом, сейчас в баньку сходит, смочет всё худое, а там и поговорим за столом. Ванька, ты баню затопил?

– Да, затопил. Воды сейчас принесу, и будет готова.

В баню Иван пошёл с братом. Он, как и Егор, тоже любил побаловаться веничком. Веников готовили на зиму много, каждый из мужчин брал себе веник, и после бани от него оставался только голик. Любили париться.

Баня топилась по-чёрному. Посреди помещения была вырыта яма, она являлась топкой. Сверху накладывалось много камней, сквозь которые проходил огонь. Трубы не было, и дым выходил в отверстие в стене под потолком. Воду нагревали камнями. Раскалённые камни бросали в деревянную кадку с водой, потом вытаскивали и снова грели. Камней для этого было много, и воду нагревали очень быстро. Когда баня протапливалась, угли все выносили, проветривали от дыма, затыкали отверстие под потолком, потом женщины мыли полы и полки – и баня готова.

Когда все перешли к чаю после ужина, отец, наконец, сказал:

– Ну, что, Егор, нашёл место себе, или здесь будешь обосновываться?

– Нашёл, – ответил сын и, не торопясь, стал рассказывать о своём путешествии.

Рассказывал подробно с самого начала. Отец покачивал головой, прихлёбывая чай. Мать незаметно для себя подседа поближе, а Иван, подперев лицо руками, слушал, стараясь не пропустить ни одного слова. Когда Егор стал описывать место, которое он выбрал, отец отставил чай, внимательно выслушав, кивнул:

– Толково. И хорошо, что не так далеко, можно будет приезжать в гости. Теперь надо готовиться к переезду. Я думаю, что лето ты дома проживёшь, к осени оженим, а там, глядишь, и можно будет подаваться в путь. Сразу возмёшь Ивана, поможет на первых порах, пока я дома сам справляюсь.

Иван даже подпрыгнул от радости, для него это было выше всяких желаний. Он готов был на всё.

– Я, может, тоже место присмотрю там, – сказал Иван.

– Я тебе присмотрю, – буркнул отец. – А мы с матерью как же?

Он смотрел на братьев и радовался тому, что они между собой были дружны:

«Хорошие выросли, – думал Пётр Фомич, – и в голове порядок, и руками всё могут, не пропадут по жизни. Надо только женить хорошо, и продолжится род Камышлеевых».

Были у Петра Фомича уже внуки, но фамилии у них другие, а значит, и род другой. Любил он внуков, особенно привечал красавицу Анну, единственную внучку. Вот только дочери продолжили род чужой, а не Камышлеевых. Сыновья должны были продолжить род отца Камышлеева – так в жизни заведено.

Весна нагрянула весело: смахнула снег, прошумела половодьем, зазвенела птичьим переголосьем. Камышлеевы отсыпались и отсыпались быстро, погода словно готовила

каждый день под очередную заботу. Нежной детской зеленью украсились перелески и луга. Лето стало набирать силу.

Егор в кузнице готовил себе инструмент: долото, стамески, гнул навесы. Многого требовалось сделать, чтобы потом не искать по округе. За каждой железкой не наездишься, за каждым гвоздём не находишься. Его отец, Пётр Фомич, составил список всяких мелочей, которые нужны будут на новом месте, и их оказалось много. Старались припомнить всё необходимое, но со временем от некоторых вещей пришлось отказаться – слишком много набиралось груза. Решили ехать на трёх подводах, чтобы захватить с собой всё самое необходимое.

Только у Петра Фомича было некоторое сомнение по поводу будущего сына: ему очень хотелось вначале женить Егора. У женатого человека и разум другой. В первый раз с Иваном поедет, а там уж все заботы лягут на одни плечи. Много раз Пётр Фомич думал, надо ли отсылать сына на вольную жизнь, может, рядом всем было бы теплее и уютнее, и ему, отцу, спокойнее, но каждый раз он гнал от себя такие мысли. Чего это обоим сыновьям возле материнной юбки толкаться. Есть места добротные, есть воля, есть сила и ум, так пусть идёт своей дорогой. Рядом остаётся Иван, доглядит их старость.

Егор закончил работу, но домой идти не хотелось. Он решил сходить на реку, умыться, посмотреть на воду. Река, что мать родная: с ней рождались, с ней жили, и хорошее, и плохое легче переносилось, и кормилица она, и поилица. Егор подошёл к берегу, попробовал рукой воду – не прогрелась ещё вода, но ребятишки уже плескались на мелководье, а потом грелись у большого костра. Будучи пацаном, Егор тоже купался, а потом ходил с опухшими глазами: от постоянной простуды веки краснели и отекали. Ушло то время, только довольная улыбка осталась на лице от воспоминаний. Егор решил рискнуть: быстро разделся и окунулся в набежавшую волну. Сначала вода обожгла, заныли руки, но через некоторое время отпустило, холод ушёл, а остался только ребячий восторг. Егор долго плескался, плавал, пока не замёрз окончательно. Тогда он медленно вышел на берег и пошёл к своей одежде. На берегу сидела девушка и кидала камушки в речку. Сначала Егор не узнал её, а потом, приглядевшись, удивился:

– Настасья, ты это?

– Нет, не я, привидение. Не замёрз?

– Нет, вода нормальная, – сказал Егор.

Одеваясь, он стал рассматривать девушку. Это была Аксёнова Настя. Недавно ещё бегала девчонкой, а сейчас – невеста.

– Тебя и не узнать, – сказал он.

– Так давай знакомиться, – рассмеялась она и взглянула на него весело, озорно, словно пронзила взглядом.

– Что ты тут делаешь?

– На тебя пришла посмотреть.

– Зачем?

– Полюбоваться. Давно не видела, вишь, какой стал, совсем мужик.

– Не маленькая ещё мужиками любоваться?

– В самый раз.

Глаза её горели бесовским огнём, Егор даже растерялся. Настя была немного помладше его, детство их прошло в разных компаниях друзей. Но вот она, странная, смело глядит в глаза, смеётся над ним. Словно что-то вспомнив, она подскочила и побежала к домам.

Егор растерянно смотрел вслед развевающемуся на ветру светлому платью. Он не был стеснительным, но сейчас на минуту растерялся.

– Вот хохотушка! – с восторгом промолвил он. – Всё, будет моя.

В этот же день на вечерке, Егор отвёл её в сторону и сказал:

– Осенью сыграем свадьбу, и поедешь со мной.

– Быстрый какой. А вдруг у меня кто уже есть?

- Моей будешь. О других забудь.
- А ты у меня спросил, согласна я или нет?
- Спрашиваю.
- Я подумаю, – она кокетливо кивнула головой.

Аксёновы жили исправно. Кроме Насти, у них были ещё два сына и дочь. Сыновья намного старше Егора, они уже давно женаты, и сестра замужем проживала в другой деревне. Настя была последним ребёнком в семье. Ей многое позволялось, избалованная росла, но мать слушалась, помогала ей во всём. Шустрая на язык была: за словом в карман не полезет, себя в обиду не даст. Отец Насти, Афанасий Лукич, имел хорошее хозяйство, держал скот, была у него и пасека. Сейчас он на охоту не ходил, но в молодые годы был неплохим промысловиком. В последнее время скупал пушнину, а потом перепродавал. Занимался промыслом кедрового ореха, давил кедровое масло, которое всегда стоило дорого. Семья жила в достатке. Афанасий очень любил Настю – последняя радость для отца и матери. Дочь росла ловкая да умелая, самостоятельная – и это нравилось старику. Шумная, весёлая Настя много раз сглаживала и семейные проблемы. Ругаться в семье было не принято, но иногда мрачное молчание было ещё хуже громкой ругани. Так Настя прибежит, расшумится, пристанет к одному, к другому – смотришь, и заулыбались все в доме. И забыли, из-за чего получился сыр-бор.

В последнее время Настя всё чаще стала поглядывать на Егора. Он был на несколько лет старше её, но это ей нравилось. Егор, кроме того, что был видным парнем, слыл ещё и работящим. Насте не нравились балагуры: с ними хорошо за столом, а в жизни так и будут смешить народ. Егор не такой: лишнего не скажет, но если сказал, то сделает. Настя решила не ждать, пока Егор заметит её, потому и просидела полдня возле кузницы, выбирая удобное время. И появилась у речки совсем не случайно, и сделала всё, как задумала. Ей было удивительно, что получилось всё так просто: пришла, посмотрела и загорелись глаза у парня. А когда услышала, что нужна Егору, она ликовала в душе, но виду не подавала. Пусть ещё помучается.

- Подумала? – спросил Егор через неделю.
- Подумала, – ответила она, пристально глядя ему в глаза. – И что?
- Что решила? – Егор тоже внимательно посмотрел на девушку.
- Засылай сватов, а там видно будет, – шепнула она и, улыбаясь, побежала, оставив его в растерянности.
- Вот чертовка, – смущённо проговорил он.

Вечером за столом Егор сидел сам не свой. Нужно было поговорить с отцом, а как начать разговор, он не знал.

- Чего ёрзаешь? – спросил отец. – Никак сказать чего хочешь?
- Да.
- Чего – да? – Пётр Фомич внимательно посмотрел на сына. – Случилось чего?
- Сватов надо засылать, – выпалил Егор, кое-как преодолев ком в горле.
- Что жениться надумал – это хорошо, – улыбнулся отец. – Дело нужное. И к кому же засылать сватов будем?
- К Аксёновым.
- К Афанасию Лукичу, что ли?
- Да.
- Так у него дочка, вроде, замужем, – то ли насмехаясь, то ли действительно не зная про младшую Аксёнову, сказал отец.
- Да младшая Настасья подросла уже, – не выдержала мать.
- Эта, которая хохотушка? Так она мала ещё.
- Восемнадцать осенью будет, – сказала мать.

Про всех деревенских детей женщины всегда знают всё.

- А что? Семья справная. Небось, Афанасий Лукич и приданое не пожалеет, – сказал отец, разговаривая словно сам с собой. – Пожалуй, и хорошо будет, а от ворот поворот

нам не покажут?

– Чего покажут, небось, Егор не из последних на деревне, – с недовольством сказала мать.

– А ты чего молчишь? – обратился Пётр Фомич к сыну. – Ай, пошутил?

– Нет, не пошутил. Я не знаю, чего говорить.

– Жизнь поменять хочет, а слов найти не может.

– Чего привязался, – опять вступилась мать. – Себя вспомни, много слов помнил?

– Ну, это когда было? Время другое было.

– Для женитьбы время всегда одинаковое, – не унималась мать.

Егор с удивлением поглядел на неё: обычно немногословная, она обрывала отца на полуслове.

– Чего это с тобой, мать? – спросил отец. – Никак заболела?

– Заболеешь тут с вами, – она прикрыла лицо платочком и отвернулась.

Откладывать ничего не стали. На другой день Пётр Фомич, взяв для разговора соседку Лукерью, бабу ловкую в этих делах, пошёл к Аксёновым. Встретили их приветливо, проводили в дом, быстро собрали на стол. Все догадывались, для чего прибыли гости и не хотелось ударить в грязь лицом. После обязательных речей о купце и товаре выпили по рюмке, чтобы говорить легче было.

– Хороший ты хозяин, Пётр Фомич, – сказал Афанасьев. – И сын у тебя добрый. Я и сам не пожелал бы другого жениха для дочки, но это я. Ты не обижайся, а если Настасья откажется, то неволить её я не буду.

– Так давай спросим? Пусть сразу и скажет, – сказал повеселевший после рюмки водки Пётр Фомич.

– Мать, позови Настасью, – сказал Афанасий Лукич.

Настя, принаряженная по этому случаю, тихо вошла в комнату. Молча поклонилась гостям и опустила глаза.

– Скажи-ка, дочка, согласна ты замуж за Егора? Приехали по твою душу.

Девушка подняла глаза, озорные искорки промелькнули в них, румянец окрасил щёки. Настя улыбнулась, опустила глаза и быстро вышла из горницы.

– Раз дочка согласна, то и я перечить не буду, – сказал старик Аксёнов, – а ты, мать, не против?

– Не против, – махнула рукой мать Насти и заплакала.

Все оказались довольны. Свадьбу назначили на осень. Егор с нетерпением ждал возвращения сватов, но новости пришли раньше. По улице понеслись слухи, что Настасью просватали за Егора.

Вечером Егор с Настей уединились на берегу реки и сидели обнявшись, они не стеснялись, что кто-нибудь заметит их. Молчали, думали каждый о своём, но были счастливы оба.

Свадьба прошла без особого размаха, но шумная, весёлая. Гуляли три дня, сначала у жениха, потом у невесты. Молодые временно стали жить у Камышлеевых. Дом просторный – жить было где, а по весне собирались отправляться в новые края. Настя была не только не против поездки, а, наоборот, старалась во всём поддерживать своего мужа. В новую семью она вошла так, будто и жила здесь всегда. С ней в доме как-то стало светлее и веселее. Она не пыталась никому угодить, но и поперек никому не становилась.

Зима прошла быстро. В начале марта молодые стали собираться в дорогу. Нужно было, пока ещё крепкий лёд, отвезти все вещи на новое место и по льду вернуться. Собирались ехать на трёх санях, потом два коня останутся сыну, а на третьем отец вернётся домой. Заодно и посмотрит, что за место выбрал себе Егор.

Погода стояла как на заказ. Ночью поджимал мороз, а днём светило солнце, пригревая на безветрии. Снег ещё не таял, но из мягкого и пушистого превращался в твёрдую крупу. На нетронутых местах образовывался наст. Твёрдая ледовая корка могла держать человека и без лыж, а уж на лыжах – как на гладкой дороге. Обоз из трёх повозок медленно завернул с хорошо укатанного зимника, проложенного по реке Бирюсе на малонаезженную дорогу по Туманшету. Кругом стояла нетронутая тайга. Снег, кое-где отмеченный звериным следом, сиял на солнце. Тишина оглушала.

– Далеко ещё? – спросил Пётр Фомич сына, оглядывая и оценивая незнакомые места.

– Ещё с час до поворота, а там – целик, сколько понадобится времени, посмотрим. Ну, думаю, что до темноты управимся.

– Хорошие места, тихие, – отметил отец, – и зверь здесь должен водиться.

– Мне сразу понравилось, как на душу легло. И не хочу далеко в глухомань забираться, здесь всё есть. Ну, ты ещё увидишь.

– Да, от людей нечего прятаться, – кивнул отец.

– Ты не замёрзла? – спросил Егор Настю.

Она сидела на санях и, как птенец, крутила головой по сторонам.

– Нет, мне хорошо, – весело ответила она.

– Скоро приедем, отдохнёшь.

– Правда? Места здесь красивые. Летом, наверное, ещё лучше.

– Наверное, я летом здесь не был, не знаю, – Егору нравилось, как ведёт себя жена.

Она всегда в хорошем настроении.

Брат Иван половину пути прошёл на лыжах: легко скользили лыжи по крепкому насту. Отец с Егором решили, что Иван поживёт до зимы, пока встанет река, а потом на лыжах вернётся домой.

Ещё не стемнело, а они были на месте. Осмотревшись, Пётр Фомич заулыбался, радуясь за сына.

– Хорошее местечко, лучше не найдёшь. Завтра ещё похожу вокруг, пригляжусь, где лучше построиться.

– Давай сегодня отдохнём, а завтра уже и начнём, – сказал Егор, обустроивая место рядом с вывороченными соснами.

Устроились рядом с дровами, чтобы не таскать ночью. Сделали хороший шалаш из лапника. Вычистили снег до земли и разожгли костёр. Когда земля прогрелась, костёр сдвинули в сторону, а горячее место уложили толстым слоем лапника. На такой постели можно смело ночевать.

Через две недели вместо шалаша стояла уже небольшая времянка, срубленная из тонкого леса. В ней были нары, на которых едва помещались четыре человека, небольшой столик, сделанный из жердей, пока не было досок. Рядом с дверью установили железную печку, привезённую с собой. Сразу стало веселее. Перед отъездом отец с Егором целый день готовили дрова. Неподдалёку свалили две сушины, лошадьми притащили на место, распилили на чурки. Иван поколол их и сложил у избушки. Потом, когда начнётся настоящая работа, дровами заниматься будет некогда.

– Вот что я скажу, – начал отец в последний вечер перед отъездом, – место удобное, я доволен. Река недалеко, и зимой и летом – дорога, озеро под боком, за рыбой далеко не ходить. Лес я посмотрел, засечки сделал, можно готовить на дом. Пока снег, можно валить и возить. Снег сойдёт, возле дома брёвна ошкуришь, и пусть полежат немного, а там и рубить можно. Будет время, сходи к соседям в деревню, договорись о помощи, заплатишь, сколько надо, но к осени нужно построиться. Дом соберёшь, а там легче будет. Нанимай людей – деньги есть. Пожалеешь на дело, упустишь время – потом всё потеряешь. Я приметил лес, который и на доски сгодится. Недалеко отсюда поставишь лесопилку, будут доски и для себя, и на продажу. Ты говорил, что глину можно найти для кирпича – сам кирпичи и начнёшь обжигать. Знаешь, как делать, видел. Для себя сготовишь, а потом видно будет. Я это к чему говорю: слышал я, что людей сюда будут на поселение

отправлять, осваивать землю. Вот и смекай: у тебя есть время встать на ноги, а там, глядишь, и копейка пойдёт.

Начиналась новая, полная неизвестного жизнь. Как всё сложится, сколько потребуется трудов, чтобы крепко встать на ноги, сколько прольётся пота? Кто мог знать? Но Егора это не пугало, внутренне он настроился, что просто так ничего не бывает, и с самого детства ему приходилось трудиться. Маленьким был до тех пор, пока за материну юбку держался, а как отцепился, сразу – хворостину в руки и пристроили пасти гусей.

Отца проводили ближе к полудню. Дорога дальняя, за один день не доберёшься, так что и торопиться не стоило. Утренние морозы не давали солнцу развалить дороги, запас времени был.

На другой день Егор с братом стали готовить лес для стройки: валили сосны рядом с избушкой. На лошадях сразу таскали на место и раскладывали. Приходилось торопиться, пока лежит снег, потом будут другие заботы. Придётся распахивать целину вокруг дома, готовить землю под огороды. А потом придёт время готовить место для пашни под хлеб. Но это – планы, а сейчас валили лес. Брёвна были ровные, одного размера, не толстые – в самый раз, окантовывать не придётся. Дерево смолёвое, сочное, простоит долго. Настя тоже выходила помогать: рубила и оттаскивала сучья, кипятила чай, готовила еду.

Время пролетело быстро. Вскоре зазеленели опушки, зажелтели подснежники, засинела медуница. К тому времени работу успели сделать немалую: брёвен заготовили в достатке. Рубить дом Егор решил в августе – пусть лес подсохнет. Придётся ехать в соседнюю деревню, просить людей – вдвоём дом быстро не поставишь. Нужно ещё нанимать людей пилить тёс, доски нужны будут на пол и потолок, на многое другое. На всё две пары рук не хватит. Деньги есть, нужно использовать. Деньгами снабдил отец, хорошее приданое было и за невестой. Решение принято – работа закипела.

К августу всё было готово: лес подсох, доски уже лежали штабелем, надрали дранья на крышу, привезли мох. Егор договорился с Игнатом, знакомым из соседней деревни, о помощи, тот пообещал собрать мужиков. Помощь подоспела вовремя.

Через три недели дом стоял, весело желтела крытая свежим драньём крыша. Дом получился большой, сверкающий новизной посреди зелени леса, словно золотой терем.

– Складно получилось, – сказал, любуясь, Игнат.

– Да, – сиял счастливой улыбкой Егор.

– И место выбрал ты неплохое. Я здесь бывал раз, через озеро ходил зимой. Напрямую до нашей деревни рукой подать. Вокруг озера до нас недалеко: будем жить, будем навещать друг друга. Зови, печь тебе сложу, век помнить будешь.

– Спасибо, Игнат, за помощь, мне одному бы не справиться. А печь сложить, считай, уже позвал. Кирпича нажгу и позову.

– Компанией и батьку бить сподручно, – хохотнул Игнат.

Законченное дело отметили застольем. Все были довольны.

– Как тебе наш дом? – спросил жену Егор вечером, сидя у костра.

– Ещё работы хватит.

– Да, ещё поработать придётся, но главное сделали.

– Мне очень нравится. Как теремок, – Настя тоже была рада.

– Заживём, Настя, как люди заживём. И всё у нас будет, – сказал Егор, – дай срок.

К концу сентября дом был готов к новоселью. Игнат, как обещал, сложил печь, Егор сам сплёл рамы на окна, застеклил. Не успел сделать ставни, но это дело не срочное. Туманшетские мужики прислали нехитрую мебель: стол, табуретки. Деревянную кровать Егор сделал сам, как и широкие скамейки вдоль стен. До зимы успели сладить небольшую баньку и хлев. Соорудили ограду и навесы от ненастья для лошадей. Сделано было столько, что даже не верилось. На новоселье позвали Игната с женой Натальей и мужиков, помогавших Егору. Население в этом краю небольшое, и любое знакомство было полезным.

После покрова пришли морозы и сковали небольшую речку, бежавшую рядом с

домом. Снега пока было немного, и Иван бегал на охоту. Егор не держал его, хотя работы в доме ещё хватало, но Иван и так помог достаточно – пусть немного отведёт душу в тайге. Да и лишний кусок мяса не бывает. Места осмотрит: где что есть. Скоро брату уезжать домой: лёд на реке окрепнет, наладится зимник, тогда и можно будет отправляться в дорогу. А пока сам Егор доделывал мелочи во дворе, Настя управлялась по дому, наводила красоту. Летом она сумела вырастить неплохой урожай овощей: насалила огурцов, наквасила капусты, хороший урожай картошки заложили в подполье. Хлеб в этом году не растили, но как только будут дороги, Егор поедет закупать зерно.

Через месяц Егор собрался за покупками. Снарядили две подводы: на одной ехал Иван, на другой сам Егор. Решили добраться до Конторки, там хлеб был дешевле, но главное – надо было довести Ивана. Рядом – деревня Бирюса, а там можно найти обоз до дома. Засветло доехали до места. Переночевав на постоялом дворе, Егор разузнал цены на хлеб, нашёл знакомых, которые взяли с собой брата.

– Расскажи отцу, как у нас всё сладилось, пусть порадует. Может, получится, так добро пожаловать в гости, – Егор говорил, а сам понимал, что времени никогда не хватает. Дел много, а руки одни.

– Сам-то ещё приедешь?

– Я и жить приеду сюда, – Иван засмеялся.

– Давай, место есть. Женишься – и сюда, если батя отпустит.

Егор купил подарки отцу и матери. Не столь ценны были подарки, а уважение и внимание важнее. Обняв на прощание Ивана, Егор сказал:

– Спасибо, брат. Без тебя я бы не справился.

– Да, ладно. Чего там, – засмутился Иван и пошёл вслед за обозом.

Он ещё обернулся, махнул рукой и запрыгнул на сани.

Егор закупил всё, что планировал. Пришлось советоваться с торговцами в покупке материи, Настя наказала купить разных тканей: на шторы, на кровать. Загрузил всё на повозки, привязал одни сани к другим и поехал домой. По пути Егор завернул в Сполох к старому знакомому Афанасию, решив переночевать у старика. С обозом быстро не поедешь: кони устают, а там и отдых, и поговорить можно. Егор обещал заехать к Афанасию при случае. Старик не сразу узнал в госте знакомого, только после того, как Егор назвал, он вспомнил и заулыбался.

– Здоров, здоров, – засуетился он. – А я уже и позабыл про тебя, думал, что ты сгинул где или проскочил назад. Ладно, все разговоры потом, давай заводи коней во двор, распрягай.

– Оська, коней прибери, сделай как надо, – крикнул он рослому пареньку. – Пойдём, – потянул старик Егора в дом.

Проговорили весь вечер. Егор рассказал, как и где обустроился, что успел сделать, что ещё предстоит. Старик кивал, подливал самогону и удивлялся:

– Ловок ты, Егор, ох, ловок. Молод ещё, а развернулся как, молодец. Теперь ты часто будешь наведываться в наши края. Милости прошу, если переночевать приспичит или еще какие заботы.

Егор и заехал для того, чтобы завести хорошие отношения с людьми, чтобы было, где остановиться при случае. Ночевать в Конторке и Бирюсе неудобно: там хоть и есть ночлежка, но всё равно беспокойно. А здесь недалеко, но уже положение другое.

– Ты не знаешь, где можно щенков хороших взять? – спросил Егор. – Мне и сторожевые собаки нужны, и охотничьи. Меня вот сейчас нет дома, а там жена одна, страшно ей. И волки могут наведаться, или ещё кто надумает. Тайга.

– Есть у меня щенки хорошие – забирай. Три щенка. Они и сторожить годные, и на охоту. Только немного надо натаскать, а то дурные будут.

– И ладно. Я со временем заведу себе хороших помощников, может, и эти ладные будут.

– Как вырастишь. Смотрел их, должны толковые быть, потому и не выкинул.

С Афанасием Егор расстался как с другом, щедро заплатил за ночлег и за щенков. Собачки Егору понравились, особенно чёрный кобелёк, его сразу назвали Чернь.

«Вот и начал обживатьсья самостоятельно», – подумал Егор.

На душе сразу стало легко и весело, словно донёс до места ношу и сбросил. И радость от того, что не сбросил раньше, что донёс, и теперь будет немного легче. Сто раз прав отец: не нужно жадничать да прятать копейку в кубышку; положи на нужное дело, глядишь, вернётся копейка с прибытком. Не бросайся друзьями: нынче любые рабочие руки дорого стоят. С Игнатом Комовым вышло хорошо – помог сам и других привёл. Не пожалел денег – так мужики и кое-что в дом сделали. Пусть мелочь, но в другой раз смело обратиться можно с любой просьбой.

За мыслями и дорога оказалась недолгой. И уже всё знакомо здесь: скоро устье Туманшета – нужно сворачивать к дому, а там час, полтора – и усадьба, не чужая, а своя. И жена любимая заждалась. Вспомнив о ней, Егор невольно заулыбался. Чем больше он жил с Настей, тем больше его тянуло к ней. Он не говорил ей всяких глупостей. Какая правда в словах? Один звон. Егор прижимал жену к себе и нежно гладил или просто сидел рядом молча. Она не требовала ничего, никогда не устраивала скандалов, всем была довольна, оттого и больше мила. Егор любил смотреть, как жена занималась домашней работой. Умела она всё делать быстро и ловко.

Пройдя устье, Егор подумал, что если от этого места пойти к его дому, то окажется гораздо ближе, и не так привязан будешь к реке. Летом надо пройтись здесь, посмотреть, возможно, и прорубить дорогу. Хотя бы на Бирюсу выход будет, а тут лодки летом ходят. Надо будет и с Игнатом переговорить о новой дороге, им тоже будет поближе ездить.

Домой Егор добрался уже к вечеру. Настя выбежала на крыльцо встречать, соскучилась одна. Егор вручил ей щенков:

– Глянь-ка, каких зверей я привёз, накорми их. Я перенесу товар в дом, распрягу коней, а потом будем разбирать, чего я там накупил.

Перетащил мешки с зерном и мукой в кладовку, сложил их в большой специальный ларь, подальше от мышей, выгрузил всё остальное в сенцы. Под навесом распряг коней, упряжь занёс во времянку, задал корма лошадям, только потом пошёл домой. Настя уже накрыла на стол, приготовила полотенце. Щенки дружно сопели на тряпке у печки.

– Сегодня у них праздник, а завтра на улицу выселю. Конуру сооружу, где это видано, чтобы собаки в доме жили.

Умывшись, Егор сел за стол. Настя сидела рядом, она, словно ребенок, вся извертелась, пока Егор ужинал. Потом начался разбор покупок. Настя весело щебетала, разглядывая разные материи, примеряя их то к себе, то к окнам, то к краю кровати. Егор сидел осоловевший, после ужина его стало клонить в сон. Он сел на лавку возле печки и незаметно уснул. Проснулся неожиданно: жена сидела на табуретке напротив и смотрела на него.

– Раздевайся, ложись, постель я приготовила. Я тебя не донесу.

– Может, донесёшь?

– Нет, – расхохоталась она, – каши мало ела в детстве.

Егор разделся и полез под тёплое лоскутное одеяло. Заснул моментально: устал за последние дни.

4

Прошло десять лет. Егор из юноши превратился в крепкого, бородатого мужика. Только глаза выдавали добрую детскую душу. Окрепло и дело Егора. Пару лет назад построил себе новый дом, большой, с высоким крыльцом. Тот, первый, ещё не старый, отдал под общежитие, там у него жили сезонные рабочие, которых Егор нанимал для заготовки леса, для распиловки его на доски. Потом эти доски сплавом на плотках по весне отправлял в Суетику. Там он продавал оптом перекупщикам и имел от этого неплохой

доход. Перекупщики брали всё, что им предлагали. Егор организовал и обжиг кирпичей – глина была, считай, под ногами. Брали прямо с берега речушки, там же месили, сушили, обжигали. Доход тоже немалый. Рабочих кормили рыбой, картошкой, в которой недостатка не было. На зиму добывали несколько лосей, обеспечивая себя мясом, заготавливали грибы, клюкву, чернику, смородину. В большом количестве гнали дёготь, самое лучшее средство от гнуса, которого здесь хватало всегда. Дёгтем мазали и себя, и скотину, ей тоже приходилось несладко.

Дело шло. Про Егора Камышлеева уже шёл слух по округе. За это время появилось неподалёку несколько селений: Цыганки, Еланка, Тропа. В последнее время деревни стали расти: всё новые и новые люди ехали сюда за своей долей. Работы у Егора хватало. Из Туманшета Игнат Комов за пиломатериалом при случае отправлял всех к Егору и имел с этого свой доход. Сообща сделали дорогу до устья Туманшета через лес – ездить стало намного ближе и удобнее.

Недалеко от устья предприимчивый мужик Тимофей Ожёгов сделал паром через Туманшет и летом перевозил всех желающих через реку. На паром входила одна повозка, этого хватало. Без работы Тимофей не сидел, а когда приходила зима, ремонтировал паром, делал срубы для припаромков, чтобы было удобно заезжать и съезжать.

Зимой к Егору приезжали за кирпичом из Догадаевки, Шелехова. Всё шло своим чередом. Приезжал в гости отец, остался доволен. Егор снарядил его подарками, хорошую связку соболей приготовил для родителей, не забыл и тестя с тещей. Купил хорошее ружьё брату Ивану за помощь и в подарок на свадьбу. Иван женился пять лет назад, у него уже подрастали две дочки. А вот у Егора детей не было. Бог пока не дал, но Егор не отчаивался. Настя часто в последнее время плакала тайком, и Егор поддерживал её, как мог, любить меньше не стал. Настя изменилась, девичьи черты исчезли, и это сделало её ещё краше. По просьбе Насти они ездили на молебны в церковь в Конторку, посещали разных целителей, но пока результата не было, хотя надежда ещё оставалась, ведь совсем не старые.

Однажды рассказывал старик Афанасий из деревни Сполох, что есть лекари у староверов на реке Тагул. Хорошо лечат, помогают и в этом деле. Здесь недалеко: несколько дней пути по Бирюсе вверх, и по Тагулу полдня. Там в деревне Георгиевка есть старуха, которая лечит такие беды. Егор свозил Настю к знахарке. Одарили старуху дорогими подарками, она долго колдовала, шептала и потом сказала, что будет ребёнок через два года. Год прошёл с тех пор. Чем ближе подходило время, тем тревожней становилось.

Торговые дела шли хорошо, прибыльно. И вот сейчас Егор приехал в тревоге. Новые известия не обрадовали его: в Суетихе он узнал, что в волость прибыла бумага, в которой говорилось, что скоро начнётся большое переселение народа в Сибирь. Строится железная дорога, для обслуживания понадобится много людей, а также нужны земледельцы, чтобы кормить рабочий люд. По округе начнут селить пришлых, желающих обрабатывать землю. Расселения уже начались, и постепенно подходили к Бирюсе. В Суетихе стали строить большую лесопилку: для дороги нужно много шпал. Понагнали народу для строительства моста через Бирюсу, в строители брали крестьян с окрестных деревень: Бирюсы, Конторки, Еловки, Байроновки. Народ ютился в бараках, но работа шла.

«Придётся у себя уменьшить немного лесопилку. Хотя, если начнут строить дома вокруг, пиломатериал пригодится. Но в запас тоже не стоит заготавливать. Время покажет», – решил Егор.

Не замечая мороза, он стоял на крыльце и смотрел в сторону, откуда приехал. Оттуда и нужно ждать перемен. Потом оторвав от бороды сосульки, пошёл в дом. Настя уже надевала лёгкий полушубок.

– Ты куда? – спросил Егор.

– Я уже испугалась за тебя, вроде давно приехал, а всё нет и нет. Подумала, может, случилось чего. Напугал, – виновато заулыбалась жена.

Егор подошёл, обнял, прижал к себе, погладил волосы, вдохнул такой любимый запах.

– Чего со мной случится? Я здесь дома, как-никак.

– Мало ли, – хитро улыбалась Настя.

За ужином она сказала, что был приказчик из волости, сказал, что заедет завтра. У него какое-то дело есть, просил ждать.

– Он куда поехал?

– В Туманшет. Целая сумка бумаг. Я его накормила, а то как же по морозу да голодному.

– Умница ты у меня. Больше ничего не говорил?

– Сказал, что в волости неизвестно о нашей заимке, но это хорошо, что она есть. Ещё он сказал, что разговор у него к тебе долгий.

– Что за разговор? – стал размышлять Егор.

Усталость словно рукой сняло, всякие мысли полезли в голову:

«Приказчику из волости понадобился. Это из самого Шиткино. Может, что с отцом случилось?»

Настя отвлекла от мыслей, заставив всё забыть: уютно примостившись под боком, она промолвила:

– Егоша, – так она одна называла его, – у нас ребёночек будет, – и спряталась под одеяло.

Какое-то время Егор лежал, не понимая сказанного, потом откинул одеяло и спросил тихо:

– Правда?

Настя кивнула в ответ и виновато заулыбалась. Все другие мысли сразу куда-то улетучились, и Егор тоже лежал и улыбался, представляя, как он с сыном будет ходить на охоту. Почему-то сразу подумалось, что будет сын.

На другой день он не находил себе места. Этого самого приказчика всё не было и не было. И только под вечер, когда уже собирался сам ехать в Туманшет, во двор въехала повозка. Егор как раз был во дворе. Человек в большом овчинном тулупе был довольно весел.

– Встречай, хозяин! – крикнул он и вывалился из саней.

Егор поднял ездока и повёл в дом.

– Ручкин, Илья Ильич, – представился он. – А вы будете Камышлеев Егор...?

– Мой отец – Пётр Фомич.

– Егор Петрович, значит, так и запишем, – сказал он и весело засмеялся. – Я здесь по казённой надобности.

– Илья Ильич, может, поужинаем сначала, а потом и поговорим? – предложил Егор.

– Согласен, – сказал чиновник и снова рассмеялся.

Настя быстро собрала на стол. И горячее из русской печи томлёное мясо, и разные закуски: солёные грузди и рыжики, малосольные хариусы. Егор принёс бутылку вина, купленного на всякий случай, сейчас это было к месту. Засиделись допоздна. Егор предложил все дела отложить на завтра, чтобы со свежей головой всё решить, на том и остановились.

Утром, попив чаю с таёжными травами, гость выглядел бодрее, разложив свои бумаги на столе, он спросил:

– Егор Петрович, давно вы здесь живёте?

– Десять лет уже как построились.

– У нас вашей заимки нет на учёте. Я вам расскажу причину моего приезда к вам, а потом поговорим. В связи со строительством железной дороги, а также по плану заселения Сибири, в наши края будет переселяться много народу. В Туманшете мы создали поселенческий участок, там уже неплохая деревня, и на первое время будет где остановиться семьям, которые приедут сюда. Старшим там Игнат Комов. Мы с ним всё обговорили, составили договор. Хороший хозяин, толковый мужик. Он о вас отзывался

самыми добрыми словами.

– Спасибо. Я о нём тоже ничего плохого сказать не могу. Он мне помог на первых порах.

– Это хорошо, сладите с ним по-доброму. К вам дело такое. Игнат сказал, что у вас есть небольшая лесопилка.

– Есть. Но я её собирался закрывать.

– Почему? – поинтересовался Ручкин.

– В Суетихе, куда я продавал большую часть материалов, строят большую лесопилку, мне за ней не угнаться.

– И не надо, здесь скоро понадобится много стройматериалов. Кирпич делаете?

– Пока делаем.

– Не прекращайте. Давайте заключим договор: мы вам оплачиваем работу вашу, а вы пилите материал для строительства домов, делаете кирпич. Для поселенцев государством выделены деньги, часть из них будет выдаваться им на руки, а другая часть, чтобы не пропала, будет выплачиваться вам, как производителю, а вы будете давать материал по специальной бумаге, которую мы дадим поселенцам. Те бумаги будут пофамильными, по ним два раза не получишь ни денег, ни материалов. И ещё, Егор Петрович, как вы смотрите, чтобы здесь поселить прибывших, рядом с вами? Места здесь хорошие. Рано или поздно, но здесь всё равно поселятся люди, лучше, если это будет организовано, чем как попало.

– Я уже думал, – сказал Егор, – рядом с домом место не очень хорошее для деревни. Одна-две усадьбы – куда ни шло, а для деревни место есть здесь недалеко. Я потом покажу.

– С вами хорошо решать вопросы, – улыбнулся Ручкин. – В договоре так и запишем: для поселения рекомендуется деревня... Камышлеевка. Вы не против такого названия?

– Нет, не против, – Егор покраснел от неожиданности.

– Я так и запишу в договоре, что в деревне Камышлеевка можно расселить пятьдесят семей с самостоятельным строительством. Помощь и содействие представляет Камышлеев Егор Петрович. Предоставляется лес для строительства домов и прочих построек, а также кирпич, доски, и он же организует доставку гвоздей, стекла и прочего материала. Егор Петрович, я вам под расписку выдам сейчас деньги на заготовку всего этого, а потом, по мере расходования, вы будете отчитываться и получать ещё деньги. Вы, наверное, подумали: почему же мне такая вера? Возьму деньги и сбегу. Есть такие мысли?

– Если пока нет, то завтра могут прийти, – честно сказал Егор.

– Правильно. По крайней мере, честно. И это не те деньги, с которыми можно всю жизнь бегать, а работать с нами у вас есть выгода. И у вас здесь свой дом, построенный не за государственный счёт, а за свои денежки, вот поэтому у меня есть вера в вас. Давайте будем работать, и вы не останетесь в накладе. Я вас убедил? – Илья Ильич опять рассмеялся.

– Если что, мне теперь надо будет ездить в Шиткино?

– Пока да, но скоро мы переберёмся в Конторку или в Тайшет, скорее всего, в Тайшет. Там делают станцию, народу прибавится и работать с ними будет проще по месту прибытия.

– А сюда сразу пятьдесят семей пришлёт?

– Нет, не больше пяти – семи. У вас есть, где разместить их на первое время?

– У меня есть дом для рабочих, можно использовать, а потом будет видно, чего и как.

– Весной уже приедут люди, готовьте все, о чём мы договорились. Нанимайте ещё людей для работы, к лету нужен лес на пять домов и всё остальное. Справитесь?

– Как же не справиться. У меня и сейчас лес есть для строительства, немного ещё заготовим, и будет порядок.

– Славно, Егор Петрович, ой, как славно. Вообще переселенцы поначалу едут в разведку несколько человек, смотрят на условия, а потом везут семьи. Я же буду сразу

рекомендовать вас, без разведки.

– Постараюсь делать всё, как положено.

Пока Настя готовила обед, Егор отвёз Ручкина на место, подходящее для строительства деревни. Они переехали небольшую речушку, поднялись немного в гору, и Егор остановил коня.

– Вот, – показал он на ровную поляну, тянущуюся версты на полторы. – Здесь раскорчевать можно дополнительно лес и под огороды, и под грядки. Место хорошее, сухое, не заливает, я пробовал вырастить здесь немного картошки и разных овощей. Земля родит хорошо, только руки приложи. Раскорчёвывать придётся много, работа трудная, но места другого для деревни поблизости нет.

– И не надо. Здесь место славное. Хороша будет Камышлеевка. Сам-то чего не поселился тут?

– Это место я потом уж нашёл, и одному здесь неуютно, как пень среди дороги. А для деревни в самый раз.

– Потом и сам переселишься сюда?

– Время покажет, – загадочно сказал Егор.

После обеда Егор проводил гостя. Положил в сани мешок с подарками, кроме даров леса, положил и связку соболей, на тот случай, что придётся ещё обратиться к казённому человеку. И понравился Егору Илья Ильич, этот весёлый человек, уже в годах, но с молодыми глазами, толковый и умный.

На прощание гость сказал:

– Надеюсь на вас я. На тебя, Егор Петрович, на Комова Игната. Разные люди приедут: и вороватые, и ленивые. Только, я думаю, большинство хороших будет. А ты тут старшим назначаешься, так наказано поселенцам будет. Просьба к тебе: будь всем как отец, не смотри, что некоторые будут старые, каждому по делам его помощи. Гордому спесь сбей, ленивого заставь работать, неумёхе – укажи, трудяге – помоги. Вспомни, как отец тебя учил уму-разуму. И надо иметь в виду, что едут сюда не от хорошей жизни, едут сюда от голодной беспросветной жизни за лучшей долей своей.

Скрылись в лесу сани, стих шум умчавшейся повозки. Только снег сверкал и искрился на солнце. Егор долго смотрел вслед уехавшему человеку, начиная осознавать, что произошло важное событие. Теперь к нему обращались, как к доброму хозяину, теперь на него имели виды не просто кто-то, а целое государство надеялось на него. Странно было на душе. Иногда он чувствовал себя просто мальчишкой, хотелось вытворить что-нибудь необдуманное. И вот теперь он – Егор Петрович, а не какой там Егорка. От таких мыслей на душе становилось тепло и легко. Вдруг Егор поймал себя на мысли, что ему вдруг захотелось стать выше, и он невольно приподнялся на цыпочки.

– Ну, прямо косач, – вслух сказал Егор, расхохотался во весь голос и пошёл домой.

Настя уже убрала со стола и стала вязать что-то. Егор подсел рядом, обнял и спросил:

– Как ты?

– А что со мной? – удивилась Настя.

– Скоро, к весне, приедут сюда новосёлы, – сказал Егор, – всё тебе веселее будет.

– Слышала, что приедут. Где будут жить?

– Я показал место на горе, там хватит на всех.

– Мы здесь останемся? Или потом тоже туда поедем?

– Ещё не знаю. Тебе здесь не нравится?

– Здесь хорошо, тихо, а там люди будут. Где лучше?

Егор понял, что его жена скучает одна здесь. Ни подружек, ни вообще людей – поговорить не с кем. Часто остаётся одна в доме. Но за все эти годы ни разу не высказала ни слова жалобы или возмущения. И сейчас, когда она ждёт ребёнка, ей хочется быть поближе к людям.

– А ты хотела бы переехать наверх? – спросил он, пытаясь проверить свою мысль.

– Ну, если там люди будут жить, – подняла Настя глаза.

– Устала здесь?
– Не устала, но и поболтать не с кем.
– А со мной?
– С тобой начинаешь болтать, а ты всё молчишь, а потом и вообще уснёшь. И я болтаю сама с собой.

– Ладно, обещать не буду, но если всё будет хорошо, и мы переберёмся наверх.

Настя опять что-то говорила, но Егор ничего не слышал. Он был далеко в своих думах.

«Как дело пойдёт? Сейчас нужно подготовить всё для первой партии, а там видно будет, как оно срастётся. Какие ещё люди приедут? На что они способны? Смогут ли построиться? А то начнут работать, а потом всё бросят и поразбегутся. И что дальше? Ручкин говорит, мол, помоги, а захотят ли они моей помощи. Надо съездить к Игнату, поговорить. Им нужно сейчас вместе соображать. У него вообще переселенческий участок». Мысли не давали уснуть. Настя давно затихла, примостившись у него на руке. Егор прикрыл оголившееся плечо жены и снова погрузился в мысли. Только под утро забылся в тяжёлой дрёме. К обеду, когда немного унялся морозный туман, он запряг коня и собрался к Игнату.

– Настя, я к Игнату съезжу, поговорить надо. К вечеру буду. Ты не хандри, ладно. Или, может, со мной поедешь?

– Нет, у меня есть дела, там Наталье передай привет. Егоша, ты не задерживайся, ладно?

– Ладно.

Игнат возился во дворе, когда Егор подъехал к воротам. Несколько лет назад они вдвоём прорубили дорогу вокруг болота. И между соседями сразу расстояние уменьшилось на несколько вёрст. И зимой, когда дорога была накатанная, за полчаса можно было приехать к приятелю.

– Бог в помощь, – сказал Егор.

– И сам справляюсь пока, – засмеялся Игнат. – Ну, здоров ли сам? Как Настасья твоя, во здравии?

– Спасибо, всё хорошо. А у тебя?

– Да, слава Богу. Заходи, сейчас пойдём чай пить, Наталья постряпушки затеяла.

– Балует?

– Есть такое дело.

Вскоре они сидели за столом и пили чай с оладьями.

– Ты чего Настю не взял? А то она там бедненькая одичает, – сказала Наталья. – Хоть бы поболтали немного.

– У неё какие-то дела срочные образовались. Я предлагал, да и холодно вато на улице.

Наталья хитро посмотрела на Егора, улыбнулась и сказала:

– Правильно, по морозу нечего болтаться, будет ещё время, посудачим. Вам все косточки перемоем.

– Хорошо, в другой раз привезу.

– Догадываюсь, что за дело тебя привело, – сказал Игнат. – Мне тоже хотелось потолковать с тобой. Как гром среди неба это дело, а с другой стороны, если общее дело выгорит, то и свои дела поправить можно будет. Там, в волости, решили опереться на тех, кто прижился. Их тоже понять можно: не выкинешь людей в чисто поле или в лес. Деньги выложило государство хорошие, страна большая, а людей здесь, в Сибири, и нет почти. Не только землю обрабатывать, а если придётся, и защитить некому. Но это дела казённые, а давай про наши заботы поговорим.

– Я затем и приехал, – сказал Егор, – уточнить, что и как. Как это будет.

– Мне Ручкин объяснил так: люди приедут поездом или своим ходом придут. Многие уже в пути давно. Идут со всем своим хозяйством.

– Почему не на поезде?

– Говорят, что своим ходом дешевле, экономят деньги на всём. И верно, на новом

месте каждая копейка пригодится. Потом их направят в нашу сторону. Пока основной обоз ползёт, от каждого хозяйства люди налегке пойдут, чтобы выбрать для себя место. К нам должны направить пятнадцать семей, десять семей сюда, в Туманшет, здесь и место хорошее, обжитое, но сразу больше принять нельзя. Нужно жильё, а его ещё нет, строить будут сами хозяева. Лес приготовим мы, пиломатериалы разные, кирпич. Людьями помощь будет по возможности. Главное – поставить дом под крышу, а там уже сами доделают. Хорошо бы, какие мастеровые были: кузнецы, столяры, печники. Пять семей к тебе направлю.

– Ручкин сказал мне. Я и место ему показал под деревню, он даже название уже записал, словно деревня уже есть.

– И какое?

– Камышлеевка.

– Ну, паря, ты даёшь. У тебя уже своя деревня. Прямо помещик, – смеялся Игнат.

– Ну, уж и помещик, – засмутился Егор.

– Смехом я это, а если серьёзно, то вот ещё что. Мне Ручкин по хмельному делу сказал, что это переселение – только первая волна. Есть разговор, что это затянется лет на десять, а то и больше. Вот теперь смекай, какое дело можно развернуть. Люди будут, и много будет людей, и с деньгами. На каждую семью, говорят, рублей по двести выдаётся только на обзаведенье. Тут и кумекай, у нас сейчас хорошая лошадь десять рублей стоит, корову за пятёрку можно купить. Поселение пойдёт по реке. У тебя, у меня здесь, дальше в Саранчет. В Венгерку не послать, там, у братьев Шведовых, пахотной земли совсем нет. Буду предлагать места здесь, в округе: Цыганкова заимка, Светлое, Тропа. А там дальше есть Шелехово, Догадаевка. Остальные деревни уже далековато. Лес, конечно, везде есть, вот доски пилить надо, кирпич жечь, дёготь гнать.

– А про Еланку ты не говорил? – спросил Егор.

– Туда не буду отправлять. Там сосланные поляки живут, нелюдимые какие-то. Если кто захочет туда пойти, никто держать не будет, но сам предлагать не стану.

– Из-за чего сослали? – спросил Егор.

– Точно не знаю, будто бы за бунт. Да теперь уж чего, своё они получили. Живут и пусть живут. К тебе, Егор, просьба: постарайся приготовить лес, доски и кирпичи.

– Ты, Игнат, не сомневайся, я исполню как надо. Не пожалею сил.

– Силы побереги: делай добротню, но через пуп не надо. Придёт время, тогда покажешь всё.

После разговора с соседом Егор совсем успокоился и принялся за работу.

5

К концу апреля почернели дороги, но ещё можно было смело ездить по реке, лёд был крепкий. Запах весны уже расходился повсюду. В один из вечеров к Егору приехали две повозки, на каждой по трое мужиков. Среди них был и Игнат. Егор понял: вот они, первые переселенцы. Он мельком оглядел их, оценивая.

– Здорово, Егор! – крикнул Игнат. – Принимай гостей.

– Доброго здоровья всем, – ответил Егор. – Добро пожаловать, проходите в дом.

Мужики вразной поздравались, оглядываясь, по-видимому, они не могли понять, где же здесь можно строить. Кругом стояла стена леса. Войдя в дом, перекрестились на иконы и столпились у дверей.

– Раздевайтесь, проходите, садитесь на лавки, места хватит, – Егор прошёл на кухню к жене.

– Приготовь нам чего-нибудь перекусить, видно, разговор затянется, – сам пошёл во двор распорядиться насчёт лошадей. – Мужики остаются или уезжают с тобой? – спросил он Игната.

– Сегодня они уедут за семьями. Переговорим, посмотрим место и поедем. Если всё

пойдёт нормально, то скоро все переедут сюда, а пока на постое они стоят в нашей деревне. У тебя всё готово?

– Может, и не всё, но начинать можно. Лес мы валили прямо на участках и рядом с ними. Все равно корчевать надо, огороды распахать. Если леса и не хватит немного, то можно и дальше валить. Там лес строевой. Я думаю, что до того, как дома начнём рубить, надо огороды посадить. А за это время и лес немного подсохнет.

– Жить где будут? С семьями они.

– Пока холода, поживут у меня в старом доме, а потом, когда на улице потеплее станет, можно на участках времянки построить, там и жить. До холодов дома постараемся поставить, пять срубов – это не так много.

– Я своих мужиков попрошу, заплачу из казённых денег. Сейчас, Егор, выгода для себя хоть и будет, но небольшая. Прибыль будет через год-два, когда другая волна поселения пойдёт, – сказал Игнат.

– И сейчас не в убыток, а потом видно будет, – сказал Егор. – Пошли в дом, поговорим.

Мужики сидели на скамейке рядком. Они потихоньку разглядывали дом, удивляясь богатому, на их взгляд, убранству. Пол крашенный, что было диковинкой. В центральной России, откуда они прибыли, деревянные полы вообще редкость, только в богатых домах. Но там скоблённые, а здесь в избе посреди леса – крашенные. В доме чисто, побелено. Хорошо живут.

Егор с Игнатом прошли и сели за стол.

– Сейчас перекусим, чем бог послал, а потом поговорим о деле, – сказал Егор. – А то какой разговор натошак?

Настя быстро накрыла на стол. Поставила разных солений, рыбы, мяса и горячей круглой картошки.

– Доброго здоровья, Настасья, – сказал Игнат.

– И вам, дай Бог, долгих лет.

– Как поживаешь здесь, не одичала?

– Слава Богу, живём, ладим.

– Это хорошо. Если всё ладом, и тягость не в тягость.

– Не стесняйтесь, садитесь ближе.

Мужики осторожно потянулись за едой. Ели молча. Егор пил чай и наблюдал за гостями. Они были разными: вот один с густой чёрной бородой, по нему видно, что Бог силой не обидел. Другой, рядом с ним, мужик некрупный, но жилистый. И остальные трое не хлюпики. Было бы хорошо, если бы они владели какими-нибудь ремёслами.

– Ну что, мужики, это Егор Петрович Камышлеев. Он у вас здесь будет и управляющий, и помощник, и отец родной, – начал Игнат. – Кое-что он уже сделал: подготовил лес для вас, но основная работа будет делаться вами самими. Попробуем договориться о помощи, потому как время не терпит, и зимовать у нас можно и нужно только в доме. И вы с нашей помощью поставите за лето себе дома. Теперь каждый должен сказать, что надо, но прежде назовитесь.

– Я буду Антип Кузнецов, – встал чернобородый. – Чегой-то мы не заметили ни леса, который готов, ни места для постройки.

– Антип, а ты каким ремеслом владеешь? – спросил Егор.

– Кузнецами мы были. И дед, и прадед, а отец и сейчас живой.

– Нам кузница понадобится, станешь работать?

– Как построимся, чего ж не поработать. А кузню мне недолго собрать.

– Ты кто будешь? – Егор указал пальцем на жилистого небольшого мужика. – Вставать не надо, не на собрании.

– Зовут Кузьмой, фамилия Захаров. Я больше по дереву рукодельничаю, могу дугу для коня согнуть, и сани сделать, и колесо собрать для телеги, и кадушку. Любое дело по дереву могу осилить.

– Хорошо, а рамы можешь собрать, косяки, двери?
– Так это любой для себя делает.
– А что ещё можешь?
– Лодку-долблёнку могу сделать.
– Обживётесь, понадобится. Река недалеко – версты две отсюда, для себя рыбу будете ловить, кто пожелает.

– Трифон Суренков, – представился третий. – Я попробую собрать мельницу. Небольшие речушки или ручьи есть здесь?

– Дело доброе. Речек и ручьёв хватит.

Лаврен Кузьмин оказался специалистом по шитью полушубков из овчины, мог изготовить и упряжь.

Фрол Погодин оказался на все руки мастер.

– Что я хочу сказать. Всё, что вы можете, всё понадобится, всё сгодится. Самое главное – к осени зайти в дом. Может, что-то и не сделается, но главное – зайти под крышу и поставить печь. Печи кто умеет ставить?

– Я могу, – сказал Фрол.

– Кирпичи уже готовы. Пока снег лежит, будем ещё лес возить, потом надо будет выжечь корни на участке, чтобы посадить огороды. В середине лета начнём ставить дома. Не рассчитывайте на большие хоромы, это если потом силы будут, стройте сами, сейчас дома строить будем небольшие. Хоромы и топить сложнее, холодно зимой у нас, а летом жара бывает отменная: мошкары и гнуса полно, но есть дёготь, мажемся сами, мажем скотину. Теперь поживёте пока у меня, во дворе есть дом для наёмных сезонных рабочих, но они сейчас живут на лесопилке, там и работают. Летом каждый на своём участке поставит какую-нибудь временку до осени. Потом эти временки пригодятся для скота на первое время. Главное – не падать духом, а работать; следующий год будет полегче. И ещё: нужно жить дружно и помогать друг другу, без согласия здесь не выжить.

Мужики заулыбались. Егор, заметив это, спросил:

– Что, ругаться уже приходилось?

– Приходилось, – сказал Фрол.

– Дело житейское. Главное без зла. Ну, что? Идём смотреть?

Все быстро оделись и вышли на улицу. Пешком перешли через речушку, по склону поднялись на гору и через четверть часа стояли на месте. Вдоль дороги, проходившей посреди участков, по обе стороны лес был приготовлен к шкурению. Как только сойдёт снег, с сосен снимут кору, и они будут сохнуть. В середине лета можно будет начинать рубить дома. До осени надо сделать пол, потолок, накрыть крышу, вырыть подполье, сложить печь, а дальше каждый обихаживает сам своё гнездо. Мужики смотрели по сторонам, оценивая новое место. Видна была работа, сделанная до них, но сколько ещё нужно сделать. Что ж, они не баре, для себя каждый постарается, затем и ехали. К работе все привычные. И вот он, шанс: есть земля, руками можно потрогать, место красивое. Деревня Камышлеевка. Скоро она станет родной для тех, кто здесь родится.

– Нравится место? – спросил Егор.

– Ничего, годится, – сказал Антип.

– Или там лучше было?

– Там родина, а здесь... поживём – увидим. Сколько земли можно пахать?

– По указу мы должны помочь распахать три десятины. А там, Антип, отвоёвывай у леса ещё землю да обихаживай. На десять лет переселенцы освобождаются от налогов, так что пользуйся, вставай на ноги, крепи хозяйство. Покосы и пастбища есть, скота можешь держать в достатке, сколько сможешь.

– Это понятно. А церковь есть где-нибудь поблизости? Ребятишек крестить, да и самому причаститься.

– Вот с этим пока плохо. Есть в Бирюсе и в Конторке, это самые близкие деревни, где есть церкви. Ничего, ребятишек можно свозить, окрестить. Будущим летом начнём у нас в

Туманшете ставить свою церковь, – сказал Игнат. – Кто поможет, милости просим.

– Не слушай ты его, Егор Петрович, там свету в окошке не было, а здесь, глядишь, хоть дети порадуются, – сказал Фрол. – Это он просто всегда сердитый. Так, Антип?

– Сказано спрашивать, вот и спрашиваю, – ответил Кузнецов.

– Мы участки по ширине нарезали, чтобы улицу соблюсти. Решайте, кому какой, я думаю, что лучше всего тянуть бумажку, так будет без обид. Особо отличий нет, но, как говорится, лучше сразу решить вопрос, чем потом спорить. По ширине отметили, а в длину смотрите сами, сколько потянете, – сказал Егор.

– Десять лет назад, посреди зимы, пришёл ко мне парень, спрашивал про места хорошие. Вот он перед вами. Видели, как он живёт? Всё будет хорошо, как руки приложите, а само ничего не делается. Вас целая артель, друг за дружку держитесь, и будет у вас удача. Егор Петрович один не растерялся, – сказал Игнат.

Мужики остались довольны местом.

– Вода в речке хорошая? – спросил Антип.

– Хорошая.

– Рыба есть?

– Продавать не будешь, а для себя хватит. На продажу на Туманшете наловишь, если надо будет.

– Какая рыба здесь?

– Хариус, гольяны, налимов колोल острогой, ельцы по осени спускаются.

– Значит, мужики, понравилось вам, будете здесь селиться? – спросил Игнат.

– Сколько смотрели, мёдом нигде не намазано, руку везде надо приложить. Остаёмся здесь, места хорошие, да и устали уже, почти год в пути. Пока всё не прожили, надо обосновываться.

– Раз так, то сейчас едем назад, приготовитесь, соберётесь, и можно будет переселяться. Сено есть заготовленное, привезти надо будет для скотины. И за работу.

Уже давно уехали гости, а Егор всё сидел на крыльце и смотрел вслед.

«Какая она будет, эта жизнь? Нет, не потому, что деревней надо жить; он вырос и жил в деревне, просто здесь люди собираются чужие, незнакомые. Как с ними жить, как они себя поведут?»

– Чего гадать, – вслух сказал Егор сам себе, – поживём и увидим.

6

К концу лета в деревне уже стояли дома. Сияли маленькими окнами, золотились свежим деревом. В каждом доме трудились с утра до ночи: летом дни длинные, светало рано, и темнота приходила поздно. Накосили сена для скота, благо покосы нашлись рядом и погода постояла. Две артели мужиков из Туманшета вместе с Игнатом потрудились на славу. Дома стояли крытые свежим драньём, на потолки натаскали земли для тепла, быстро сплели и остеклили рамы. В трёх домах поставили печи, в двух других ещё делали. В огородах росла картошка, капуста, огурцы, морковь и другие овощи. В первое лето всё было для переселенцев: и погода постояла, и земля родила хорошо. Антип Кузнецов и Трифон Суренков взяли участки огородами к реке, а остальные огородами к лесу.

– Я в прогоне, поближе к речке, поставлю кузницу, и на речку с удочкой ближе ходить, – решил Антип.

Трифон тоже захотел поближе к реке. Антип уже заканчивал отделку внутри дома. Струганые полы сияли желтизной и пахли смолой. Жена Антипа, Евдокия, не могла насмотреться на них, она и не мечтала о деревянных полах. Там, в Рассее, полы были земляные, земля утрамбовывалась, потом её подметали веником. Но босиком не походишь – ноги тут же становились грязными. А тут, как баре, жить будем. Невдомёк ей было, что с земляными полами в морозы не нагреешь дом. Там у помещика ничего не выпросишь, а здесь бери – не хочу. Двое сыновей старательно помогали отцу с матерью. Старший Иван,

пятнадцатилетний подросток, от отца старался не отставать. Младший, Никитка, тоже не стоял в стороне. Дочка Иринка мала ещё, восемь лет только, но и она помогала: грядки полола, без дела не сидела. Зато сейчас по вечерам садились всей семьёй на скамейки вокруг стола и молчали, не веря своему счастью. Или рассказывали весёлые истории, вспоминали счастливые минуты строительства своего дома. Были ещё незаконченные дела, Егор Петрович обещал привезти извести, можно будет побелить и стены, и печь, белым-бело будет. Сказка, а не жизнь. Картошка уродилась хорошая, хлеб уберём, и зимовать можно. Две коровы в хлеву, два коня, обещали ещё овец десяток. Евдокия потихоньку радовалась своей удаче. Антип и то стал иногда улыбаться, а то, было, совсем серый ходил. О кузне думает, и пусть. Руки у него ловкие, а кузнечное дело привычное.

Антип закончил навес над крыльцом. Крылечко небольшое, на три ступеньки, невысокое, но широкое. Дальше достаточно свободные сенцы. В доме – прихожая с кухней, потом большая комната и настоящая русская печь, на которой можно свободно спать всем ребятишкам. За шторкой деревянная кровать. В переднем углу на божнице старенькая икона, привезённая с собой.

– Антип! Ты дома? – позвали с улицы. Антип выглянул из сенцев. У дома стоял Егор Камышлеев.

– Доброго здоровья, – сказал Антип, выходя.

– Здорово. Антип, дело есть. Ты сможешь сделать железные печки небольшие и трубы с коленями к ним?

– Тебе надо, Егор Петрович?

– Нет, вам. Нужно печки поставить дома, утром пока русскую печь натопишь, замерзнешь. А так быстро затопил железную печку – и сразу дома тепло будет, сварить по-быстрому можно, чай подогреть. Только, Антип, в дымоход трубу надо вставить так, чтобы задвижкой можно было закрыть, а то всё тепло вытянет.

– Чего ж не сделать, только железа нет такого.

– Я привёз, бери на телеге. Только так рассчитай, чтобы на пять печей хватило. До холодов управисься?

– Дак чего, сделаю, раз нужно. Долго ли нарезать и нагнуть готовое железо.

В конце лета Настя родила мальчика. Сына назвали Фёдором. Через месяц, пока было тепло, повезли крестить в село Бирюса, церковь там хорошая, большая. В крёстные взяли Игната Комова. После крещения Егор случайно встретил Ручкина Илью Ильича, он был проездом в Конторку. Там находилась волостная управа. Ручкин обрадовался встрече со старыми знакомыми.

– Как переселенцы у вас, перезимуют?

Егор рассказал, что у них все будут зимовать в домах. Обеспечат себя на зиму и продуктами, и кормами для скота. Осталось только овец прикупить – и всё.

– Дивные ты дела говоришь, Егор Петрович. Верно ли так? – улыбаясь, спросил Ручкин. – Молодец! Буду докладывать начальству. А у Игната как?

– Хорошо. Он здесь тоже, куда-то по делам пошёл.

– А чего вы здесь?

– Сына крестил, – улыбнулся Егор.

– Вот и ладно. Поздравляю! Как мать?

– Хорошо.

– После Покрова, как станут дороги, приеду с инспекцией, возможно, не один. Комиссия по расселению – подготовка к большому поселению. Сейчас, извини, не могу больше говорить, спешу очень.

Егор рассказал Игнату о встрече.

– Приедет, встретим, – пожал плечами Комов. Какой-то особой радости в его словах Егор не услышал.

– Ты чего? Случилось что? – спросил Егор.

– Случилось. Потом расскажу.

Хоть и стояла тёплая погода, телега у Егора была застелена дохой. Были тулуп и полушубок с собой, чтобы не заморозить мать и младенца. Укутав жену и малыша, Егор привязал повод к повозке Игната.

– Настя, вы можете поспать, а я с Комовым переговорю. Я привязал повод, можешь смело отдыхать.

– Иди, Егоша, я и впрямь устала. Да и покормлю мужичка. Прожорлив больно, – улыбнулась она. – Вырастит большой, как ты.

– С божьей помощью вырастит.

Егор пересел к Игнату.

– Чего случилось?

– Походил я среди людей, послушал новости.

– И чего говорят?

– Говорят, что много народу в Сибирь прут на поселение. Много тысяч. С Рассеи, с Белоруссии, с Казани татар гонят. Люди разные, и за дела разные некоторых посылают в Сибирь. Много лихих людей будет. Прощай, жизнь спокойная.

– Может, обойдётся? Мест много, Сибирь большая, не всех же к нам. Да и сами лихие люди не полезут в глушь. Им место, где народу больше.

– Чугунку тянут, скоро к нам проведут. Вот тогда и повезут тыщами людей. Ты вот представь: нам с тобой прислали пятнадцать семей, нужно каждому помочь закрепиться за жизнь, сколько мы трудов положили. Денег дали в достатке, никто не говорит, но деньгами лес не заготовишь, люди нужны. А у нас и за деньги много ли можно нанять, ты вот постоянно нанимаешь, где берёшь?

– Я на сезон нанимаю, – сказал Егор. – Плачу неплохо, главное, не обманываю. Где беру? А по деревням еду, и вниз по реке, и вверх по Бирюсе. Нанять нелегко, никто не желает от дома надолго отлучаться. В верховье Бирюсы многие идут мыть золото, там его, говорят, много.

– Оно и у нас есть, – сказал Игнат, – много раз в желудках глухарей находил самородки. Россыпей, правда, не видел, мыть сам не пробовал, не захотел. Зло это большое, затягивает, можно и сгинуть в тайге. На Бирюсе золота побольше, на некоторых речках прямо под ногами валяется.

– Так и валяется?

– Говорят, – засмеялся Игнат.

– Надо больше слухов распускать про золото, лихие людишки и подадутся за лёгкой деньгой, а у нас трудяги останутся. Конечно, много народу нам не принять, это ты верно сказал. И ни к чему нам много. Землю под пашню добывать у тайги нелегко, заливных лугов на Туманшете нет, значит, в тайгу надо подаваться. И пусть подаются.

– От реки далеко, от дороги далеко. Если торговать, то много ли ты наторгуешь без товара, а без дорог не навозишься.

– Ручкин придет, попробуем поговорить, в его власти рассылать людей. Надо договориться, чтобы к нам много не слал, а если и отправит кого, то людей работных, толковых.

– На большое количество людей не соглашайся. Если будет давить, то хотя бы не сразу отвечай, цену набивай, мол, у нас возможностей немного, – Игнат говорил, но продолжал думать о чём-то и помимо разговора.

– Ладно, встретимся ещё и обмозгуем, что нам делать, – сказал Егор. – Надо привлечь к нашему делу мастеровых, к примеру, кузнеца.

– Посмотрим. У нас некоторые, что на два-три года раньше поселились, давай нос задирать, строить из себя старожилы, порядки устанавливать. Пришлось усмирить. Ты тоже присматривай, чтобы не завелась паршивая овца. Лучше сразу приструнить, чем потом мучиться.

– Это верно. Не случилось пока такого. Буду знать.

– Пригладывай. И ещё, раз комиссия будет, у тебя есть какие бумаги для отчёта?

– Какие бумаги? – удивился Егор.

– Если будет комиссия, значит, будут проверять, куда и на что потрачены казённые деньги. Ты себе составь списочек, что ты сделал: сколько леса заготовили, досок напилили, кирпича отожгли. Сколько стекла, гвоздей покупал, и все другое. Цены можешь немного завысить, ведь ездил не к соседу за всем, а далеко. Для чего это? В комиссии может оказаться «бумажная» душа, ему вынь да положи бумажку. А ты ему сразу подай, вопросов будет меньше и подозрений. Деньги казённые остались?

– Немного.

– Говори, что не хватило, ещё своих добавлял. Надо ведь ещё людей скотом обеспечить. Согласен?

– Согласен, а бумажки я составлю. Чего и сколько, и расценки напишу – не понравится, пусть идут и обмеряют.

– Я думаю, что до этого не дойдёт. Егор, тебе не нужно, конечно, говорить, но на всякий случай скажу: лишнего не говори, спросили – ответил, а сам ничего не предлагай. Чем меньше, тем лучше. Кто знает, какие там будут люди.

Они ещё немного посидели, и Егор пошёл на свою телегу. Настя, прижав к себе сына, лежала с закрытыми глазами.

– Наговорились? – спросила она, не открывая глаз.

– Не спишь? Боялся разбудить. Не холодно?

– Не беспокойся. Чего наговорили?

– Ручкина встретил в деревне, он сказал, что скоро комиссия приедет к нам с проверкой.

– Тебе бояться нечего.

– Я не боюсь. Просто могут ещё поселенцев прислать, на этот раз больше.

– Много людей – это хорошо, – проговорила Настя и задремала. Поездка не была лёгкой.

Ещё через неделю в деревню пригнали отару овец. Это было последнее, на что пошли переселенческие деньги, выданные Егору. Он ездил по деревням, договаривался с хозяевами об овцах, немного переплатил, чтобы хозяева сами доставили скот. Обещанное было исполнено. Камышлеевцы все вышли из домов, разглядывая такой подарок. До приезда Егора никто ничего не делил, потом разобрали отару на пять групп, и опять тянули бумажки. Все остались довольны. Двух человек, пригнавших овец, накормили, напоили и доставили до Перевоза на подводе. Там они остались на ночь, а утром сами будут добираться по домам.

7

Снег выпал ещё до Покрова, пошёл с вечера и сыпался всю ночь. Тихий, крупный поначалу, он вскоре повалил так обильно, что за три шага ничего не было видно. Совсем лёгкий морозец не замечался. Под утро снег прекратился, сразу стало светло, празднично.

В Камышлеевке вовсю дымили трубы, деревня жила. Трифон Суренков ещё до света стал разгребать снег. Разметая тропинки к хлеву, на улицу, Трифон раздумался о том, как сложилась его жизнь. Родители мыкались в батраках всю жизнь. По царскому указу дали волю, люди вышли из крепостных, но что с той воли, если нет земли? Землю дали, но негодную для пахоты. Вот такая получилась свобода. Кто-то брал землю у помещиков в непосильную аренду, кто-то просто уходил в поисках своей доли, только особо идти было некуда. И многие возвращались на поклон к барину, так и маялись. Но вот прошёл слух, что будет заселение Сибири. Само название людей не радовало, ведь в Сибирь ссылали на каторгу преступников. Слухи наводили страху, но слухи слухами, а жить надо было. Тогда отец и сказал:

– Иди, Трифон, может, тебе улыбнётся удача. Деньги дают на поселение хорошие, глядишь, и справишься.

Взял Трифон жену Марию, дочек, и с другими сельчанами, Антипом Кузнецовым и Фролом Погодиным, отправился в путь. С деньгами не обманули, часть дали сразу, а остальные, сказали, что дадут на месте. И здесь не обманули. Какие-то деньги дали, а на остальные готовят дома. Встретили хорошо, каждый имеет теперь свой дом, небольшой, но новый и крепкий. А кто жил в хоробах? В таких-то никогда не жили. Всё было хорошо, да только тоска иногда так сжимала всё внутри, что выть хотелось. Всё бы это – да там, в родимой сторонке.

Захаров с Кузьминым из соседней деревни. Все поселенцы знакомы друг с другом ещё по старому месту, но и дорога почти сроднила их. Бабы только поначалу ворчали, но потом привыкли жить артелью.

– Здорово, сосед, – громко сказал Антип. – Вот и снежком нас окрестило на новом месте.

– Доброго здоровья, Антип. Тоже вышел кости размять?

– Хошь не хошь, а надо, куда деваться? Ты чего такой смурной? Ай, заболел?

– Нет, вспомнилась деревня наша. Ты-то вспоминаешь?

– Чего её вспоминать, доброго мало было.

– Само вспоминается, другой раз так сожмёт, что мочи нет.

– Гони кручину прочь, сожрёт. А чтоб легче было, спроси свою бабу: хочет она назад или нет, моя – так ни в какую. Хоть и не говори. У меня были ещё в дороге, когда шли, сомнения, а вот теперь не хочу никуда. Глянь-ка: всё справно, теперь сам своей судьбой рули. Я на следующее лето поставлю кузню, буду грусть-печаль молотком отгонять, а ты хотел мельницу сделать. Будет лето, ищи место – и за работу. Помощь нужна будет, подсоблю, глядишь, и прирастём к месту.

– Прав ты, Антип, умом я тоже понимаю, но находит иногда.

– Я чего хотел сказать: нам надо новоселье справить, а иначе добра не будет. Самогону нагоним и всей деревней отметим. Надо праздники делать, а то скиснем.

– Я не против, Егора Петровича позовём, Комова – как никак, а люди неплохие оказались.

– Само собой, надо спасибо сказать. У тебя дома тепло? Печка не дымит? – вдруг сменил тему Антип.

– Тепло. Ещё и холодов не было, печка топится, Мария хвалит, когда хлеб стряпает.

– Маленькую поставил печь?

– Поставил. Протапливал раз.

– Ладно, Бог не выдаст, свинья не съест. Перезимуем как-нибудь, а на другую зиму веселее будет, – Антип закончил убирать снег и направился домой.

– Антип, тебя Егор Петрович звал на крестины? – крикнул вдогонку Трифон.

– Он всех звал, – ответил сосед.

– Пойдёшь?

– Что значит – пойдёшь? – остановился Антип. – Разве ты не пойдёшь?

– Пойду. Я пойду.

– Чего это ты захандрил, сосед? Не пойму тебя. Много тебе встречалось таких людей в жизни? Он тебе уважение показывает, а ты какую-то ерунду несёшь.

– Да не по себе как-то, – Трифон тоже пошёл домой.

– Ты и не думай ничего, не придёшь, знать я тебя не знаю и здороваться не буду.

– Ладно. Сказал, приду, чего ещё говорить?

Крестины прошли шумно. Были все камышлеевцы и Комовы из Туманшета, и выпито было изрядно. Фрол Погодин хорошо ладил с гармошкой: люди пели и плясали, словно стряхивали всю усталость за прошлые годы. Женщины возились с малым Фёдором, выискивая сходство с отцом и матерью. Говорили о своём, радуясь новой жизни, давали советы молодой матери. Все были словно одна семья.

– Петрович, дай я тебя расцелую, – говорил подвыпивший Антип. – Уважаю и люблю! По-человечески делал дело, без обмана, зови, если что, я за тебя кому хошь растолкую

правду.

Каждый из новосёлов говорил добрые слова, которые были не только ради такого случая, а шли от сердца.

Разошлись уже ближе к полуночи. Ещё долго слышны были нестройные песни новосёлов, медленно поднимающихся в деревню. Уже и собаки залаяли в деревне.

– Надо же, настоящая деревня. И песни тебе, и собаки лают, – сказал подвыпивший Егор.

На душе было светло и спокойно от хорошо сделанного дела, от уважения людей, которых ещё полгода назад не знал, даже не подозревал об их существовании. И, конечно, оттого, что у него родился сын, наследник! Оттого, что у него самая лучшая жена, с которой ему, Егору, легко и хорошо, оттого, что всё идёт своим чередом ровно, без всяких потрясений, оттого, что дело у него налажено и приносит неплохой доход. Миллионщиком не станешь, конечно, но всё в доме есть, и на чёрный день отложено.

Через месяц прибыла комиссия. Вместе с Ручкиным приехали ещё два человека. Появились они к вечеру, когда уже темнело. Егор вышел во двор на лай собак. В ворота, которые не закрывались ни зимой, ни летом, вкатилась кошёвка, запряжённая ладным жеребцом. Хозяин сбежал с крыльца, подхватил за узду коня.

– Доброго здоровья, Егор Петрович, – раздался знакомый голос Ручкина. – Встречай гостей.

– Здравствуйте, здравствуйте! Добро пожаловать! Как добрались в наши палестины?

– Ох, и далеко же вы забрались. Ехали, ехали, едва доехали, мои сотоварищи совсем замёрзли.

– Так чего сидите, прошу в дом, там натоплено, тепло, у хозяйки и приветить чем найдётся. Давайте, а я пока жеребца пристрою, он тоже притомился.

Егор отдал повод работнику, жившему при доме с тех пор, как родился сын. Помощь Насте нужна всегда: печку натопить, воды с реки принести. Егор взял в работники одинокого мужика неопределённого возраста, но в делах расторопного. Никола, так звали работника, взял повод и ждал, пока приехавшие вылезут из кошёвки и заберут свои сумки.

– Ну, здоров ещё раз, – Ручкин обнял Егора. – Видели твою деревню, правда, так, мимоходом, но стоят дома, из труб дым столбом. Порадовал, Петрович, ой, порадовал! Ладно, все дела завтра, а сейчас веди греться.

Гости вошли в дом. Когда они разделись, Егор усадил их поближе к разогретой печи.

– Здравствуй, хозяйюшка, – сказал Илья Ильич, обнял Настю, как старую знакомую. – Похорошела-то как! Ну, где наследник, показывай.

Посмотрев на ребёнка, сучившего ногами и пускавшего пузыри, он достал из кармана серебряный крестик на цепочке, маленькую ложечку тоже из серебра и блюдце с кружечкой. Всё было серебряное. А матери Ручкин подарил золотые серёжки с ярко-зелёными камнями.

– Спасибо, – сказала Настя и покраснела.

– Это вам с Егором Петровичем спасибо, благие дела делаете. Вместе с Ручкиным прибыли ещё два человека.

Хапов выглядел угрюмым, обиженным, на лице не было и намёка на улыбку. Он сидел с отрешённым видом, словно отсутствовал. Господин Свистунов Сергей Сергеич был полной его противоположностью. Он вертел головой, разглядывая убранство в доме. Маленькие чёрные глаза, казалось, насквозь пронизывали не только человека, но и всё вокруг. Ручкин, весельчак и балагур, умевший от души посмеяться и пошутить, сел напротив хозяина и сразу завёл разговор, нарушая молчание. Знакомство с семьёй Камышлеевых позволяло вести себя запросто с ними, а своих спутников он ровно и не замечал, зная, привык к их виду. Застолье не получалось: Хапов и Свистунов ели и пили молча, а Ручкин и не пытался что-то изменить. Егор подумал, что в комиссии нет ладу меж собой, и молчал. В доме зависло какое-то напряжение.

– Егор Петрович, о делах поговорим завтра, посмотрим дела ваши, чего вы тут

наворотили. А сейчас мы бы отдохнули уже. Завтра день трудный.

– Настя, постели гостям, почитать будут, – сказал Егор жене.

– Мне, если можно, на печи, – улыбнулся Ручкин, – спина не гнётся.

Он незаметно подмигнул хозяйину и вышел на двор, Егор пошёл за ним. Они прошли во времянку.

– Егор Петрович, позвал я тебя, чтобы предупредить: не будь слишком откровенным с моими спутниками, зловерные и подлые они. Кроме своего кармана, ничего не видят. Будут спрашивать чего, думай, что говорить, хотя у тебя дел наворочено, можно показать труды свои. Рад, что в тебе не ошибся, друг ты мой. В других местах дома не достроены, люди ютятся в землянках, деньги разворованы. А вы с комовым молодцы: всё в дело пустили.

– Скажи по секрету, у Комова тоже все люди в домах зиму встретили?

– Насколько я знаю – все. Кто-то лучше обустроился, кто – похуже, но все под крышей и с печкой в обнимку.

– Вот именно, с печкой в обнимку, а это самое главное. Дрова-то есть?

– Дрова вокруг растут, не ленись, заготовливай. На этот год вершинник сухой заготовили на дрова. На следующую зиму уже сами пусть заботятся.

– Недовольные имеются?

– Видно, совсем несладко там жилось. Не слышал ни одного недовольного слова.

– Ох, порадовал ты меня, ох, порадовал и, прямо скажу, выручил ты меня, очень выручил. Ладно, завтра пойдём смотреть, чем ты нас ещё удивишь.

Утром, едва рассвело, комиссия направилась в деревню. Пошли пешком: Ручкину захотелось немного размяться. Поднявшись на гору, остановились. Перед ними стояли пять свежесрубленных домов, желтеющих среди снега, как золотники на белой скатерти. Рядом с домами стояли времянки, но капитальных хозяйственных построек ещё не было. Не было и оград, и ворот с калитками – не успели к зиме, оставили на потом.

– Улицы размечали или как попало строились? – неожиданно спросил Хапов.

– Заранее размечали, – ответил Егор. – Думаем, что и ещё будут новосёлы, и улица пойдёт вон туда, – Егор показал направление. – Это как раз вдоль реки, там, под горой, у нас речка, вдоль неё и будет деревня: воду возить доступно и недалеко. Вот эти два дома огородами к реке, а другие к лесу.

– Как определялись участки?

– Поселенцы сами мирно порешили. Я хотел, чтобы тянули бумажки, но договорились полюбовно.

– Скот у поселенцев есть? – спросил теперь Свистунов.

– В каждом доме есть корова, пара коней, овцы, если честно, то по живности я учёт не вёл. Но жалоб и просьб не было.

– Как же вы, милоч, упустили это? Учёт за всем надо вести.

– А кроме этого дел хватало, некогда было по мелочам оглядываться. Дома были первой задачей.

– Домики-то не ахти какие, небольшие домики, прямо скажем, – пробубнил Хапов.

– Господин Хапов, а землянки, которые вы посещали, были, конечно, гораздо больше. Просто хоромы! – не вытерпел Ручкин. – И где вы видели дома большие? Здесь строят дома, чтобы было тепло, а не чтобы далеко было видно.

– Это я так, к слову, – пробубнил Хапов.

– Не придирайся и к слову. Мы за эту поездку ничего подобного не видели: здесь самое рациональное использование государственных средств, выделенных переселенцам.

– Пожалуй, здесь виден результат, – согласился Свистунов. – Может, с людьми поговорим, узнаем у них, довольны ли они.

– Вот сюда зайдём, – они направились в дом к Трифону Суренкову. Встретил сам хозяин.

– Здорово, Трифон! Вот господа хотят посмотреть, как ты устроился. Это комиссия по

переселенцам, – сказал Егор.

– Доброго здоровья всем. Проходите, если надо.

Все вошли в дом. В прихожей топилась маленькая железная печурка, от которой растекалось тепло не только по прихожей, но и по комнате.

– Вы этим топите? – спросил Свистунов.

– Нет, что вы, это Егор Петрович нам подарки сделал, сейчас без неё, как без рук. Пока большая печка натопится, эту быстренько затопишь – и тепло. На ней и сварить быстрее можно.

– Какие это я подарки делал, Трифон, ты чего? – спросил Егор.

– Как же, Антип сказал, что это ты привёз железа и приказал наделать печек для каждого дома. Мило дело.

– Железо куплено на ваши деньги.

– Деньги, чьи бы ни были, а забота твоя, – заключил Трифон.

Прошли дальше в комнату. Кругом было чистенько, стены и потолок побелены, на окнах белели маленькие занавесочки. В углу стоял стол, скамейки вдоль стен. В переднем углу икона, Егор снял шапку и перекрестился.

– Проходите, садитесь к столу. Мария, чаю гостям подай, – сказал Трифон.

– Ничего не надо, – заулыбался Ручкин. – Мы только от стола. Поговорить с вами пришли, а точнее спросить, как вы устроились, есть ли какие просьбы, жалобы. Может, с чем-то не согласны?

– Скажу, барин, честно. Я, было, заскучал, захандрил по родной стороне, да Антип, мой сосед, а по старой жизни односельчанином был, поставил на путь истинный. Спроси, ты, говорит, свою Марию, хочет ли она назад.

– И что, спросил? – Илья Ильич предвкушал интересную историю.

– Спросил. Говорю, собирайся, Мария, поедem назад. Вроде бы в шутку сказал, проверить, значит. Так она взяла ухват и сказала, что голову мне всю расшибёт, чтобы дурь всякую выбить. Вот я и подумал, что если такая пигалица, как моя Мария, готова биться за этот дом, за этот кусок земли, то мне уж сам Бог велел.

– Понравилось, значит, здесь? – сказал Ручкин.

– Ещё не поняли, времени не было, человек хороший встретился, помог, а где привет хороший, место не будет плохим. Я про Егора Петровича, дай Бог ему здоровья, ему, и жене его, и сынку. К этим словам мы все присоединяемся, меж собой разговоры имеем.

– Он за деньги выполнял свою работу, – вставил Хапов.

– Оно, конечно, так, – почесал затылок Трифон. – Без денег и дурак не хочет работать, только работу исполнять можно по-разному. Один сделает добротню, но без души, другой с душой, но невзрачно. А здесь и с душой, и красиво, к примеру, с теми печками. Мог бы и не делать – не замёрзли бы, а ить позаботился. За деньги, что ль?

– Живность в достатке имеется? – спросил Свистунов

– Пара коней, мы на них и приехали, корова, кур уже здесь прикупили в деревне летом, опять Егор Петрович позаботился, сговорился с деревенскими мужиками. Они нам цыплятами продали по два-три десятка. Ему какая корысть, а ведь сделал. А ты, барин, говоришь за деньги, – Трифон даже немного обиделся таким разговорам. – Перед снегом овец пригнали по десятку на хозяина. Пригнали, раздали, сказали: уплачено сполна. Мы и не спрашиваем, кем уплачено, знаем кем.

– Что на лето решили делать? – Илья Ильич решил сменить неприятную тему про деньги.

– Работы хватит. Хлев тёплый ставить надо, скоро начнём лес готовить. Ворота надо: дом без ворот, что баба без платья.

Ручкин захохотал, разряжая обстановку.

– То-то мы долго любовались домами, когда пришли, оказывается, мы на голых баб пялились.

Хохотали все, кроме Хапова.

– Время останется, хочу присмотреть место под мельницу, поставлю небольшую, для деревни хватит. Зерно будет своё, мука своя – всё меньше расходов. Антип обещался помочь, а сам Антип кузню ставить надумал.

– Вот и заживёт деревня Камышлеевка. А вы меня поедом ели, что нет такой деревни. Ан есть! – сказал Ручкин, обращаясь к своим спутникам. – И мельница своя будет, и кузница, и ещё люди сюда потянутся. Молодец, господин Камышлеев, предусмотрел и последующее строительство, спланировал деревню. Ладно, пойдём в другой дом.

Зашли к Антипу. У него в доме было почти так же, кроме небольших мелочей.

– Вы ещё к кому-нибудь пойдёте, или соберёмся здесь и поговорим? – спросил Егор.

– Я думаю, что здесь и поговорим, – сказал Ручкин, – ничего нового мы не увидим.

– Сынок, иди мужиков позови к нам, скажи, чтоб быстрее шевелились, господам ждать недосуг, – сказал Антип младшему Никитке.

Никитка быстро накинул шапку, полушубок и выскочил за дверь. Вскоре подошли мужики, сняв шапки, поздоровались.

– Вы присаживайтесь, где кому удобно, есть разговор. Мы приехали проверить, как вы устроились, есть ли какие жалобы, пожелания. Сегодня посмотрели на ваши дома – хорошо сделали, добротню. Ещё работы много, но это вы уже сами будете доделывать. Лес можете брать бесплатно, это так положено по договору, налоги не будете платить десять лет, это тоже по договору, чтобы была возможность окрепнуть. Деньги, выделенные на обзаведение домом, живностью, разными другими необходимыми вещами, потрачены не зря. Но других денег больше не будет. Теперь давайте сами решайте вопросы, артелью помогайте друг дружке. В вашу деревню ещё будут направлены переселенцы, нужно будет помогать и им. Я слышал, что вы собираетесь делать мельницу, кузницу, а что ещё можете?

– Говори, Антип, ты побойчей, – сказал Фрол Погодин.

– Кузьма Захаров будет по столярному делу у нас. Шибко боек по этому делу. Кадки, столы, табуретки, шкафы разные может собрать, также сани, телеги, колёса к ним, дуги смастерить, только железа на обод привезти надо.

– Жалобы есть? – спросил Хапов.

– Какие жалобы? Встретили хорошо, помогли, будь здоров

– Так и нет жалоб? Может, боитесь чего? – допытывался Хапов.

– Есть жалоба! – вдруг сказал Фрол. – Я молчать не буду.

Хапов кивнул головой, осмотрел всех, надеясь, что у кого-нибудь ещё появится смелость.

– На что ты жалуешься?

– Гнус здесь, ух, зловредный, кровь сосёт, что наш бывший помещик! – сказал Фрол и осёкся, поняв, что брякнул лишнего.

– На гнус наше право не распространяется, – разрядил неловкость Ручкин.

– Я серьёзно спрашиваю, мы сейчас составим акт, что всё хорошо, потом никакие жалобы не будут приниматься, – заявил Хапов. – Деньги, что выделило государство, потрачены не зря, на это требуется отчёт. Вот этот отчёт мы и составим, где каждый и распишется, что жалоб не имеет, что государство выполнило свои обязательства. Дом стоит, скотина есть, три десятины бесплатно должны быть распаханы. Леса есть, сколько потребно, но брать на дальних землях, где отведут. Есть жалобы?

Жалоб не оказалось. Хапов предложил подписать акт всем поселенцам. Грамотными были только Антип и Фрол. В церковной школе не раз стояли на горохе, но грамоту усвоили, остальные поставили крестики.

– И ещё, – сказал Ручкин, – в каждой деревне есть человек, который за всё в ответе, старший. Его все должны слушаться, подчиняться. Вы себе выбирать будете?

– Так у нас есть! – сказал Антип. – Егор Петрович – чем не хорош? Мы к нему попривыкли. Человек большой души и совести, нам другого не надо. А приедут другие новосёлы, кто, кроме него, сможет встретить, как нас встретил?

– Хорошо, так и порешим. Ладно, мужики, удачи вам в вашей новой жизни, привыкайте к Сибири. Хорошему человеку Сибирь не мачеха, только принаровитесь – и забудете прошлую жизнь. Тогда некоторым жёнкам ухват понадобится для чугунов, а не мозги вправлять, – сказал Илья Ильич и весело захохотал.

– Пойдём обедать, – позвал спутников Егор, – хозяйка, наверное, заждалась.

Они ещё раз посмотрели на деревню. Возле каждого дома, несмотря на мороз, стояли семьи в полном сборе и смотрели на уходящую комиссию, пока проверяющие спускались с горы. Когда переходили через реку, Свистунов спросил:

– А вы, господин Камышлеев, почему здесь поставили свою усадьбу?

– Я уже десять лет здесь живу, мне это место понравилось тогда, – ответил Егор.

– А сейчас?

– Я здесь привык. Понадобится, так перееду, недолго дом собрать.

– Чем вы купили людей, что они за вас горой? – не унимался Свистунов, поглядывая на Егора.

– Просто я их не продавал, тем и купил, – ответил тот. Ручкин, слушавший разговор, расхохотался.

– Это как? – не понял Свистунов.

– Не обворовывал, не обманывал – вот и все дела.

Свистунов замолчал, потом сблизился с Хаповым и стал что-то выяснять. Илья Ильич тоже вклинился в их разговор. Его собеседники о чём-то спорили.

После обеда, собираясь дальше, Ручкин подозвал хозяина.

– Егор Петрович, мы решили за твои дела вручить тебе премию. И с большой надеждой уезжаем, что не закроешь своё дело с лесопилкой и другими промыслами, а также надеемся, что будешь нашей опорой и в других делах, – Илья Ильич подал Егору свёрток.

– Потом посмотришь, – тихо проговорил Ручкин. – Проводишь нас до Туманшета? Разговор есть.

Егор приказал Николе тоже запрячь коня в кошёвку. Ручкин поехал с Егором.

– Что я хотел тебе сказать, Егор Петрович. Времена меняются. Переселенцев стало больше, соответственно и денег. Вот такие хаповы и свистуновы стали приворовывать. Ладно бы помаленьку, а то ведь без стеснения уже, норвят друг перед дружкой урвать кусок пожирнее. Хотели и здесь пожить, но не вышло. Ладно, чёрт с ними. К тебе просьба такая: там денег двести рублей, премия, большие деньги или нет – не мне судить, но я прошу: два-три года пусть лесопилка работает. Сможешь продавать материал соседям – продавай, но не закрывай. Через пару лет очень понадобится твоя помощь. Сейчас идёт поселение поблизости: в Конторке, Еловке, Бирюсе, но там чалдоны строят разные преграды – не хотят новых людей. Воровство процветает. Теперь партию поселили на Авдюшинской заимке. Деревня большая получилась, церковь начали строить. Церковь будет – не умрёт дело.

– Из каких краёв едут? – спросил Егор.

– Из разных. Большая часть из центральной России: Самара, Могилёв, Чернигов. Гродно, Орловщина, Тамбов. В Авдюшино из Украины партия приехала. По всей стране агитируют, даже из Западной Сибири едут, из Тобольска. Ожидается большой поток переселенцев, железная дорога дошла до нас, добираться будет легче.

– Видно, не сладко там живётся, – сказал Егор. – Для чего столько людей сюда?

– Осваивать новые земли. Народу нет, а земли освоить надо много, поэтому и даёт государство столько денег. Сладко ли нет, сами выбирают себе судьбу, только ещё знай: денег не будет столько, сколько я тебе в тот раз давал. Разворуют. Сам планируй, что важнее всего сделать. Это я тебе между нами, не для чужих ушей. Воруют, за всеми не уследишь, а делать нужно будет. Почему тебя прошу и говорю с тобой открыто: твоя деревня, твоим именем названа, тебе и ответ за неё держать. Как поставишь здесь жизнь, так и будет, а мужики за тебя горой – опора есть. Поверь, не могу я прекратить воровство,

здесь рука руку моет, и всё покрывается. Концов не найдёшь. Чем дальше от столицы, тем вольнее воровать, хотя, кто знает, что творится в столице. Ничего, Егор Петрович, справимся с делами. Сейчас в Тайшете, на станции, пункт приёма и распределения переселенцев откроем, тогда будет легче.

– Дела-а, – протянул Егор. – И Бога не боятся.

– Не надо тратить силы в борьбе с ними, надо делать своё дело. Тебе хорошо, ты их видишь редко.

В Туманшете комиссия по домам не ходила. Посмотрели дома, составили акт. Утром, как рассвело, спешно уехали восвояси.

8

– Фёдор, ты чего это вытворяешь? – спросил Егор сына, которому исполнилось уже два года. Малыш самостоятельно осваивал пространство двора. Сейчас Фёдор подружился с большим лохматым псом, сидевшим на цепи. Пёс был хорош для дома: огромный, страшный на вид, он и в схватке с волком не уступит. Егор часто отлучался по делам, потому и держал такого охранника. На людей Разбой, так звали кобеля, скалился редко, он своим чутьём определял, с чем приходили люди. Рыкнет пару раз для остротки, чтобы дать знать хозяину, а если хозяин рядом, то и совсем не реагировал. Правда, был случай, когда Разбой показал свой нор. Один из работников во дворе поскользнулся и махнул палкой на Егора. Получилось всё случайно, без всякого умысла, но Разбой так рванул на обидчика, что зазвенела цепь. Работник стал прятаться за хозяина, а собаку едва успокоили.

Двухлетний Фёдор приглядел это лохматое чудище и решил познакомиться с ним поближе. Однажды вечером, занимаясь какими-то делами во дворе, Егор не заметил, как сын подошёл к Разбою, который сидел возле конуры и с удивлением смотрел на ребёнка: первый раз маленький хозяин подошёл так близко. Собака не знала, что ей делать: то ли рыкнуть, то ли уйти. Пока пёс решал, Фёдор ударил его кулачком прямо по носу, Разбой растерялся от такой наглости. Когда Егор увидел, хотел было закричать на собаку, но в это время ребёнок оттолкнул собаку и полез в конуру. Кобель совсем растерялся: сел рядом с конурой, заглядывая в своё жилище. Вскоро Фёдор вылез из конуры и пошёл дальше обследовать двор, а Разбой с удивлением смотрел вслед новому хозяину. С этого дня ребёнок делал с собакой, что хотел; волкодав всё терпел.

На этот раз Фёдор пихал свою маленькую ручонку в пасть собаке, пытаясь схватить длинный собачий язык. Но поймать язык не получилось, тогда мальчик обнял собаку за шею. Когда Разбой лёг, Фёдор залез верхом, лёг на широкую спину собаки и затих. Бывали случаи, что так и спал верхом на собаке.

– Егоша, смотри за сыном, а то собака укусить может, – сказала Настя с крыльца. – Совсем замучил её.

– Не укусит, – сказал Егор. – Ему и самому нравится.

– Больно сделает – может и цапнуть.

– Этой собаке постараться надо, чтобы сделать больно. Я посмотрю, – сказал Егор жене.

С каждым днём Егор всё больше восхищался женой. После рождения сына она стала ещё краше, ещё дороже ему. Они не говорили друг другу о своих чувствах, просто тихо нежно любили, бережно, с уважением относились друг к другу. А сейчас первенец и любимец Фёдор ещё больше скрепил их отношения. Они часто, обнявшись, наблюдали за проделками сына. А проказник он был добрый. То в печку залезет, всю золу вытащит и сам перемажется, то кота поймает и начинает теребить, пока тот не разорётся и не исцарапает Фёдору руки. Сын не ревел: посидит, поморщится, потом сам начинает расковыривать выступившую кровь на следах кошачьих когтей. Быстро находил себе другое занятие. Мальчик не терпел, когда его брали на руки, сразу выворачивался и

уходил.

– Пойдём, сынок, – сказал Егор, снимая Фёдора с собаки. – А то совсем скоро оседлаешь его.

Взяв ребёнка за руку, он направился к речке. Там они сели на валёжину и стали смотреть на реку. В воде сновали мелкие рыбки. Осенняя вода, чистая, прозрачная, притягивала, кое-где за берег уже зацепились жёлтые и красные листья. Река была небольшая. Два-три метра шириной, в основном течении неглубокая, но и омуты в некоторых местах были неплохие. Когда Егор поселился здесь, речка не имела названия, просто один из маленьких притоков Туманшета, каких много, но со временем речку тоже стали звать Камышлеевка, по крайней мере, писать в деловых бумагах. Деревня и речка с одним названием. Но поселенцы в шутку звали её Дунаем. Где-то далеко есть такая большая река, вот и пошутил кто-то, шутка прилипла сразу. Не каждую весну, но бывало, что река показывала свою силу: разливалась, затапливая низины, вырывала небольшие деревья и кусты. После такого половодья и стали звать Дунаем, или Дунайкой. Весной по речке на нерест в большом количестве поднимался хариус, ловили его «мордами», загораживая реку. Летом добывали гольянов и разную мелочь, кололи вилками небольших налимов и усачей. По осени опять ловили хариуса, который скатывался на зимовку в Туманшет. Но первые поселенцы сразу поняли, что в этой речке рыбой много не разживёшься, поэтому стали осваивать Туманшет, до которого больше двух вёрст. Зато там рыбы полно всякой. Тот же хариус, ленок, царь реки – таймень, щука, окунь, елец. Подростки любили таскать на удочку пескарей. За пару лет, что стоит деревня, мужики не только освоили реку, но уже и поделили меж собой участки, которые были ближе к деревне. Не то, чтобы совсем запрещалось рыбачить в этих местах, нет. Просто там хозяева ставили корчаги-ловушки, они наподобие кошеля плелись из ивовых прутьев. В виде воронки делалась горловина и отверстие для выбора рыбы. Это отверстие затыкалось толстым пучком травы, а горловина смазывалась крутым тестом, замешанным на отрубях. За один хороший улов в большую корчагу можно было поймать ведра три рыбы. Попадалось всё. За ельцами залетали в ловушку и щуки с окунями. Корчаги ставили с лодок, на мелководье много рыбы нет, а на глубине без лодки не поймаешь.

Специалистом делать лодки-долблёнки оказался Кузьма Захаров. Лодки он долбил из целого дерева. Для этого подходила осина – дерево лёгкое для обработки, мягкое, податливое, оно становилось крепким и твёрдым после просушки. Кузьма выдалбливал середину, делал форму, а потом, нагревая над костром, понемногу разворачивал дерево клиньями и распорками. Затем ставил шпангоуты и три-четыре сиденья, в зависимости от длины лодки. По верхнему краю с наружной стороны прибивал по одной тонкой доске с обеих сторон, наращивая борта. Лодка получалась лёгкая и устойчивая и выдерживала большой груз.

Там, на другом берегу Туманшета, напротив Камышлеевки, на горе росли кедры. Гора спускалась прямо к самой воде, напрямую на неё было не пройти, слишком крутые склоны, но рядом были достаточно удобные распадки, по ним и добивались до кедрочей. Место называли Толчихой. Камышлеев поставил там зимовье, в котором в шишковой жили работники, заготавливавшие орех, там же и давили кедровое масло, отсюда и родилось название местечка. Кедрочки были хорошие, но шишка рождалась не каждый год. Но бывало, что рано выпадал снег и засыпал шишку, тогда её брали весной, когда сходил снег.

Два года стоит деревня. Ещё прибавилось три семьи самопереселенцев, которые прибыли не по государственному найму, а сами по себе. В Сибирь они попали несколько лет назад. Сначала подрались батрачить в Конторке, на Тарае, где жили зажиточные хозяева. Но много не заработаешь в батраках. Тогда мужики собрались артелью, жён оставили в деревне, а сами отправились искать золото в верховье Бирюсы. Не было их два года. А когда пришли, забрали семьи, пошли устраивать свою судьбу. Расспросили, где в округе можно приклониться, и выбрали Камышлеевку. Не потому, что здесь так уж

хорошо, а из-за того, что деревня здесь совсем новая, и нет старожилов, которые нороят подчинить себе новосёлов. Егор, как ответственный за всё, не стал перечить. Лес был уже заготовлен для строительства, использовали его, новосёлы исправно за всё заплатили: и за лес, и за помощь в постройке домов, хотя камышлеевцы помогли бы и без денег. Но копейка лишней не бывает, а раз дают, то чего отказываться. Дома поставили быстро – сноровка была, никто зимовать не остался в землянке. В следующую зиму выросло ещё восемь домов.

Антип Кузнецов построил кузницу на краю огорода, оборудовал её всем необходимым. И работа пошла. Ремонтировал Антип нехитрый крестьянский инвентарь, мастерила кой-какой инструмент. Железо привозил из города Егор. В Суетихе строился железнодорожный мост через Бирюсу, железо там валялось под ногами. А в далёких деревнях в дело шла каждая железка.

Весной в деревне случился первый пожар – сгорела баня, которая была построена одна на пять семей, топили по очереди. Хорошо, что баня стояла на краю огорода, далеко от построек. Её в первое же лето поставили за огородом Трифона Суренкова, поближе к речке. Топили баню по-чёрному.

Задумавшись, Егор не сразу заметил, что сын уснул, сидя рядышком на валежине. Егор улыбку взял, взял его на руки и пошёл домой.

– Умаялся мужичок, – улыбнулась Настя, на крыльце забирая сына. – Сам бы зашёл, чаю бы попил.

– Пожалуй, и попью, – согласился Егор. – А что там к чаю есть?

– Уж чего-нибудь есть, – засмеялась жена, зная любовь мужа к постряпушкам.

Едва Егор сел за стол, как на дворе залаял Разбой.

– Кто-то пришёл, – сказала Настя. – Иди, посмотри, пока на стол соберу.

Егор вышел на крыльцо. В воротах стоял новосёл Мыльников Осип.

– Мне бы поговорить надо, Егор Петрович.

– Заходи, как раз чай собрались пить, – пригласил Егор.

– Я ненадолго.

– Заходи, там разберёмся.

Осип зашёл, перекрестился и сказал:

– Доброго здоровьица в дом. Здравствуйтесь.

– Проходи к столу, присаживайся. Сейчас чаю попьём, потом и поговорим.

Настя поставила стопку блинов, миску со сметаной, принесла чай и мёд.

– Как прижились на новом месте? – спросила она.

– Спасибо, хорошо.

– Как ребяташки?

– Слава Богу.

– Места нравятся?

– Ничего. Хорошие места.

– И ладно.

Егор с Мыльниковым вышли на крыльцо.

– Егор Петрович, надумал я открыть у нас лавку. Буду торговать разной мелочью.

– А чего только мелочью?

– Можно привозить мануфактуру, женские безделушки, пуговицы, иголки, посуду, инвентарь. Всё можно со временем возить.

– Раз решил, чего от меня надо? Помощь какая, что ли?

– Я хотел спросить, может, ты сам, Егор Петрович, надумал лавку открывать, дело-то прибыльное.

– Нет, я не хочу заниматься торговлей, но когда будешь возить товар, я могу заказы делать и для себя.

– Ты лесу мне продашь на строительство?

– Решим вопрос.

И ещё я хотел м лавку не с краю деревни ставить, а поближе к серёдке.

– А откуда ты знаешь, где будет середина деревни?

– Разговор идёт, что много будет переселенцев, вот я и подумал, отодвинуть свой участок подальше.

– Верно говоришь. Хорошо, я дам материал, а ты, как построишься, дом, в котором сейчас живёшь, отдашь мне под переселенцев. Всё равно мне людей расселять надо.

– Договорились. Только когда переселюсь, тогда отдам.

– Но с переселением ты не будешь затягивать, правда? Если хочешь построить ещё дом, место бери, а вот за материал придётся заплатить. Причём ехать за разрешением на всё надо в волость, потому как у тебя льгот нет. Так как?

– Даю слово. Делать буду всё по справедливости.

– Договорились, готовься. Приду потом, определим место. Ещё вопрос, ты один будешь держать лавку или в доле с кем?

– Один буду, – сказал Осип.

Мыльников не стал тянуть время. До снега поставил дом под магазин, а рядом ещё больший под жильё. Два сруба накрыли крышей и оставили на зиму. Тут и выяснилось, что некоторые поселенцы тоже захотели жить поближе к середине. Антип пришёл первый и спросил разрешение построить дом около магазина, но на другой стороне улицы. Объяснил, что кузница, которую он тоже захотел перенести, должна быть доступна всем. На условии, что Антип отдаст старый дом для поселенцев, Егор выделил место и лес на строительство.

9

В начале лета 1902 года Егор впервые приехал в Тайшет. Особо здесь ничего не было. Стояло станционное здание. В нём, кроме небольшого помещения для людей, ожидающих поезда, был буфет, в котором можно было наскоро перекусить. Там же можно было купить разную мелочь: иголки, нитки, пуговицы. Ещё в здании станции был врачебный кабинет переселенческого пункта, там же вставали на учёт вновь прибывшие люди, которые ехали из разных мест необъятной России. Здесь им предоставлялась медицинская помощь, если кому была нужна. Отсюда направляли людей в разные деревни. Здесь же и кормили несколько дней, пока определялось место жительства. Уже никто не предлагал выбирать место, называли деревню или переселенческий участок – и поезжай. На дорогах стали появляться разбойные люди, которые нападали на одиночных переселенцев. Грабили, отбирали всё, поэтому переселенцы ездили большим обозом. В Конторке, Бирюсе и Суетихе старались купить коней и другой скот.

За станцией виднелись уже первые домики нового поселения, за которыми сплошной стеной стоял нетронутый лес, пугающий своей темнотой. Рядом со станцией работала лавка Супруна. Купец Иван Корнеевич Супрун, как человек ответственный и деловой, получил разрешение построить своё заведение рядом со станцией. Было обещано, что все постройки будут в лучшем виде и послужат началом новой улицы, контуры которой уже просматривались. И ещё Иван Корнеевич пожертвовал хорошую сумму денег на постройку церкви, которую собирались строить в скором времени. Дело было за местом, которое ещё не могли согласовать. Уже подтягивались в Тайшет и другие люди, имевшие хорошие деньги и пытавшиеся оформить своё дело.

Егор осматривал новое поселение, которое, как он предположил, будет решающим в этих местах. Станция будет строиться, людей здесь останется достаточно, особенно тех, кто связан с дорогой. Скоро начнётся большое строительство.

Егору нужно было встретиться с Ручкиным, но на рабочем месте его не оказалось. Узнав домашний адрес, Егор отправился к Илье Ильичу.

– Рад тебя видеть, – улыбался Ручкин. – Ой, как рад. Давненько мы не виделись. Проходи, Егор Петрович, чай пить будем. Как там Настасья поживает? Хотелось бы

увидеть. Наследник вырос, поди?

– Слава Богу, всё хорошо. Настя во здравии, Фёдор – озорник растёт, сладу нет, сам себе барин. Не уследить за ним: может в лес убежать, а то и в деревню к ребятишкам – одному скучно.

– Деревня живёт? Поселился ещё кто?

– Немного. Три семьи всего. Безльготники, за свои деньги строились.

– И такие есть?

– Не спрашивал я, откуда деньги. Один из них, Мыльников Осип, нынче летом открыл лавку. Перебрался на другое место, как он говорит, поближе к серёдке. Я ему леса дал на строительство и магазина, и дома, но первый дом забрал для поселенцев.

– Значит, у тебя готовый дом есть?

– Пять домов.

– Пять домов, готовых к заселению? – переспросил Ручкин.

– Два, хоть сейчас – доски отдирай от дверей и окон и заходи, а три стоят под крышей. Двери, полы, потолки есть, даже рамы стоят, но без стекла.

– Выбили, что ли?

– Нет, один дом Мыльников отдал, другой дом Антипа Кузнецова.

– Уехал кузнец?

– Переехал тоже поближе к середине деревни, не понравилось место, где кузница стояла. Новый дом поставил, большой. У него сыны, уже вот-вот женить надо. Ну, а три дома я поставил сам в расчёте на будущих переселенцев. Если кто прибудет сейчас, застеклим окна и печку сложим – пусть заселяются и живут.

– Так я к тебе сразу и пошлю пять семей. Только им там нужно будет купить лошадей и другую скотину.

– Есть на продажу и лошади, и коровы, не хватит кому – найдём.

– Сегодня ты у меня переночуешь, а завтра я с тобой отправлю пять семей. Твоего коня пристроим на ночь в лучшем виде. Нам с тобой переговорить надо.

Проговорили до полуночи.

– Расскажи мне про свои возможности. Сколько у тебя заготовлено леса под строительство, сможешь ли ты ещё поставить хотя бы пять домов. Очень надо. Поток людей увеличивается, а селить некуда. Не везде так, как у тебя: многие поселились и забыли, что надо помочь другим. Люди мыкаются, не могут нигде пристроиться. Появились случаи разбоя, сейчас уже люди стали ездить с ружьями.

– Лес есть, высушенный, можем начать рубить дома хоть завтра. Плохо, что рук мало рабочих. У меня мужики помогают по возможности, но и своих дел у них хватает. Если только нанять посторонних людей на строительство, дать подзаработать, но нужны деньги.

– Деньги, Егор Петрович, ты получишь. И за работу свою, и на строительство. Тебе я доверяю, и спрашивать отчёта с тебя не буду. Я понимаю, что на то оно и дело, чтоб доход приносило, у тебя совесть есть, ты лишнего не возьмёшь. У Комова как дела, не знаешь?

– Знаю, что лес готовый есть, про другое не могу ничего сказать, давно не был у него. Всё какие-то заботы, дела.

– К нему тоже направлю людей, скажешь ему. И деньги с тобой переправлю: пусть строит тоже.

– Сделаю, как надо.

– Егор Петрович, а сколько ты можешь поселить в деревне людей? Сколько дворов может выдержать твоя деревня? Я понимаю, что нужны покосы, пашни, а их надо разрабатывать. Земли под пашню есть?

– Земли есть, – сказал Егор, на минуту задумавшись, – руки смозолишь, пока до пахоты доведёшь. И не совсем рядом – с полверсты от деревни. За речкой есть ровное место, если раскорчевать и распахать, можно и сотню дворов в мире и согласии содержать. Да только это дело не одного года. А так, думаю, не больше полусотни дворов.

Пока люди неплохие, работные, но кто знает, что за народ ещё придёт. Попадётся одна непутёвая овца, всех перебалаламутит. Власть надо в деревне, чтобы слушались.

– А ты?

– Я – власть, пока распоряжаюсь деньгами, имею возможность помочь. В знак благодарности слушают люди. А скоро всё забудется, и что тогда моё слово? Мне надобна особая власть. Ты с меня спрашиваешь, значит, права у меня должны быть. Кого-то приструнить, кого-то похвалить. Тогда и порядок будет, и дела пойдут.

– А как ты ладишь с работниками своими?

– Словом. Сказал слово, исполнил в точности. Я ведь не урождённый купец, который в любом деле прибыль видит. Начал с малого. Батюшка мой, Пётр Фомич, дай Бог ему здоровья, отделил меня с изрядными по тем временам деньгами, лошадей дал, скотину. Тесть не поскупился с приданым. Брат мой, Иван, помогал на первых порах строиться, мы с ним вдвоём лес готовили на дом, помогал Комов с мужиками, тогда и сдружился с ним. И мужики хорошие у него в деревне. Вот отец учил меня: прежде чем дать слово, подумай хорошенько: сможешь исполнить или нет. Уж если дал слово – умри, а исполни. Тогда и честь тебе, и хвала. Вот и стараюсь так жить. Словами не бросаться, а если взялся за гуж, так не говори, что не дюж. Дюжу пока.

– Должность мы тебе дадим, к примеру, глава поселения. Пока не утрясётся всё. Вот и будешь ты править словом. И рассчитывай на будущее дворов на пятьдесят, не меньше, а там посмотрим, как в государстве пойдут дела. По возможности руби дома, можно даже не на участках, а где удобно, потом перенести будет легче, чем рубить. А вообще, я удивляюсь тебе, Егор Петрович, вперёд смотришь. Мы только подумаем, а ты уже сделал.

– В срубе лесу ничего не будет, а в гурте может и испортиться под дождём. Вот и поставили срубы по месту, а раз не надо переносить, то и крышей накрыли, дранья в достатке.

Через три дня пять семей на трёх подводах прибыли в Камышлеевку. Народ вышел посмотреть на вновь прибывших, будущих односельчан. Время подходило к обеду.

– Трифон, – обратился Егор к Суренкову, – накормите людей пока, пусть по домам по семье возьмут, а я часа через два приеду, будем распределять дома.

– Накормим, голодными не оставим.

Через два часа в доме, оставленном Мыльниковым, собрались старожилы и новосёлы. Сидели, кто на чём приспособился, разглядывали друг друга.

– Вот новые жители нашей деревни, прошу любить и жаловать. Для начала будем знакомиться. Вот наш кузнец Антип Кузнецов, мельник Трифон Суренков.

Егор представил всех жителей, кроме Мыльникова, его не было в деревне. Уехал за товаром.

– Теперь я буду называть фамилии, а вы вставайте, чтобы было видно всем. Антонов Никифор с женой и двумя дочками, Фирсанов Никодим с женой и сыном, Бутьянов Иван, есть жена и два сына, Лятин Николай, жена, сын с дочкой, Томаев Прохор, жена и три сына.

Люди вставали, кланялись обществу и садились. Чувствовали себя неловко.

– Дела такие, если первые люди приехали совсем на пустое место, то нынче немного по-другому. Есть два дома, готовых к заселению прямо сейчас, три других дома будут готовы до холодов, доделывать мелочи нужно будет и самим. Печи сложит Фрол Погодин, он у нас специалист, все печи в деревне его дело.

Фрол кивнул.

– Кирпич есть, Фрол знает где, возить будете сами. Стекло получите у меня. Если сами не можете остеклить рамы, Кузьма Захаров по этому делу мастер, у него можно заказать и мебель, какая нужна. Помощь будет, но вы и сами должны стараться. Ещё, на днях я узнаю, где можно будет приобрести коней, скотину. Деньги на это у вас должны быть. Есть? – спросил Егор.

Мужики дружно закивали.

– Поедете выбирать со мной. Теперь, как будем распределять дома? Кто пойдёт в готовый, а кто в недостроенный? Может, сами решите? Забыл совсем, за готовые дома придётся доплатить бывшим хозяевам за их труд, так что решайте. Когда узнали про доплату, разделили сразу. Фирсанов, Бутьянов и Томаев решили взять недостроенные дома. То ли у них была сила доделать, то ли на детей-помощников надеялись. Антонову достался дом Мыльникова, Лятину – дом Антипа Кузнецова.

– Всё решили? – спросил Егор. – Теперь кому выпали недостроенные дома, будете тянуть бумажки, кому какой, или сами разделитесь? Почему спрашиваю, чтобы потом никаких споров не было, никаких обид. Первые поселенцы разобрались полюбовно. Теперь вот Антипу не понравилось, так новый дом построил себе в другом месте, а на старом оставил прежний. Только на таких условиях будет разрешено строиться по льготе. За свои деньги можешь хоть пять домов строить. Всем понятно? Будут вопросы, где меня найти, знают все. И последнее, Антип, прочитай-ка вслух вот эту бумажку. Ты у нас – грамотей.

Антип посмотрел на бумажку, повертел, посмотрел на печати и прочитал:

– Камышлеев Егор Петрович назначается главой поселения Камышлеевка. Является представителем власти по означенному месту. Есть печать и подпись.

– Егор Петрович, а раньше ты кем был?

– Подрядчиком, что делал, ты знаешь. Я надеюсь, в наших отношениях ничего не изменится. Предупреждаю теперь серьёзно. Есть сведения, что в некоторых местах поселенцев обижает местное население. У нас в деревне все равны, потому никаких обид. Если будет что непонятно, прошу ко мне. Я никому не отказал ни в чём, и надеюсь, в деревне будет порядок. Это надо всем нам, артелью жить легче. Ещё два вопроса: есть слух, что бродят в округе лихие люди, промышляют разбоем. У нас новая деревня, могут заглянуть к нам – отпор давать сразу и без жалости. Дай Бог, чтобы не пришлось. Второе. Услышал я, Фрол, что ты царьком на реке стал, распределяешь участки, что на реку не пускаешь никого.

– Егор Петрович, пустое брешут. Поделили реку для рыбалки корчагами, а удочками лови, где душа пожелает.

– Ладно, раз так ловчей, делите. Только не хватайте больше, чем унести сможете. Выделишь места новеньким, кто, конечно, пожелает.

10

Фрол Погодин сидел на берегу и смотрел на воду. Пришла осень. Вода в реке была чистая, просматривался каждый камушек на дне. По берегам красно-жёлтыми каймами опоясывала воду листва. Вместе с первым снегом и льдом покатится вниз с мелких речек рыба на зимние пастбища. Нужно не просмотреть это время, упустишь – пройдёт она за одну ночь, тогда без рыбы на зиму останешься. Сегодня Фрол дождался орешников. Некоторые мужики, взяв подростков, ушли на неделю бить шишку, будет чем заняться холодными зимними вечерами. Щёлкать орехи – дело заразное, пока не закончатся - не остановишься. Еда не еда, а всё – занятие. Фрол, как и все деревенские мужики, вытащил корчаги на берег, спрятал на зиму. Рыбы хватало всем. Летом это особенно важно: мяса нет – хранить негде, а с рыбой всё ж не пустая похлёбка. Неплохо здесь живут мужики, улыбнулось и им немного счастья. Даже подзабываться стало голодное время в родных местах, а здесь ничего, можно жить. И земля родит понемногу, скотина водится, сено косить можно в достатке. Фрол нашёл несколько полян около деревни, вырубил кустарники, почистил, теперь с сеном на всю зиму, даже и на продажу есть. Зимы только здесь лютые. Так заготовь дрова вовремя, не ленись. Дрова готовят за огородом. Когда выпадет снег, на санях перевозят уже готовые, сухие. Также и с сеном: лежит в копнах до поры, потом по снегу домой доставляют.

Дети подросли – родителям помощники. В огороде грядки пропалывают, за скотиной

присмотрят. Сын, правда, ещё маловат, но не заметишь, как станет помощником. Лаврен Кузьмин сподобился к охоте, добывает и белку, и соболя. Всё копейка. У меня душа к рыбалке лежит, я ему рыбы на зиму дам, а он мне – мяса дикого: сохатины, изюбрятин. Шкурки сбывает через Камышлеева, тот продает кому-то в городе. Всем хорошо. Нынче новых семей прибавилось в деревне. С начала лета пять, да к осени шесть домов заселили. Едет народ, растёт деревня. Пока все ладно живут, без спора, видно, нахлебались горюшка, отойти не могут. Раньше в деревнях было такое, что мужики пока не пили, мирно жили, а уж бабы склоки разводили – водой не залить. Здесь и бабы как воды в рот набрали, значит, не о чем ругаться. Каждый раз смотрим на новых, какие они будут, но пока, слава Богу, невредные люди. Начал было Мыльников хитрить в лавке, товар продавать не совсем доброго качества, Камышлеев поговорил с ним наедине, сразу всё встало на свои места. Камышлеев вроде барин не барин, а силу имеет. Попробуй поперёк его пойти, на место быстро поставит. Но, по правде сказать, что и делает, так на пользу всем. Барин такой не бывает. Живёт на хуторе, никого не пускает рядом поселиться. Чего не хочет вместе со всеми?

– Фрол! Фрол! – раздался голос сверху.

– Чего? Заблудились, что ли?

– Он здесь! Идите сюда.

Первыми спустились подростки. Молодые, лёгкие на ногу, они намного опередили мужиков. Фирсанов Семён и Тимоха Томаев быстро сошлись с Петькой Захаровым и Ванькой Кузнецовым. Ребята вместе здорово поработали на шишкобое и сейчас тащили по мешку чистого ореха. Столько же несли Лаврен Кузьмин, Захаров и Антип Кузнецов. Антип нёс ещё полмешка для Фрола.

– Фрол, ты чайку заварил? – наудачу спросил Антип. – Пить хочу, сейчас полречки выпью.

– Так пей всю, ещё набежит, – в тон ему ответил Фрол. – Иди, водохлёб, для тебя берегу.

Антип сбросил мешок и приложился к кружке с чаем. Чай из ягод и корешков разных, навар вкусный и полезный.

– Скоро снег, наверное, выпадет.

– С чего ты взял?

– Как с чего? Осень же. Не заметил? И кости ноют чего-то.

Переплавились за два раза. Молодёжь убежала, а Антип помог Погодину затащить лодку на брёвна. Больше в этом сезоне она не понадобится.

– Чего нового в деревне?

– Ничего особенного. Новенькие осваиваются, готовятся к зиме, пилят дрова.

– Большая становится деревня. Сколько уже дворов? Восемнадцать?

– Считаю девятнадцать.

– Каких девятнадцать? Ещё прибился кто?

– Татарина Камышлеев привёз из Щетиновки. Ездил торговать скотину, а там сосланные татары. Место им дали в Щетиновке, но им там не понравилось. Послали в Тайшет человека за разрешением искать место дальше, в верховье Бирюсы. Пока человек ходил, ссыльные чего-то не поделили, Шухрат Ибрагимов упросил Петровича взять его в Камышлеевку, согласен был на любые условия. Егор Петрович привёз его с женой и сыном к нам. Хотел взять к себе до следующего года, но Мыльников уговорил поселить их в магазине. Там в пристройке и живут, и сторожат заодно.

– А говоришь ничего нового нет.

– Выскочило из головы.

– Ты приходи ко мне в кузню, заделаем.

– Чего заделаем, – спросил Фрол.

– Дырку в голове заклепаем, – засмеялся Антип.

В середине августа приехали ещё пять семей, для них уже стояли дома. Егор помог

закупить на зиму картошки, муки, приобрели лошадей, коров. Для них уже заготовили сено. Не сладко будет осиливать первую зиму. Но русскому мужику всё по плечу. Весной на себя начнут работать, а там, глядишь, и достаток будет.

Услышал Господь молитвы, дал возможность народу пожить по-людски, вырастить детей в достатке, не видеть их голодные глаза. Женщины ходили вечерами по-соседски помочь друг другу или просто поболтать. Днём по улицам носились ребятишки, нарушая тишину своим звонкоголосьем. Жизнь налаживалась. Валялись у ворот собаки, копошились куры, в тени похрюкивали свиньи.

Большой праздник случился осенью для всех жителей Камышлеевки. В Туманшете открылась церковь. Небольшая, но уютная, она словно солнышко в окошке засияла для людей. Все камышлеевские жители ходили на освящение. Енисейская епархия прислала настоятеля отца Михаила (Борисенко). Теперь можно было и детей крестить, и венчаться. Отмечали открытие церкви с гармошкой и песнями в Туманшете, а потом гулянка перешла и в Камышлеевку. Никак нельзя христианину без церкви.

Пришёл в деревню Егор. Захотелось посмотреть, что успели сделать до зимы. Подсказать чего. Он знал, что соседи подскажут, что надо, но самому хотелось посмотреть. Ведь его деревня, его имя носит. С некоторых пор он почувствовал за собой некую ответственность. Что потом люди будут говорить про деревню? Если скажут, мол, не деревня, а сорище, кому будет приятно слушать такое. Вот и старался Егор, чтобы в деревне было хорошо всем, по возможности. Хотелось, чтобы во всём был порядок. Попытался было Мыльников продавать порченный товар, материал прелый, но переговорил Егор с ним, тот и образумился. Берёт, конечно, у селян мясо, пушнину, шкуры бараньи и диких зверей по своим ценам, но за это не стоит упрекать. Перевоз на базар тоже стоит копейку, а там продай ещё. Но Мыльников договорился с купцом Супруном, но и у него забирает кто-то товар, тоже не по базарной цене. И деревенским мужикам хорошо, и Мыльникову прибыль. Егор смотрел на деревню и радовался: давно ли размечали первые усадьбы, а сколько домов уже. Правда, лес вокруг деревни поредел, но это ничего, вырастет. Сколько его ещё повырубят, пока люди будут приезжать. Уже и магазин посреди деревни стоит, как хотел Мыльников, и за магазином поселились люди.

Егор остановился, прислушался. Антип стучит в своей кузне. Много работы у него, с других деревень приезжают, заказы ему делают. Хороший оказался кузнец. Кузьма Захаров всю округу обеспечивает кадушками. Важное дело: каждой семье их по десятку нужно разного размера. И для засолки, и для воды. Воду возили с реки. Попробовали копать колодец: вода оказалась близко, но нехорошая, невкусная. Брали её из колодцев только для скота. Для себя возили бочками с реки. Бывало, что вместе с водой попадалась и мелкая рыбёшка. Шутки ради обсмеют, мол, ведром рыбу ловит.

Егор, завидев дым в кузнице, решил зайти, перемолвиться парой слов с Антипом.

– Здорово, Антип, – сказал Егор, присаживаясь на топчан.

– Доброго здоровья, Егор Петрович, дело какое привело? – спросил Антип.

– Смотрю, кузня дымится, дай, думаю, зайду. Давненько не виделась.

– И то. Как супруга ваша, во здравии?

– Здорова.

– А сыночек ваш?

– Балует, мать справиться не может, – сказал Егор и улыбнулся. Сына он любил. Фёдор не особо и шкодничал, просто очень самостоятельный стал. Что захочет, то и делает. Но это неплохо. Мальчишка и должен быть самостоятельным.

– А у тебя всё хорошо?

– Слава богу, пока не жалуясь.

– Новенькие устраиваются?

– Обживаются. Первая зима трудная будет, по себе знаю.

– Подсказывайте, пусть дрова готовят, а то будут в лесу по пояс в снегу хворост искать. У нас хворостом не согреешься – дрова нужны.

– Сказали уже. Чего-то делают.

Егор сидел и смотрел на огонь. Сын Антипа, Иван, рослый, крепкий парень, помогал отцу: тягал меха, раскалял заготовку.

– Вырос-то как. Приехал, мальчишкой был ещё. Время идёт, – заметил Егор.

– Уже проблемы с ним, – сказал Антип.

– Какие у него заботы?

– Жениться хочет, в сваты снаряжает.

– Это же хорошо. Пусть женится, первая в деревне свадьба будет. А пойдём вместе сватать? – предложил Егор. – К кому хоть идти?

– К Трифону. Дочка у него старшая подросла, Лизка. Давно ли с куклами забавлялась, а уже и невеста.

– И чего сидим? Пошли. Или дела какие у тебя неотложные?

– Нет, неспешные. А пойдём, пусть попробует отказать, – подхватился Антип, словно только этой поддержки ему и не хватало.

Ванька покраснел, опустил голову и ещё усердней стал раздувать меха.

– Доделаешь, пригаси горн да прикрой дверь, а то свиньи опять перевернут всё.

В середине лета, готовясь к сенокосу, камышлеевцы несли косы отбивать к Антипу. Почитай, все хозяева умели это делать и сами, но не так ладно, как кузнец. Коса – инструмент тонкий. Даже не в том смысле, что она сама по себе тонкая, а вот настроить косу по человеку, по росту, отбить жало, это мог сделать не каждый. У некоторых и коса на вид хороша, а возьмёшь в руки и намаешься. Кажется, всё нормально, а не косит, мнёт траву. Другая, напротив, вся ходуном ходит, вот-вот развалится, но только тронь траву – звенит коса, трава ложится ровным рядком. Любо-дорого. И усталость не берет, косил бы и косил, дня мало. Вот и шли к Антипу настроить косу. Антип научил Ивана отбивать правильно, а сам настраивал каждому косу по росту. По высоте крепил «пуповину», ручку на косовище, а также ставил правильный угол самой косы. Если всё совпадало, то коса работала на загляденье. Однажды Антип с Иваном работали в кузнице и услышали, как кто-то их зовёт.

– Дядя Антип, – раздался звонкий девичий голос.

– Чего тебе?

– Косу посмотри.

– Вань, иди, посмотри косу, – сказал отец.

Иван вышел из кузни. На чурке сидела Лизка Суренкова, рядом на земле лежала коса.

– На землю не клади косу, сама обрежешься.

– Поучи, – засмеялась Лизка.

– Чего у тебя? – сказал Иван и поднял косу.

Лизку он знал хорошо. Молодёжи в деревне немного, каждый всё про всех знает. На вечерки ходили на пустырь, где жгли костёр, играла гармошка, на которой ловко давил кнопки Пашка Погодин. Подросток ещё, но с гармонью управлялся лихо, как и его отец. Девчонки танцевали, пели песни да лузгали семечки. Парни курили втихомолку. Иван часто замечал неожиданные Лизкины взгляды, но не обращал внимания. Мало ли кто на кого смотрит. После вечерки расходились домой, никто никого тогда ещё не провожал, тем более, что жили все рядом.

– Вань, отбей мне косу, чтобы сама косила.

– А ведра тебе не сделать, чтобы сами воду носили?

– Ты и это умеешь? – расхохоталась Лизка.

– Чего веселишься? – пробурчал Иван.

– Тебя увидела – смешно стало.

Иван стал понемногу отбивать косу, постукивая по «бабке».

– Вань, чего ты такой скучный? – приставала Лизка, явно насмехаясь над его нерешительностью. Иван сам по себе не был большим специалистом поговорить, а тем более с девчонками.

– Не мешай, а то испорчу, будешь потом мучиться.

– Скучный ты человек, Ваня.

– Готово, – Иван протянул Лизке косу.

Она внимательно посмотрела ему в глаза, погладила его тёмные волнистые волосы, затем взяла косу и улыбнулась. Резко повернувшись, Лиза пошла в гору. Иван стоял оторопевший и смущённо смотрел ей вслед.

– Вань, иди сюда, подсоби, – крикнул отец из кузницы.

Оцепенение медленно сошло, и Иван пошёл помогать отцу. Некоторое время он ещё думал о Лизке, но потом и забыл. Вскоре, недели через две, на покосе, Иван снова столкнулся с девушкой. Покосы у Суренковых и Кузнецовых были рядом. Иван уверенно делал прокосы, всё ближе подходя к границе своей деляны. Рядом стоял большой шалаш. В нём обедали, отдыхали в самое пекло, оставляли инструмент, чтобы не ржавел под дождём. Когда Ивану оставалось совсем немного, он нечаянно разрезал осиный пузырь. Не заметил в густой траве серый шар и полоснул по нему косой. Осы среагировали мгновенно. Одна вцепилась жало Ивану прямо в лоб. Он бросил косу и, яростно отмахиваясь, бросился к шалашу. Осы отстали, но лоб начал распухать. Лизка видела, что случилось с парнем, подошла к нему и сказала:

– Садись, жало выну, а то разнесёт лицо, собаки не узнают.

Иван послушно сел на чурку. Она наклонилась над ним и стала искать черное пятнышко на лбу – осиное жало. Если его вытащить, то опухоль пройдет быстро, и через час-два ничего не останется. С Иваном случилось что-то непонятное. Он уже позабыл про боль, просто смотрел на румяные Лизкины щёки, зеленоватые глаза. Лизка вытащила жало и, увидев глуповатый вид Ивана, неожиданно чмокнула его в губы. Затем рассмеялась и пошла на свой прокос. И пропал парень. Словно замороженный, он смотрел ей вслед. С тех пор думал о ней постоянно. Иногда в открытую смотрел на неё, забывая обо всём, иногда тайком. Стал рассеянный, это было так заметно, что отец сказал однажды:

– Ты чего такой квёлый? Никак заболел?

– Нет, не заболел, – отвечал отрешённо Иван.

– Так работай.

Но работа не лезла в голову. И вот сегодня, не выдержав, рассказал Иван про Лизку, попросил сватать соседку. А тут и Егор вовремя пришёл в гости. Антип принарядился, прихватив с собой водки, конфет и вместе с Егором отправился в сваты.

– Ты ходил когда-нибудь в сваты? – спросил Егор.

– Нет, не приходилось.

– Мне тоже не приходилось, батя сосватал без меня.

– Трифон тоже не знаток, вот и столкуемся.

У Суренковых даже не догадывались, зачем пришли два односельчанина. Мало ли раз собирались по-соседски выпить в праздник, поговорить, спеть песни, которые помнились ещё с родных краёв.

– Проходите, – засуетился Трифон, увидев Камышлеева. Тот нечасто заходил. Егор прошёл к столу и поставил водку, Трифон удивлённо посмотрел и крикнул:

– Мария, собери-ка на стол чего-нибудь закусить. Вы присаживайтесь, – пригласил он гостей.

Жена Трифона сразу поняла, зачем они тут, и засуетилась. По пути сказала Лизке, чтобы она принарядилась.

Когда сели за стол и выпили по рюмке, Егор сказал:

– Дело у нас такое. У нас, как говорится, купец, ну, в общем, пришли мы сватать вашу дочь.

– Лизку? – спросил Трифон. Только сейчас до него дошло, зачем пришли гости. Хозяин совсем растерялся.

– Как же, да-да. И кто же жених? Ах, да.

– Мы пришли сватать твою Лизавету, – выдохнул Антип, словно сам затащил воз сена на гору.

Мария незаметно толкнула мужа под столом и кивнула на бутылку. Трифон быстро разлил, а когда выпили ещё по одной, разговор стал налаживаться.

– Ивана твоего знаю, хороший парень, работающий. Я бы и согласился, да только, как сама Лизка.

– А давайте и спросим её, а заодно посмотрим невесту, – сказал Егор.

Мария привела дочь. Лиза была смущена, но радость проскакивала во взгляде. Красивая, статная девушка с длинной по пояс косой, с открытым чистым взглядом понравилась Егору: «Хорошие у нас невесты в деревне. И детки вырастут красивые».

– Ну, что, красавица, согласна пойти замуж за Ивана? – спросил Егор.

Девушка ещё больше покраснела, опустила глаза и, быстро развернувшись, ушла.

– Невеста согласна, – решили они.

Трифон, с удивлением смотревший на дочь, промолвил:

– И вправду уже невеста.

– Ты чего? Дочь не узнал? – спросила Мария.

– За делами и не заметил, как выросла.

– Так согласны?

– Поперёк дочки мы не пойдём. Если ей по нраву, значит, и мы согласны. И сват Антип – хороший человек, с таким породниться не грех. И жена его, Евдокия, добрая хозяйка. Хорошая семья. Да и такому свату, как тебе, Егор Петрович, разве откажешь?

Уходили сваты пьяненькие. Дело было решено. Свадьбу назначили после Покрова, как управятся с делами. Все были довольны.

11

Свадьбу сыграли в конце октября. Соблюли все традиции. Сначала выкупали невесту, потом целым караваном направились в Туманшет, в церковь. После венчания разнаряженные упряжки растянулись длинным разноцветным поездом по всей дороге. Гуляла вся деревня. Сначала у Кузнецовых, потом перешли к Суренковым. Ещё неделю ходили сваты в гости друг к другу. Первая свадьба в деревне, первые молодожёны, первые катания по деревне на санях. Праздник длился долго. Молодые стали жить у Кузнецовых. На следующее лето сваты решили поставить новый дом для них, пусть живут своим умом.

Всё прошло хорошо. Зародилась традиция: теперь все последующие свадьбы будут сравниваться и примеряться с первой.

С приходом зимы в деревне наступило затишье. Морозы брали своё, никто лишний раз не хотел выходить на улицу. Настя учила пятилетнего Фёдора грамоте. Мальчик был смысленный и схватывал всё на лету. Он уже знал буквы и ловко складывал слова, сам удивлялся, как это просто. По вечерам Настя читала вслух сказки, Егор сам любил послушать, а сын так просто каждое слово впитывал. У него появлялось столько вопросов, что Егор удивлялся, как это у жены хватает терпения разьяснять. Егор с сыном садился на скамейку возле печки и, слушая разные истории, уносился в мыслях в свои дела.

Этот год закончился хорошо. Сделано было много. И достаток увеличился. Что будет дальше? Сейчас только домами для новосёлов не обойдёшься, надо что-то ещё придумать. Только какие дела принесут доход? Разводить скот можно, но возить продавать – далеко, хотя, если обозами привозить и сразу оптом сдавать, то можно подумать. Лесопилка доход принесёт только тогда, когда материалы нужны будут в строительстве. Надо узнать, как пойдёт поселение дальше. Надо ехать к Ручкину и узнать, что нужнее всего. Настя уже давно перестала читать, уже и Федя уснул, а Егор всё думал о своём. И мысли не отпускали его.

– Егоша, иди спать, – позвала жена.

– Иду, – сказал Егор, едва сбрасывая свои думы. Уже лёжа в постели, Настя спросила:

– Что-то случилось? Смотрю, ты в последнее время, вроде, сам не свой, всё думаешь о чём-то?

– Всё пока нормально, – сказал Егор, обнимая жену.

С самого первого дня он любил её, каждый миг с ней был в радость. Настя понимала мужа, лишней раз не докучала расспросами, не требовала особого внимания. Она знала, что Егор, как и все деревенские мужики, не научен особым любезностям, так чего требовать. Он, как мог, делал ей приятное, покупал подарки, но красивых слов ни разу не сказал. За все их пятнадцать лет, которые они прожили вместе, муж не только не повысил голос, но ни разу взглядом не упрёкнул жену.

– У меня какое-то предчувствие нехорошее, – сказал он. – Когда оно появилось, я не понимаю, но живёт во мне. Может, это просто страх за наш тихий мир, в котором мы живём. Ты, Федя и я. Что-то должно произойти, но я не понимаю, что. Вот одолевают разные думы.

– Смотри, чтобы они не съели тебя.

– Не дамся.

Через неделю Егор поехал посмотреть, как продвигаются дела у новосёлов в деревнях, выросших в верховьях реки Бирюсы. Он доехал до Перевоза, а там по Бирюсе, по зимнику, проложенному по реке, направился вверх. Первая деревня, стоявшая у него на пути, была Догадаевка. В ней одновременно с Камышлеевкой появились переселенцы. Деревня стояла на высоком берегу Бирюсы. Справа гора опускалась прямо в воду, и места для жилья там не было. А вот левый берег был хорош. Ровный, он тянулся на много вёрст вверх по течению, на нём было много места для домов, но деревня прижималась к густому лесу, которым заканчивалась равнина. Место было тенистое, прохладное даже летом, но люди привыкли. Строились здесь сами, потому на возведение дома уходил не один год. Самое главное, что здесь под боком была река, где водилось много рыбы, и жители серьёзно занимались рыболовным промыслом. Задержался в Догадаевке Егор недолго, переговорил со старшим о поставке досок и кирпичей и поехал дальше.

Вскоре прибыл в Щетиновку, что в девяти верстах выше по берегу, затем намеревался попасть в Шелехово.

Некогда мужик, по фамилии Щетинов, облюбывал чистое место на левом берегу реки. Напротив, через Бирюсу, была огромная отвесная скала, там он и поставил заимку. Потом пристроились и переселенцы, которым это место пришлось по душе. Деревня только начинала расширяться. Егор переговорил, кому и что можно продать, а ночевал он уже в Шелехово. Утром заключил несколько договоров на поставку досок и кирпича, но немного, большого строительства здесь не было. На другой день он вернулся домой и решил, что надо пока приостановить заготовки. Запас есть хороший, большего делать не стоит, и решил ещё съездить в Суетику и в Тайшет, узнать, что можно выгодно туда поставлять. Там сейчас народу много, товары нужны.

В Новый год в деревне устроили небольшой праздник. У Антипа в доме сделали застолье. Гуляли в складчину. Самое главное было пообщаться, попеть песни, поговорить по душам. Веселились от души: немного было праздников у этих людей, каждый раз хотелось, чтобы гулянье запомнилось. Когда стали петь песни под гармонь на три голоса, Егор прямо обомлел. А когда его Настя стала подпевать, он поразился красоте её голоса и был сражён окончательно. Он, конечно, слышал, как жена напевала вполголоса колыбельные сыну, но это было не то. Вечер прошёл просто замечательно, всем понравилось так, что договорились почаще вот так собираться всей деревней.

В середине февраля 1903 года Егор отправился в Тайшет разузнать, что можно ожидать в ближайшее время. Февраль был хоть и ветреный, но не холодный, редко доходило до минус тридцати градусов. Ветер то дул по-дурному, поднимая и переноса кучи снега, то успокаивался и чуть хиусил. Потом, словно набравшись сил, снова начинал куролесить. Егор доехал довольно быстро.

Тайшет строился. Уже стояли дома на Северовокзальной улице, Транспортной и

начиналось строительство на Харинской. Возле паровозного депо стояли бараки для работников. Кругом сновали люди, несмотря на мороз. Депо работало.

Егор проехал на южную часть селения, там тоже всю осваивались территории. На базарной площади работали лавочки, валил пар из харчевни. Егор зашёл перекусить и послушать, что говорят люди. Услужливо подбежал половой и предложил свои услуги. Егор заказал горячие щи и жареное мясо, а когда отказался от выпивки и попросил квасу, половой сделал «кислую» физиономию. Он понял, что не удастся пожить. Прислушиваясь к пьяным разговорам, Егор узнал, что купцы, Супрун, Жернаков и Зюзенцев, круто взялись за дело. Жернаков в двух километрах от станции построил лесопилку и поставлял шпалу, столбы и другие материалы железной дороге, Супрун и Зюзинцев взяли подряды на строительство домов, которые и продавали, и сдавали в аренду. Если Омские купцы: Зюзенцев, Сорокин, Кабанов, Жернаков, Шейн – блюли какую-то купеческую честь, то Супрун, маленький рыжеватый, шустрый купец, приехавший из Киева, не гнушался ничем. Открывал маленькие лавки, торгуя хлебом, солью, керосином, материей и другими необходимыми товарами. Готовился открыть синематограф, построил гостиницу, игорный дом, харчевни, в которых напропалую торговали водкой и самогоном. Скопив капитал, он взял подряд на строительство домов для поселенцев, заплатив при этом немалые деньги, надеясь в скором времени всё вернуть. Начал строительство, взяв два переулка, которые позже назвали Супруновскими. Дома сдавал в наём.

Тайшет разрастался и с другой стороны железной дороги. Купцы Кабанов и Сорокин возводили дома по Транспортной и Харинской улицам, а также Северовокзальной. На этом деле многие погрели руки. Редко дома строили из выдержанного, хорошего леса. В основном рубили всё подряд, лес брали, где поближе, расчищая участки. Строили люди, которым не надо было много платить. Но жилья не хватало. Поселенцы, Поляков и Сергей Ульянов, поставили кирпичный завод и обеспечивали кирпичом и строителей домов, и железную дорогу. На ручейке Безымянном, рядом с лесозаводом, Зюзинцев построил мукомольню, обеспечивая мукой всех в округе. Ещё у него были подряды на строительство домов на Первой и Второй Зелёных улицах.

Узнав последние тайшетские новости, Егор понял, что с его капиталами здесь делать нечего. Можно только поставлять какие-то товары небольшим оптом, предварительно договариваясь. При этом он решил, что может иметь дело только с Супруном. Основными поставками занимался купец Кабанов, тягаться с ним не стоило. Другие купцы работают со своими подрядчиками и заказчиками, у них другой уровень. Только Супрун может брать небольшие партии. Надо наведаться к Ручкину, что он скажет по поселенцам, будут ещё или нет.

Посещение Тайшета не улучшило настроения Егора. Он оставил коня на гостинном дворе, сам пешком пошёл к своему другу. Дверь открыла невысокая, худощавая женщина, ещё достаточно молодая и красивая.

– Здравствуйте, мне бы Илью Ильича. Я Камышлеев Егор.

– Вы Егор Петрович? Я вас таким и представляла, – обрадовалась она. – Проходите. Меня зовут Екатерина Павловна. Сейчас я вас чаем угощу, с мороза хорошо.

– А Илья Ильич? – начал Егор.

– Он скоро придёт. Вы не представляете, как он обрадуется вам. Он мне рассказывал о вас столько хорошего. Как ваш сынишка?

– Спасибо. Хорошо.

– Супруга Анастасия здорова? И про неё я знаю.

– Всё хорошо.

Не успели они допить чай, как пришёл Ручкин. На радостях он обнял Егора.

– Как я рад, что ты заехал. Ты по делам или так?

– Заехал узнать, что ожидать дальше. Какие новости у вас?

– Пока затишье. Переселенцы едут, но небольшими партиями, и все остаются здесь в

Тайшете. Господин путейный инженер Манучаров оставляет их здесь, особенно мастеровых. Даже с некоторыми заключает контракты, обеспечивая общежитиями. Когда проезжал через Тайшетку, видел бараки?

– Видел.

– Там они обитают. Работают на дороге.

– Посмотрел, как строится Тайшет.

– Да, быстро строится. Жаль, без красоты, дома все одинаковые. Правда, себе купцы построили завидные терема, двухэтажные. Видел?

– Видел. Смотрю: кирпичное что-то строят с разными штуками.

– Около станции?

– Да.

– Итальянцы строят, свои не могут такое. Водонапорная башня, воды много надо будет паровозы заправлять.

– Как её будут заливать в паровозы? – удивился Егор. – Она же далеко от дороги.

Ручкин рассмеялся.

– Вода насосом поднимается на башню, там будет большая бочка. Потом от бочки по трубе вода подойдёт к колонке возле депо, а там паровоз подъехал, помощник кран от колонки повернул, за верёвку дёрнул, и побежала вода в паровоз.

А какими такими насосами вода будет набираться в башню, Егор спрашивать не стал, постеснялся своей серости.

– Я вот думаю: понадобится моя лесопилка или нет. Будут ещё поселенцы, или закрывать уже, – сказал он о своей проблеме.

– Что мне сказать тебе? – задумался Ручкин. – У купцов здесь всё нарасхват, готовы глотки друг другу рвать. Если не могут по закону взять доходные подряды, тогда просто покупают, многие чиновники тем и живут. Имеют доступ к подрядам на работы, за мзду отдадут тому, кто больше заплатит, а там хоть солнце не всходи. Многие подрядились делать дома, вроде тебя, только сравнивать нельзя совсем: у тебя совесть – контролёр, а тут – рубль. Никто ничего не замечает. Манучаров отчитывается, что дела идут хорошо, дорога строится – и всё. Ты, Егор Петрович, не переживай, мы с тобой заключим договор ещё хотя бы на десяток домов. Получишь деньги, распорядись по-умному, десять семей я к тебе отправлю на следующий год. А ты пока работай, там видно будет. Я понимаю так, что ты присматривал себе здесь дело?

– Не совсем дело, смотрел, может, какие-то товары поставлять можно. Пока не определился. Подумаю, но договор с тобой заключу, а то, смотрю, затишье какое-то. Проехал по реке Бирюсе, там тоже едва шевелятся. Народ обвыкается.

– Ты хорошенько присмотришься. Здесь наглым надо быть. Поедешь сюда, совесть оставь у себя в Камышлеевке. Как она, твоя деревня? Катя, иди, послушаем, что там у них в деревне.

Егор рассказал, как отгуляли первую свадьбу в деревне, как сватали невесту, хохотали над незнанием своим. Про новогодние посиделки, про первую церковь в соседней деревне.

– Люди не хотят возвращаться? Уже есть много случаев возврата. Съедает тоска. И тяжело многим, не выдерживают, а ты взял да посиделки устроил в складчину. Песни попели, поговорили. Эх, как хорошо-то, – радовался Ручкин. – У вас прямо рай какой-то. Если церковь построили, значит, надолго останутся люди.

– Нет, не рай. Присматриваюсь к людям. Некоторые стремятся к жизни, стараются. Тот же Антип, Трифон. Для себя стараются все. Хорошо, что пока нет пьяниц и окровавленных лодырей.

Рассказал Егор и про сына, как тот осваивает грамоту.

– Хотел спросить, где можно будет купить книг, пусть читает, знаний набирается.

– С этим делом мы тебе поможем. Катюша, поможем?

– Поможем, Егор Петрович, у нас много книг, поделимся. Всё равно многое читать

уже не будем, а ребёнку в самый раз.

– Вот и хорошо, Настя тоже делом займётся, а то скучно ей без дела, а так учительницей будет.

Домой Егор ехал со смешанными чувствами. Ничего определённого он так и не решил. Ручкин дал денег на дома. Заказ большой для Егора – а дальше-то что. В конце концов Егор прогнал эти мысли, раздумывая, чем бы ещё заняться в деревне. Так и пролетела дорога в размышлениях, домой приехал в сумерках. В подарок привёз большую стопку разных книг. Там были и школьные учебники, и художественная литература господ Пушкина, Чехова, Некрасова и другие. В восторге был не только Фёдор, но и Настя. Вот теперь будет чем заняться.

И помчалось, понеслось время вперёд.

12

Заканчивалась весна. Сумасшедший период на селе. Нужно пахать, сеять хлеб, садить огороды. Работы много, а времени в обрез. На пашне надо не упустить влагу, но и в холодную землю не заложишь семена, тут каждый сам себе агроном. Как бы то ни было, но в первых числах июня в деревне начали высаживать картошку. Несколько семей собирались в большую команду и выстраивались по обе стороны огорода. По краям лежали готовые семена. Сажали под плуг, всё было достаточно быстро и весело. Большой компанией не только за столом хорошо, но и работать весело. Подсмеиваясь друг над другом, незаметно засаживали один участок и переходили на другой. Несколько артелей управлялись с картошкой за день во всей деревне.

После всех посадок наступал некоторый период затишья. В один из таких дней Егор решил сходить на рыбалку за налимами. Налимов добывают ночью, поэтому он решил взять с собой Настю с сыном. Редко, очень редко они отдыхали вместе. Загрузив телегу разными вещами для ночёвки, снастями, они поехали на Туманшет. Фёдор просто сиял от счастья: для него это была первая в жизни настоящая ночная рыбалка. Ехали на всю ночь. Место нашли хорошее, расположились на чистом берегу. Здесь было достаточно плавника для дров, принесённого рекой по большой воде. Вскоре уже горел костёр. Егор с сыном пошёл добывать червей. Зашли в густой черемушник и стали разгребать старую сопревшую листву. Червей оказалось много, Фёдор едва успевал их собирать. Снарядив удочку, Егор повёл сына на косу. Там он сделал заброс. Едва наживка скрылась под водой, сразу дёрнуло так, что задрожало тонкое черёмуховое удилице. Егор подсёк – на крючке оказался неплохой пескарь. Насадив пескаря на сниску, сделанную тоже из тонкого черемухового прутика, поправив червя, отдал удочку сыну. Сам пошёл готовить удочку для жены. Едва он отошёл, как раздался детский крик:

– Поймал! Тятя, поймал!

– Управляйся сам, – сказал Егор. – Я маме удочку сделаю, вместе будете ловить.

Егор повесил котелок над костром, собираясь варить чай. Сразу бросил сушёных ягод шиповника, разных травок и свежих листьев смородины и малины. Пока чай закипал, он с большим удовольствием наблюдал за своими рыбаками.

«Боже, как же хорошо! – подумал Егор. – Вот что ещё надо? Спешим куда-то в делах-заботах, а такую малость, как порадовать себя, не можем себе позволить, всё времени не хватает».

Егор попил чаю и пошёл копать вьюнов. Только на них можно было наловить хороших налимов. Накопав десятка три вьюнов, Егор вернулся к костру.

Мать с сыном рыбачили, пока не кончились черви. Улов оказался внушительным. А сколько было радости! А сколько было разговоров! Они наперебой показывали свои трофеи, смеялись. Егор определил, что победил младший Камышлеев, ему полагается приз – конфеты, а проигравший будет готовить рыбу. Получив кулёк с конфетами, Фёдор вытащил одну, посмотрел на отца и спросил:

- Это мои?
- Заслужил, значит, твои.
- Тогда я вас угощаю, – и он протянул конфеты родителям.

Все весело рассмеялись. Пили чай с конфетами, смотрели на костёр, любовались рекой, обнимались, смеялись, потом все вместе стали чистить рыбу. Отходы собирали в баночку.

– Мы это есть будем? – спросил Фёдор.

– Зачем? Нам рыбы мало разве? Этим мы будем кормить большую рыбу, которую пойдём ловить ночью.

– И я буду ловить ночью?

– Если не уснёшь, то, конечно, будешь.

– Не буду спать, – заявил сын. – А можно я ещё половлю рыбу?

– Червей знаешь, как копать? Комай и лови. Зачем на реку приехали?

Вскоре Фёдор опять сидел на берегу с удочкой, но уже один. Настя готовила уху. Выпотрошенную рыбу сложила в большой котелок, посолила, налила немного воды, добавила масла и захваченной с собой зелени с огорода. Накрыла крышкой и поставила на огонь. Когда вода закипела, варево сняли с костра и поставили томиться. Обедали все вместе. Вкусней, кажется, ничего в жизни не ели.

К вечеру стало прохладней. Возле костра Егор сделал небольшой шалаш, чтобы тепло от костра не уходило, там и устроили постель. Места хватало всем. Уже в сумерках Егор с Фёдором поставили закидушки с наживкой. Снасти расположили по берегу вниз по течению метров через двадцать друг от друга. Привязывали шнур с крюком и грузилом к кольшку, вбитому в берег, насаживали на крючок вьюна и аккуратно, чтобы не повредить наживку, забрасывали снасть. Проверяли снасти через два часа с факелом. За ночь ходили раза три, четыре. Чтобы не уснуть, Фёдор не ложился на постель, ему так хотелось посмотреть, какую рыбу ловят по ночам. Хоть отец и сказал, что ему будет не по силам вытащить большого налима, мальчик не особо верил. Он так ловко рыбачил сегодня, ловил и большую рыбу. Уснул Фёдор сидя у костра, Егор положил его к матери.

– Умаялся рыбачок, – сказала Настя. – Я тоже помню, как меня первый раз брали на рыбалку. Хорошее время было: ни забот, ни хлопот.

– А сейчас плохое время?

– Сейчас тоже хорошо, но мы стали другие. Молодец, что вытащил нас сюда. Здесь, как у нас в Федино, только река поменьше.

– На реке везде одинаково.

Внизу по реке горели два костра, кто-то из камышлеевских рыбачил.

Егор сидел у огня и снова думал о своём. Когда подошло время проверять снасти, Настя спросила:

– Помогать надо?

– Ты же спала.

– Так, дремала.

– Нет, сам справлюсь, отдохай.

Соорудил факел из бересты, заготовленной заранее, взял топор, наживку и пошёл. Настя долго наблюдала, как муж проверяет снасти. В темноте не было видно, поймалось что или нет, уснула незаметно. Когда проснулась, Егор сидел у костра и пил чай.

– Сходил?

– Да, всё нормально. Спи, я посижу.

Когда взошло солнце, костёр уже совсем погас. Егор, тоже дремавший, проснулся и расшевелил угли. Подкинув дров, пошёл снимать снасти. Когда он притащил рыбу, проснулся сын.

– Пора проверять? – спросил он, подскакивая.

– Уже всё, пора домой собираться.

– Поймал рыбу?

– Поймал, посмотри.

На траве у воды лежало десятка два хороших налимов, каждый не менее десяти фунтов.

– Вот это рыба! – восхитился мальчик. – Как ты поймал столько?

– Вы же с мамой вчера, пожалуй, больше словили.

– Но те маленькие были, а эти огромные.

Домой приехали уже к обеду. До вечера Настя вместе с работником Николаем потрошили, солили налимов, готовили к копчению. Прежде чем коптить, нужно было ещё несколько дней вялить рыбу, но это уже будет делать Никола. Он большой специалист по этому делу, говорит, что научился на Байкале.

На следующий день Егор отправился в деревню: надо было посмотреть, как идёт строительство. Два дома стояли прямо напротив друг друга. Один для Ивана Кузнецова, женившегося по осени, другой – семье Ибрагимовых, перезимовавшей в сторожке у Мыльниковых.

На новостройку приходили свободные мужики и помогали. Дома росли быстро, к осени будут готовы. Вместе со взрослыми работали и ребяташки. Помогали носить мох, подавали инструменты, подносили ковшик кваса или воды.

К концу июня срубы уже стояли под крышей. Работу временно прекратили: сначала огребли картошку, потом стали готовиться к покосу. Заготовили сено и снова принялись за дома. Егор был доволен: все в деревне будут зимовать в тепле.

А весной можно будет готовить место под пашню: выжигать и выкорчёвывать пни. И вид на поля будет приятней крестьянину, чем на глухой лес. Тайги хватает, а полей, радующих глаз, немного. Весна и лето пролетели в привычных хлопотах. Всё, что запланировали, сделали.

Осень была урожайной на клюкву, её на болоте было столько, хоть горстями собирай. Егор стал заготавливать ягоду себе и для продажи. Клюква росла рядом с домом, на краю болота. Берега озера заросли травой и мелким кустарником, образуя болотину. Ходить по ней было небезопасно: под ногами всё колыхалось. Со временем травой затягивало всё больше воды, и на этой траве, на живом болоте, росла клюква. Вызревала она уже перед снегом, и потому не боялась морозов, становясь только слаще. Камышлеевцы тоже заготавливали ягоду. Хранилась она просто. Приносили ягоду с болота, просушивали, засыпали в любую сухую ёмкость и оставляли на холоде, клюква замерзала и так хранилась до весны. Это было первое лекарство от разных недугов. Клюкву ели просто ягодой, варили кисель, делали квас, с клюквой квасили капусту, пекли пироги. Егор решил, что и в городе должен быть на неё спрос. Для себя заготовили ещё чёрную смородину, кислицу, чернику. Засолили много маслят, рыжиков, груздей да опять. Заготовили и на продажу. Особенно хорошо идут грузди и рыжики. Сельчане сдают их Мыльникову, тот возит в Тайшет и продаёт. Видно, прибыль имеет, зря не возил бы. Надо переговорить с ним, через кого он товар сбывает.

13

Перед самым снегом, в октябре, справили новоселье молодые Кузнецовы, чуть попозже – Ибрагимовы. Кузнецовы перешли в новый дом втроём. Лиза родила мальчика в начале сентября. Дома всё было сделано по-доброму: сваты постарались. Мебель была, правда, незатейливая, как у всех: стол со скамейками, кровать в углу, рядом с ней на крюке, прибитом к потолочной балке, висела люлька для ребёнка. Но как хорошо в своём доме!

Сына назвали Егором, в честь Камышлеева, проговорился подвыпивший Антип. Крестины прошли вместе с новосельем.

Когда встали реки и наладились зимники, Егор повёз свой товар в Тайшет. Взял небольшое количество: связей налажено ещё не было. Хотя из разговора с Мыльниковым

Егор узнал, что надо ехать к Супруну, тот возьмёт, только надо сговориться о цене и о дальнейших поставках. По приезде в Тайшет Егор пошёл к Ручкину. В это время в кабинете у Ильи Ильича был Зюзенцев. Решал какие-то вопросы по строительству домов. Ручкин представил ему Егора. Омский купец Зюзенцев по своей натуре был человеком открытым, с широкой душой. Узнав, что Камышлеев в какой-то мере его коллега, он порадовался новому знакомству. Небольшие объёмы товара были ему как раз нужны. На его предприятиях работали столовые и небольшие лавки для своих же рабочих. Поставки свежих продуктов нужны были срочно, но заниматься ими самому купцу было некогда, а тут представился такой удобный случай. Прямо в кабинете Ручкина сговорились о поставках, о цене, которая устроила обоих. В этот же день Егор доставил товар и получил деньги. Для Зюзенцева эта сделка при его капиталах была не очень важна, но он любил деловых людей, которые держали слово. Просто симпатизировал таким. В последнее время всё чаще нарушалось купеческое слово, и это было противно настоящим купцам. Обмыв сделку, Зюзенцев предложил привозить в небольших количествах и хорошую пушнину.

– Не для доходов, а для подарков и посылов, – шепнул он и громко расхохотался. – Такое нынче время. Рад был познакомиться, приходи по делу и без дела.

Они ещё долго говорили о работе Егоровой лесопилки, о строительстве домов, которые оплачивались переселенческой конторой. Объёмы строительства у Егора были смешные для купца, но принцип был хорош. Расстались друзьями.

Довольный, Егор поехал к Ручкину домой. Там вечером за чаем рассказал о деревенских делах, о работе, выполняемой в срок. Екатерина Павловна тоже была очень рада Егору. Она радостно улыбалась, когда Егор рассказывал о семейной рыбалке. Копчёного налима Егор привёз в качестве гостинца Ручкиным.

– Можно я к вам погостить поеду? Илюша, можно я поеду погостить? – спросила она.

– Чего же нельзя, я через две недели опять поеду в Тайшет, если не понравится, привезу, – сказал Егор.

– Вот и ладно, поезжай.

На другой день Егор с Екатериной Павловной отправился домой. Как всегда запасся подарками для жены и сына, любили они его приезды. Всегда радовал он их чем-нибудь. Вечером, проезжая через деревню, Егор показал на дома, в которых светились огоньки зажженных ламп и лучин.

– Вот и Камышлеевка. Екатерина Павловна, стойко переносившая дорогу, закрутила головой.

В темноте было видно немного.

– Плоховато видно. Темно, – сказала она.

– Посмотрите ещё. Сейчас домой быстрее, окоченели уже.

– Есть маленько. Скоро уже?

– С горы съедем и дома. Рядом.

Екатерина Павловна кое-как вылезла из саней, ноги закоченели. Егор приказал Николе срочно топить баню.

– Настя, встречай гостей! – крикнул Егор с порога.

– Заморозил гостью-то, – сказала жена, помогая раздеваться.

Егор представил Ручкину, сказал, что она хочет погостить у них.

– Ладно, сами разберёмся.

Фёдор сидел на печке и с удивлением смотрел на чужую тётку. Своих деревенских он знал всех, а эта была незнакомой. Когда стали разбирать подарки гостю, позвали и Фёдора. Ему подарили большую книгу с красивыми рисунками. Глаза у ребёнка загорелись восторгом, он позабыл про всё.

– А где спасибо? – напомнил Егор.

– Спасибо, – сказал мальчик, застеснявшись своей оплошности.

После бани, отогревшись, Екатерина Павловна сидела раскрасневшаяся за столом.

Пили чай. Настя угощала мёдом и разными вареньями. Женщины сразу нашли общий язык. У них появились свои дела и свои секреты. За час они построили планы на две недели, может, даже и больше. Только Фёдор сидел у лампы и разглядывал картинки. Ему не было никакого дела до взрослых. Егор, словно зритель, наблюдал за своим семейством и тихо радовался.

Две недели шла подготовка к поездке. Егору пришлось съездить в Туманшет, выбрать у охотников хорошую пушнину. По случаю приобрёл большую медвежью шкуру в подарок Зюзенцеву. Такие подарки укрепляли торговые отношения. Видя у себя шкуру, купец каждый раз будет помнить о том, кто ему подарил её.

Через две недели обоз был готов, теперь можно и отправляться. Екатерина Павловна совсем не хотела уезжать. Вместе с Настей они ходили в деревню, побывали в домах. Настя не была гостьей, её любили деревенские женщины. Она всегда приходила на помощь, если надо было – у неё были хорошие отношения со всеми жителями.

– Смотри, как хорошо, – воскликнула Ручкина, впервые увидев маленькую печку у Кузнецовых. – Неужели от неё так тепло?

– Нет, – отмахнулась Евдокия, смутившись, – разве ею обогреешься. Её топить надо круглосуточно, она у нас для утра. Утром быстренько дров бросишь – и тепло. А ещё у нас есть русская печь, в ней мы варим и хлеб печём. Вот от неё тепло, на ней и спать можно. Ребятишки спят и зимой, и летом.

– Летом тоже топите?

– А как же? Хлеб-то печь надо. Но летом печь напрямую топится и вся не нагревается. У нас в деревне свой печник, Фрол Погодин. Хорошие печки делает, никто не жалуется.

Понравилось Екатерине Павловне в деревне.

Но настал день расставания. Женщины даже всплакнули.

– Слезы в дорогу – хорошая примета, – сказал Егор, разряжая обстановку.

До Тайшета в первый день не добрались. Пришлось ночевать на постоялом дворе в селе Бирюса. Хорошее большое село. Люди жили здесь зажиточно, в центре стояла церковь. Через село проходила дорога на восток в необъятные российские дали. Даже император Николай проезжал здесь в своё время, в соседней Конторке ночевал. Выделил сто рублей для церкви и подарил церковную утварь с царскими гербами.

Егору нравилось бывать здесь, отсюда он начинал свой самостоятельный путь, отсюда начиналась дорога в его родную деревню. Давно не бывал он в родных местах, всё дела да заботы. Надо будет съездить, навестить родных. Давно от них не было и вестей.

Первым делом Егор завёз домой уставшую Екатерину Павловну. Мужа дома не захватили, Илья Ильич уже ушёл на службу. Человек ответственный, он не позволял себе разгильдяйства даже в мелочах.

Товары Камышлеев доставил, как и договаривались, Зюзенцев приветливо встретил Егора. А когда Егор подал ему связку соболей, он очень обрадовался. Как купец и как сибиряк, он знал цену мягкому золоту. Рассмотрев каждую шкурку, он обнял Егора.

– Угодил, братец, угодил!

Торговаться не стал. Положил за товар такие деньги, на которые Камышлеев не рассчитывал.

– С утра хандрил, а теперь нет. Теперь настрой боевой!

– Вели занести тюк у тебя в сенях, – попросил растроганный приёмом Егор.

Когда разложили в комнате медвежью шкуру, Зюзенцев сел в кресло и в восторге развёл руками. Он долго молча любовался хорошо выделанной шкурой с мордой, с лапами, на которых блестели чёрные когти.

– За это я дам особую цену, – наконец, сказал купец.

– Это я не продаю, – сказал Егор.

На удивлённый взгляд купца добавил:

– Это мой подарок.

– Люблю! – воскликнул Зюзенцев, схватив охапку Егора. – Обмыть подарок!

И они выпили по три маленьких рюмочки хорошего французского коньяка. Вечером Екатерина Павловна взахлёб рассказывала о своих впечатлениях. Уже перед сном Ручкин спросил:

- С Зюенцевым всё ладно?
- Да, как договаривались.
- Он держит слово, не в пример другим. Продолжите дело?
- Да, заказ не отменяется. Торговаться не стал, цену дал хорошую.
- У него капиталы позволяют, и человек он широкой души.
- Даст Бог, наладятся связи. У меня небольшие запросы.
- Теперь когда приедешь?
- После Рождества. Не хочется в крещенские морозы испытывать судьбу, на том и договорились с Зюенцевым.
- Всегда рады будем увидеть вас. Катя-то как рада. Спасибо вам. Она у меня городская, привыкла к обществу. А здесь что? Загрустила было, а сейчас – ничего, улыбается.
- Летом погостит ещё, если пожелает. На реку съездим, порыбачим.
- Скорей бы лето, я тоже приеду отдохнуть. Притомился чего-то.

14

Морозы долго не отступали. Лес заиндевел, затих, словно вымер. Чаще обычного раздавались «выстрелы» стройных сосен, с громким треском разрывал их мороз. Лоси и изюбры затаились в густых пихтачах, всё живое затихло, стараясь понапрасну не тратить тепло. Так продолжалось около трёх недель. С приходом февраля морозы понемногу стали слабеть. Поначалу над лесом исчез морозный туман, и стало появляться солнце. Становилось светлее, морозы ещё стояли, но уже терпимые.

Егор опять подготовил обоз. Тянуть больше было нельзя, с ним в город напросился Антип. Хотелось ему посмотреть на новое поселение, присмотреть обновки себе и родным. Егор хотел было взять с собой Николу, но в такой мороз Насте тяжело будет отапливать дом и управляться со скотиной.

Выехали затемно, хотелось за световой день добраться до места. Ночёвки в пути – лишние хлопоты. Добрались без происшествий, правда, видели волчьи следы по дороге. Видно, выгнали серых морозы из тайги, но встречи с ними не случилось. На всякий случай ружья с собой возили всегда. Ходили слухи, что какие-то лихие люди грабили обозы по таёжным дорогам. С такими людьми, слава Богу, Егор не встречался.

К вечеру добрались до Тайшета. Ночевать остановились на гостинном дворе. Наутро сговорились, что каждый займётся своим делом. Встречаться и ждать друг друга договорились здесь, в ночлежке. Утром Егор повёз товары к Зюенцеву, купец выглядел хмурым.

– Проходи, садись, – сказал он Егору.

– Вот такие нынче дела, – сказал он. – Пришла беда – отворяй ворота.

Увидев недоумённый взгляд Егора, он хмыкнул:

– Да ты, братец, и не знаешь? Война началась.

– С кем?

– С японцем. Про Порт-Артур слыхал? Война объявлена. Жди мобилизацию. Хотя разобьют япошек, я в этом уверен, испугаться не успеем, но затраты потребуются. И вот тут размышляй: станет меньше строительство дороги или не станет? То, что с домами надо помаленьку придержаться – это понятно, сейчас не до поселенцев. Деньги понадобятся державе. Но дорогу, пожалуй, не прикроют, даже, я думаю, усилят строительство, она идёт к океану, где японцы. Дорога будет строиться, а вот что будет с переселенцами, посмотрим.

Зюенцев ходил и разговаривал сам с собой, размышляя. Егор смотрел на него и с

интересом слушал. Рассуждения торгового человека ему были просто любопытны.

– Сначала переселение остановят, но ненадолго. Сибирь заселять надо. А людей где брать? Если не заселим мы, заселят китайцы. На востоке уже кое-где были стычки с казаками, но с казаками не забалуешь. И народ пока новый, не держится за землю, не прижился ещё. Надо брать количеством. Значит, переселение будет продолжено. Дома строить не стоит бросать. Согласен, Егор Петрович?

– Согласен, – Егор даже вздрогнул от неожиданности.

– Дела мы с тобой продолжаем. Когда будет ещё обоз?

– Через три недели.

– Хорошо. Это сколько раз ты ещё до распутицы будешь?

– Раза три, четыре.

– Летом возить тебе будет нечего, а вот осенью жду тебя. Если есть возможность, привези ещё шкурки. Соболей, лисиц. Белок не надо, дарить белок не солидно. Много не надо, чтобы только на всякий случай были. Кому война – кому мать родна, кому пулю – кому дулю, – добавил купец.

Переговорив о делах, Егор попрощался и поехал на гостинный двор. Там оставил коней и решил пройти пешком по городу. Надо было послушать, что о войне говорят в городе. Только сейчас он глубже осознал новость и подумал: «Как он быстро разложил по полочкам все свои выгоды. Вот что значит торговый человек. Он уже всё понял, всё распределил: там убавить, здесь добавить. И как всё складно у него получается. И всё верно».

Егор решил всё хорошенько обдумать после того, как переговорит с Ручкиным. Но до вечера ещё далеко, и Егор решил послушать, что говорит народ. Для этого он зашёл в харчевню, заказал обед, и, чтобы особо не привлекать внимание, взял шкалик водки. Пить и не собирался, но так спокойнее. Просидел довольно долго, но ничего про войну не услышал: или люди побаивались говорить, или новость была ещё не всем известна. Ничего необычного в поведении людей не примечалось. Егор вернулся на постоянный двор.

Антипа не было. Егор решил ещё походить по улицам и посмотреть, что нового появилось в Тайшете. Ходил, смотрел, а мысли были только о войне. Его мучил вопрос: «Если будет мобилизация, то кого будут брать?»

Тревожные мысли не давали покоя. В конце концов он оказался у дома Ручкина, решил зайти наудачу. Может, Екатерина Павловна дома, всё ж будет с кем поговорить.

Жена Ильи Ильича обрадовалась Егору. Проводила в комнату, стала спрашивать о семье. Егор отвечал не очень складно. Ручкина поняла: случилось что-то серьёзное, стала выпытывать причину такого состояния.

– Вы слышали, говорят, война началась с японцами.

– Порт-Артур? Так это далеко. Это даже не в России.

– Как не в России? – не понял Егор.

– Это в Китае.

– А как же война с Россией?

– Этот порт принадлежит России, но находится далеко.

– Что же выходит?

– Илюша придёт, всё объяснит. Вы посидите, а я ужин приготовлю. Илюша скоро будет.

Хозяин пришёл через четверть часа.

– Илюша, Егор Петрович говорит, что война в Порт-Артуре.

– Вы уже знаете? Откуда?

Егор передал утренний разговор с Зюенцевым. Рассказал в подробностях.

– Аналитический ум у купца, всё разложил верно, я согласен с ним. Только как в жизни повернётся? Слава богу, если по-купеческому всё сложится. А если нет? Вот тебе и поворот. Сегодня новость пришла, ещё пока никаких распоряжений нет. Скорее всего,

переселение не отменят. Нет, не отменят. Замедлится, но, я думаю, потом будет новая волна.

Друзья проговорили допоздна. Ручкин заверил, что о любых переменах он срочно сообщит Егору. Не стоит унывать так сразу, время покажет. Скорее всего, война не будет долгой, а в нашей стране многие и не заметят её.

Ночевать Егор пошёл в гостинный двор, сославшись на то, что неудобно оставлять напарника одного в чужом месте. Антип уже все глаза просмотрел, ожидая Камышлеева. Кони стоят на месте, а хозяина нет, никто из прислуги тоже ничего не знает. В городе Антип услышал новость о войне. Сначала он, как и Егор, не осознал её, но потом до него стало доходить, что на войну могут забрать его сына.

«Как же так? – спрашивал себя Антип. – Парень только женился, дитя народил, а его – в армию. А на войне всякое бывает. Что же тогда с сыном будет? Нет, конечно, умереть никто не даст дитю. Ну, а сиротство – это как, по-доброму?»

Кое-как сделав покупки, Антип направился в гостинный двор, чтобы поделиться сомнениями с Егором Петровичем, надеясь, что уж он точно подскажет, как быть и что делать. Но Егора не оказалось на месте, хотя, судя по тому, что кони были на месте, он приходил. Никакого терпения не хватало ждать. Когда Егор пришёл, немного отлегло от души.

– Слышал новость? – спросил Антип.

– Слышал, ещё утром.

– Чего думаешь? Людей набирать на войну будут?

– Пока ничего не могу сказать. Не знаю, и никто ещё не знает. Я уже говорил со знающими людьми – никто ничего толкового не говорит.

– Ну, хоть что-то говорят. Насколько это дело завязалось?

– Говорят, что должно быстро решиться. Ведь война не в России, а где-то в Китае.

– Мать Божья, – перекрестился Антип. – А мы-то зачем в Китай подались?

– Не могу ничего сказать, надо ждать. Кто знает, каким боком повернётся это дело.

– Ты, Антип, раньше времени не волнуйся. Может, и пронесёт мимо эту беду.

– Да уж хорошо бы, а то только стали привыкать к нормальной жизни – и на тебе.

Уснуть не могли долго оба: ворочались, вздыхали. Только под утро задремали.

Ехали домой молча, новость не радовала и не располагала к разговору.

Прошла зима. Ещё пару раз Егор возил обозы в Тайшет, там всё было по-старому. Война не окончилась, но была так далеко, что ничем не тревожила далёкий сибирский уголок. Людей всколыхнула новость, но вскорости и забылась, на войну никого не взяли, воя провожающих жён и матерей никто не слышал. Не тронула людей война, и быстро про неё забыли.

В Камышлеевке жизнь шла своим чередом. Люди попривыкли к новому месту, обустроились. Строили планы, расширялись понемногу, возводя постройки для скота. Лютая прошедшая зима показала, что в тёплом хлеву скотине лучше. А корова в хлеву – что тебе печка: там и курам тепло, несутся даже среди зимы, и телёнку хорошо. Для свиней другой хлев надо, в одном всей скотине тесно. Вот и шевелятся хозяева: никогда такой самостоятельной жизни у них не было. Всё на барина горбатились. Никто не указывает тебе. Жаль только родную сторонку, не выходит из головы совсем. Другой раз так заболит душа, что выть хочется, потом в заботах отойдёт, забудется. Зима освобождает крестьянина от тяжёлого труда – вот тут и выползает тоска.

Пришло тепло. В это время Егор затеял расчищать поля за рекой, перед деревней. В свободное время мужики валили лес, хороший шёл на строительство, негодный на дрова. Ребятишки и те были заняты делом: окапывали и выжигали пни, следили, чтобы огонь не расползлся далеко. Хотя по свежей траве можно было и не следить. Так всё лето и прошло в делах. Короткое сибирское лето расписано по денёчкам, когда и что делать. Сначала посадки, потом прополка, затем сенокос. Сена на каждый двор уже готовили помногу: было кому скармливать. Потом убирали хлеб, молотили, копали картошку-

только вертись. Хорошо, когда погода позволяла, а то и вымотает всю душу, пока приберёшь урожай.

К осени поле было уже большое, но делить Егор не спешил.

– На следующее лето расчистим ещё, потом и разделим. Чего сейчас грядки кроить.

Последние переселенцы, прибывшие из Белоруссии, Юшкевич и Сушкевич, переглянулись, но промолчали. Другие мужики заворчали.

– Вы чего хотите? – спросил Егор.

– Хотели бы знать, как будем потом делить: поровну со всеми или кто приехал последним, тем и надел поменьше, – сказал Фирсанов Никодим.

– У кого есть ещё сомнение? Антонов, Бутьянов, Лятин, Томаев Прохор, вы все сомневаетесь? Морозов, Козлов, Селезнёв? Говорите, как есть. Ибрагимов?

– Я тебе верю, Егор Петрович, ты не обманешь, – сказал Шухрат, волнуясь. – Аллах видит, я говорю правду.

– Ты, Антип, что скажешь?

– Кто-то у них воду мутит, я пока не знаю кто, узнаю - башку скручу. Где это видано, чтобы Егор Петрович слова не держал. Сказал – поделит, значит, поделит.

– Стыдно за вас, мужики, – добавил Трифон.

– Обманывали много в жизни, вот и нет веры, – сказал Прохор Томаев. – А землицы никогда не хватало.

– Сейчас у тебя есть земля, хватает? – спросил Егор.

– Сейчас хватает, но у меня трое сыновей подрастают. Скоро женить надо будет. Потом где землю брать?

– Вот когда женишь, тогда и землю выделят. Сейчас воду чего мутить? У Антипа сын женился, выделили землю и дом поставили артелью. Все довольны. Тебя не бросили, когда приехал: дом построили, землю распахали.

– Не просто так, за деньги, – сказал Прохор, не сдаваясь.

– Придёшь ко мне, я тебе покажу, сколько стоит твой дом, и сколько денег за него заплатили. Потом съезди в Догадаевку, в Щетиновку, посмотри там, поговори с людьми, потом скажешь при всех, сколько денег я у тебя украл. Ты ведь в этом сомневаешься? Себе я участок здесь не отмерял, – сказал Егор и пошёл домой.

– Обидели человека. Без дела обидели, – сказал Трифон, и они с Антипом пошли вслед за Камышлеевым.

Но Егор и не думал обижаться, всякое в жизни бывает. У него хватало забот и без этого, просто решил про себя, что больше не будет нянчиться с камышлеевцами. Пусть своим умом живут, вот и не будет никаких разговоров. У того же Томаева трое почти взрослых сыновей – пусть сами и корчуют. Вскоре он и забыл про это. Егор не обиделся, но в деревне стал появляться реже, занялся своими делами. Больше времени был с женой и сыном.

15

Зелёная чаща елей и сосен, сторожевой стеной оберегавшая усадьбу Камышлеева, замерла, источая терпкий запах смолы. Берёзы и осины, окаймлявшие реку, покраснели и пожелтели так ярко, что бурая трава грязной кляксой расплывалась под ними. Красные гроздья рябин и веточки чёрной переспелой черёмухи затихли в ожидании. Вода в речке не издавала ни всплеска, ни всхлипа, словно обиженная, отвернувшись и молчала. Нежность, красота и грусть. Осень – время прощания. Последнего молчания перед дорогой.

Егор сидел на берегу болота. Он любил бывать здесь осенней порой. Хорошие мысли приходили в голову, будто набирался сил на весь год. Озеро всё больше затягивалось травой, кое-где появлялись росточки берёз, у берега уже выросли кочки, покрытые резухой. Были и светло-зелёные чистины, будто столы, накрытые мягкой скатертью, и на

этой скатерти ровным слоем лежала клюква, крупная, тёмно-красная, сбрызнутая светло-синей дымкой. Бери, собирай её горстями, черпай, не упusti момент. Стоит солнцу приблизиться к горизонту, спрячется царь-ягода, и уже до следующего обеда не покажется, можешь и не искать. По краю болота, где крепкое дно, протоптаны звериные тропы: лоси, изюбры, косули очень любят полакомиться ягодой. За ними прогуливается и медведь, тоже большой любитель клюквы. Ягоды хватает всем.

От мыслей отвлекли выстрелы. Прогрохотало и затихло. Опять наступила тишина, но вскоре послышались шаги, и к болоту вышел Иван Кузнецов, сын Антипа.

– Здравствуйте, дядя Егор, – сказал он, улыбаясь. – Издалека увидел, узнал сразу.

– Здравствуй, Ваня, садись. Рябчиков гоняешь?

– Чего их гонять, – сказал Иван, присаживаясь, – дурные совсем. Их стреляешь, а они сидят, головами крутят, не улетают. Молодняк.

– Настрелял?

– Пяток взял, больше не стал бить. Куда их больше? Лиза попросила рябчиков.

– Как поживаете? Ладите?

– Ладим. Хорошо живём. С огородом управились, вот есть время с ружьём побродить. «Морды» поставил, рыба в реке пойдёт на днюх: надо на зиму заготовить себе да отцу.

– Он и сам любил порыбачить, – заметил Егор.

– В кузне много дел накопилось. Ремонт разный.

– Ты чего не помогаешь?

– Никита с ним.

– Егорка маленький не болеет?

– Нет. Ходить начал, падает без конца, но ходит, интересный такой. Вы б зашли как-нибудь, провели.

– Зайду, Ваня, обязательно зайду. Выберу время и зайду.

– Дядя Егор, вы повезёте товары в Тайшет?

– Когда реки встанут.

– Возьмёте у меня? Есть несколько соболей, ещё прошлогодних.

– Посмотрю, если годные, чего ж не взять.

– Хочу жене обновки сделать. Выручите?

– Хорошо, Ваня. Привет им передавай: и Лизавете своей, и малому. Антипу тоже привет, давно его не видел. Ты далеко собрался?

– Нет, до Трифоновой мельницы дойду краем болота, а там и домой напрямую.

– Мелет Трифон?

– Работает.

– Привет ему передавай. Скажи, что у меня тоже есть зерно на помол. Я потом подойду.

– Ладно. До свиданья, дядя Егор.

Иван быстро растворился среди кустов.

На другой день Егор пошёл в деревню: нужно было заказать у Кузьмы Захарова кадушек. В таких ёмкостях удобно возить всё: и рыбу, и грибы, и ягоды. Зюзенцев за кадушки платит отдельно, ему они тоже нужны.

Кузьма работал в сарае, в углу двора. Там у него было множество заготовок, все аккуратно сложены по размерам. На большом штыре на стене висел рулон железа для обручей.

– Доброго здоровья, хозяин, – сказал Егор, проходя в мастерскую.

– Здравствуй, Егор Петрович, проходи, садись вот здесь, – Кузьма пододвинул свою рабочую табуретку.

– Идёт работа?

– Есть такое дело. Мужик приезжал из Еланки, заказал пять кадушек.

– У них нет специалиста? Я слышал, что есть свой бондарь.

– А едут ко мне. Значит, чего-то не нравится.

– Большие заказывают?

– Ведер на десять, пятнадцать, некоторые и поменьше. Капусту квасить да огурцы солить, как раз для семьи.

– Я тоже к тебе по делу, Кузьма, мне нужно десятка два-три кадушек на два, может, три ведра, но не больше. Возьмешься?

– Чего ж не взяться? Хорошему человеку за удовольствие. К какому сроку надо?

– Не все сразу, но к первому зимнику кадок с десятков надо.

– Пойдём-ка, Егор Петрович, покажу чего, – Кузьма повёл Егора в другой сарай. Там в углу стояли десять двухведерных кадушек с хорошими крышками.

– Такие?

– Такие, – удивился Егор.

– По весне Мыльников заказывал, потом отказался, так и лежат. Будешь брать?

– Все сразу. А остальные через месяц-полтора.

– Постараюсь, – сказал Кузьма. – Я тебе сам их доставлю, они лето пролежали без дела, усохли, я их день-два кипяточком пропарю, будут в лучшем виде.

О цене сговорились быстро. Оба остались довольны.

Егор пошёл к Антипу в кузницу. Антип ковал острогу. Когда зашёл Егор, кузнец закаливал жало. Здесь требовалось умение: перекалишь – острога сломается, передержишь – будет тупиться.

– Лучить собрался? – спросил Егор.

– Самая пора. Вода маленькая и светлая, сегодня с Ванькой и Никитой поедем.

– Боишься, что на себе не донесёшь?

– Чего ноги бить, если на телеге можно доехать. Дорога хорошая.

Пару лет назад мужики прорубили на реку дорогу. Теперь кто хотел – ездил на подводе, ребяташки бегали купаться пешком. Дорога проходила версты полторы через лес, потом выскакивала в луга, а там ещё с версту – и река. По этой дороге гоняли скот пастись и коней в ночное. И в это время не один Антип поедет колоть налима. Все, кто не ленится, возьмут свою добычу. Зима длинная – любой кусочек подберёт, вот и стараются люди. Колоть налима – дело нехитрое. На конец лодки приделывают железную сетку, куда накладывают смолья, такие дрова горят ярко, просвечивая воду так, что видно всё дно. Интересно наблюдать за сонными налимами, лениво шевелящими хвостами. Но любоваться некогда: здесь не зевай, прицеливайся и бей. Если повезёт, то за ночь можно пол-лодки набить хорошей вкусной рыбой, которую и варят, и жарят, и пироги с ней стряпают. Хороший хозяин наготовит на зиму и хариуса, и ленка, а повезёт, так и тайменем побалуется. Таймень не налим, рыба серьёзная.

– Чего слышно новенького? – спросил Антип.

– Пока ничего не слышал, – ответил Егор. – Другой раз без новостей спокойней.

– Верно. Снег выпадет, дрова и сено перевезём домой, и можно дрыхнуть на печи до весны.

– Зима даёт отдохнуть немного. Всё себе построил?

– Всё вроде есть. Надо погодить немного. Никиту оженю, помогу постройться, а там буду тукать молоточком понемногу в кузне.

– Ой ли. Там внуки подрастут, надо будет им помочь.

– Это само собой, но у внуков есть родители, пусть у них головы болят, – сказал Антип.

Положил молоток с острой и присел на чурку.

– Знаешь, Егор Петрович, в последнее время чего-то покоя нет. Вроде хорошо живём, жили бы так на родине, разве побежали бы в такую даль. А вот есть тревога: вдруг всё отберут?

– Кто у тебя отберёт? Тебе же государство дало всё. И не за красивые глаза, а для того, чтобы ты здесь жил, землю пахал, сыновей женил. Хотя, Антип, и у меня тревога другой раз всю душу высасывает. Не знаю, с чего бы это?

– Не к добру.
– Не каркай.
– Ладно, поживём – узнаем.
– Трифон дома, не знаешь? – спросил Егор.
– Должен дома быть, собирался на ночь на рыбалку.
– Зайду, зерно надо помолоть. Раз уж в деревню зашёл, надо все дела решить.
Трифон сидел за столом и пил чай.
– Садись, Петрович, чайком побалуемся.
– Чего ж, побаловаться можно.
Мария принесла кружку чая, заваренного мятой.
– Егор Петрович, с молоком вкусней будет. Мята молоко любит.
– Можно и с молоком, – согласился Егор.
Хозяйка суетилась, радуясь, что к её советам прислушались. Принесла горячих оладушек.
– Спасибо, хозяйюшка, – Егор улыбнулся. – Балует гостя.
Мария засмушалась и прикрылась платочком.
– Трифон, когда можно помолоть зерно?
– Завсегда можно, Петрович. Когда надо?
– Освободишься немного, сообщи.
– Дня через два привози, сделаем. Оладушек захотел?
– И оладушек тоже. Моя хозяйка тоже ловко их делает. Мельница ничего, работает?
– Чего ей делается? Посматриваю, так работает.
– Ты один на речку едешь? – спросил Егор.
– Возьму кого-нибудь из пацанов. Одному несподручно, на вёслах кому-то надо быть.
– А возьми меня, – вдруг попросил Егор, – молодость хочу вспомнить. Ты думаешь, что я всю жизнь живоглотом был.
– Какой ты живоглот? Были б все такие. Поедем, если душа горит.
– Горит, Трифон, ещё как горит.
Ночь была тихая и прохладная. По всей реке, насколько было видно, беззвучно скользили лодки с факелами. Иногда раздавался стук, скрежет по камням, и снова всё затихало. Егор сначала сел на вёсла, потихоньку придерживая лодку, осторожно проплывал по мелководью. Налимов было хорошо видно. Трифон сначала промахивался, но потом приловчился, и в лодку полетели хорошие рыбины. Потом поменялись местами. Егор оказался ловчее: вырос на реке, дело знакомое. Когда в лодке было всё дно заполнено рыбой, они поехали к берегу. Посидели у костра, попили чаю, поговорили. Вспомнили, как всё начиналось. Домой приехали, когда рассвело. Трифон завёз Егора, хотел было делить рыбу, но Егор, взяв пяток рыбин, отмахнулся:
– Спасибо, Трифон, за компанию. Отвёл душу.
– Пустое. Так, Петрович, привози зерно, сделаем в лучшем виде.
– Спасибо, Трифон. На днях завезу.

16

Громыкнуло в Питере, пронеслось по всей России. Январь 1905 года качнул державу так, что пронесли бунты и по Сибири. В Тайшете было относительно спокойно: только на железной дороге да на лесозаводе у Жернакова рабочие помитинговали – и всё. Ничего не поменялось. Жизнь шла своим чередом. Завершилось строительство водонапорной башни. Напротив базарной площади начали возводить церковь. Увеличивалось население Тайшета. Кроме Супруновских переулков строились Базарный, Волостной и Заводской переулки на востоке. На западе незапланированным оказался переулок Проходной. Кроме Трактовой, Первой и Второй Зелёных улиц, планировались Третья и Четвёртая Зелёные. В северной части Тайшета ограничили тремя улицами: Северовокзальной, Транспортной и

Харинской. На железной дороге началось строительство вторых путей. На работу понадобились ещё люди. В деревнях тоже было тихо, там, казалось, жизнь шла по чёткому расписанию, составленному природой.

Егор временами наезжал в Тайшет, привозил товары. Узнавал новости у Ручкина и снова спешил домой. Ещё раз привозил Екатерину Павловну в гости в деревню, на этот раз летом. Устраивали посиделки на берегу реки, походы в лес, ловлю пескарей. Сын уже подрос, был проводником и экскурсоводом. Егор тоже иногда участвовал в маленьких семейных праздниках. На неделю приезжал Илья Ильич, выглядел он очень усталым. Три дня прожил на берегу, ночуя в шалаше, никак не мог надышаться тишиной и покоем, как он говорил. Екатерина Павловна только одну ночь смогла пробыть на реке. Потом уговорили Ручкина переехать домой.

Вечером Егор с гостем сидели на крыльце и беседовали.

– Как там война с Японией? Что слышно? – спросил Егор.

– На море полная конфузия. Сгубили моряков вместе с кораблями. Потянулись на восток войска эшелонами. Там не только японцы, но и маньчжуры имеют желание прибрать к рукам русскую землю. По Амуру волнения и стрельба, Дальний Восток и Камчатка требуют подкрепления. Недавно на разъезде Точильный, недалеко от Тайшета, потерпел крушение воинский эшелон. Погибли старший унтер-офицер и солдаты. Тридцатого июля схоронили со всеми воинскими почестями четырнадцать душ в Черемшанке. Со всеми воинскими доблестями, как героев. Манучаров, начальник строительства, был там с комиссией, выясняли причины крушения, но ничего не нашли. Дорога новая, произошла усадка пути после дождей. Обходчик ничего не усмотрел. Видишь, и у нас отголоски той войны имеются.

– Жалко ребят.

– Жалко, – кивнул Илья Ильич.

Через неделю Ручкины, счастливые и отдохнувшие, уехали в Тайшет.

Время шло. Уже готовилась новая волна переселенцев из разных областей страны. Егор повеселел. Неопределённость заканчивалась, можно снова заниматься строительством домов.

В начале лета 1906 года в Камышлеевку прибыло три семьи: Федотовы, Кузюрины и Сырниковы. Бригада плотников, нанятая Камышлеевым, быстро из готового леса ставила дома. Строителей нанимали в Туманшете. Там деревня росла быстрее, и свободные руки находились. Поселенцы занимались огородами, строили надворные постройки, готовили дрова, пилили и складывали их в поленицы. Готовились к зиме.

На этот раз Егор занимался только руководством, сам не помогал. Скот закупили здесь же, в деревне, только пару коней пригнали из Туманшета. Егор оплатил работу плотников, заплатил Фролу Погодину за печи, рассказал, что нужно для зимы – и всё.

Поле перед деревней расширили ещё больше, собрались делить и позвали Егора, но он сказал, чтобы разделили всем поровну.

Егор чаще теперь находился дома, осенью собрался отвезти сына учиться в Тайшет. Там сначала хотел купить небольшой домик, но потом решил сначала снять жильё поближе к школе. Дальше время покажет, как быть. Настя собралась ехать с Фёдором, надо пожить первое время рядом, пока сын привыкнет. Ручкины предлагали поселиться у них, но Егор не желал беспокоить друзей. Наведываться он будет по два раза в месяц, а потом на лето заберёт семью домой.

В Тайшете открыли церковь. Это событие было существенным. Второго июля 1906 года новую церковь освятил архиепископ Тихон, прибывший по этому случаю из Иркутской епархии. Настоятелем был поставлен отец Василий (Шаравин). На открытии присутствовали почти все жители Тайшета. В первых рядах находились купцы, пожертвовавшие большие деньги на строительство: Зюзенцев, Супрун, Кабанов и другие. По такому случаю из Томска приехал Жернаков, чья лесопилка приносила хороший доход. Но сам Жернаков в Тайшете был наездами, а командовал всем хозяйством купца

управляющий. Был и главный строитель дороги Манучаров с семьёй. Впереди всех при полной парадной форме красовался урядник Иван Савельев. С этого дня Тайшет стал селом Алзамайской волости Нижнеудинского уезда. Выросла значимость станции. Из соседних сёл люди потянулись в Тайшет на жительство. В Еловке, Конторке, Бирюсе, Байроновке не хватало пахотной земли, люди уходили на заработки на железную дорогу и оставались там. Село росло быстро. Кроме церковно-приходской школы открывались и министерские школы, в которых обучение русскому языку и другим наукам сильно отличалось от церковных.

Федю устроили в министерскую школу вместе с детьми железнодорожных служащих. На экзамене, проводимом перед поступлением, Фёдор получил высокую оценку. Не прошли даром занятия матери с сыном, кругозор мальчика был достаточно широк несмотря на то, что прожил всю свою небольшую жизнь он практически в лесу. Книги, подобранные Екатериной Павловной, помогли Фёдору узнать много нужного.

Дом сняли недалеко от школы и от Ручкиных. Екатерина Павловна взяла шефство над семьёй Камышлеевых. В доме навели порядок, обставили нужной мебелью, приобрели всё, что требовалось для жизни и для учёбы. Жизнь менялась стремительно, нужно было приспособливаться. У Егора давно были мысли пристроиться в Тайшете, но пока он не находил себе качественного применения. Торговлей заниматься он не хотел. А строить дома для поселенцев он не сможет: не по силам ему тягаться с другими застройщиками, возможности не те. Выращивать хлеб или производить мясо – нужно много пахотных земель. Вокруг Тайшета их уже нет, а разрабатывать новые земли, нужны хорошие средства и время. Взять деньги под проценты Егор не желал, земледелие – дело рискованное, а долги отдавать надо. А в Камышлеевке дело налажено, там всё работает. Одна проблема – теперь семья далеко, но они решили с Настей, что стоит перетерпеть это неудобство. Сначала Фёдор окончит два класса министерской школы, а там надо будет решать вопрос о дальнейшем образовании. Хотя, возможно, к тому времени откроют какую-нибудь школу и в деревне. Намечалась большая работа и в Камышлеевке. Должны были приехать ещё поселенцы. Теперь заработанные деньги Егор не собирался тратить, как попало, не хотел рисковать. Если вкладывать, то только в надёжное дело.

Прощались со слезами. Егор никогда не видел жену такой. Раньше постоянно ездил по делам, и по месяцу его не бывало дома, но слёз у жены он не видел.

– Ты чего? – спросил Егор.

– Не знаю. Как-то сами текут.

– Никогда раньше ты не плакала, когда я уезжал.

– Там дома было, а здесь всё чужое.

– Ты же у меня охотница бывшая, неужто испугаешься кого?

– Охотницей была только до замужества.

– Так вспоминай, – улыбнулся Егор.

Улыбка осветила лицо жены.

– Вспомню. Я ничего не забыла.

– Если будут трудности, ты к Илье Ильичу обращайся. Я через две недели приеду.

17

Камышлеевка гуляла неделю. Обмывали второго сына Ваньки Кузнецова. Потом женили Петра Захарова, Кузьма породнился с Козловым Андреем. Дочка Андрея, Мария, свела с ума Петьку, сосватали быстро. Чуть позже была свадьба Томаева Тимофея и Ларисы Мыльниковой. Свадьбы прошли одна за другой, не давая народу отдышаться. Егор был приглашён на обе. Гулять на свадьбах хорошо, но дело есть дело, сразу после очередной гулянки он с обозом направился в Тайшет. Если раньше он с тревогой ехал туда, то сейчас с радостью. Встреча с семьёй была праздником. Дела у Фёдора шли хорошо, учился он легко. Много уже знал, новое схватывал быстро: цепкая память

ребёнка ничего не упускала. Но чем больше Фёдор узнавал, тем больше у него возникало вопросов, на некоторые не только Екатерина Павловна отвечала, но и сам Ручкин.

– Не ученик, а просто террорист какой-то, – смеялся Илья Ильич, рассказывая Егору.

– А кто такой террорист? – последовал вопрос.

– Ну, видишь? Федя, сейчас тебе пока рано знать, кто это такой, но я обещаю, что мы поговорим на эту тему.

– Хорошо.

Ручкины привязались к Фёдору. У них своих детей не было, вся нерастроченная любовь досталась Феде. Сам же ученик относился с большим почтением к своим домашним учителям.

– Дома всё хорошо? – спрашивала Настя.

Она уже соскучилась по дому. По своей кухне, по занавескам, по своей корове и прочей живности.

– Всё хорошо, – сказал Егор, – Никола справляется с хозяйством. Кашеварит сам. По дому убирается раз в неделю Фатима Ибрагимова, я попросил. Неудобно мужику полы мыть да постирушки устраивать. Она довольна. Если захочешь, пусть она и при тебе убирает.

– А я что? Изболелась? Нет, в своём доме я сама справлюсь.

Екатерина Павловна посоветовала Насте съездить домой, а Фёдор поживёт у них. Федя тоже хотел домой, но, увидев взгляд отца, не посмел ничего сказать. Настя ухватила за эту возможность и сразу согласилась. Целый вечер она рассказывала Фёдору, что надо делать. В ответ слышалось:

– Мама, я знаю. Да, я знаю. Я сам. Я умею. Я всё сделаю.

Егор подробно рассказывал о деревенских новостях. О том, что у Антипа ещё внук родился, что в деревне прошли две свадьбы.

Настя заскучала по сыну, ещё не приехав домой. Дома взялась за хозяйство сама: убирала, мыла, чистила по-своему, хотя и отметила, что дома порядок. Но надо было всё своими руками потрогать. Когда пришла Фатима, Настя пригласила её попить чаю, проговорили с ней полдня, но убирать ей не дала. Сказала:

– Я через две недели опять уеду, потом уже можно приходить, а сейчас я сама.

Фатима не обиделась. Хозяйка хозяйку понимает.

Дела по дому закончились быстро, и дни потянулись в думах о сыне. Егору некогда было скучать: забивали скот, морозили мясо. За всем нужно проследить. Всё делали работники, люди старательные, толковые, но всегда кажется, что сам сделаешь лучше, а рук на всё не хватает. Работники не обижались на замечания. Когда надо было, Егор говорил мало, но веско. Нерадивых работников выгонял безжалостно. Но за отработанные дни всегда платил, не обманывал. Не было в крови этого: обманывать и хитрить. На копейку схитришь, обманешь, на рубль сам потеряешь, так учил отец, так и жизнь учила. Дал слово – держи, не можешь исполнить – не обещай, не давай надежду. По таким устоям старался жить Егор. И сейчас готовил товары не как попало, а выбирал только качественные продукты. Никто никогда не проверял его при приёмке, собственная совесть была контролёром. Туши мяса укладывали рядами, закрывали пологом, увязывали, ставили кадки с мороженой клюквой, солёными грибами, рыбой. Пушнина лежала отдельно для Зюзенцева и для Жернакова.

Егор был во дворе, когда к нему пришёл Антип Кузнецов.

– Здорово, Егор Петрович.

– Здравствуй, Антип. Случилось чего?

– Случилось. Бутьянов Иван помер.

– Как помер? – растерялся Егор.

– С вечера попросил баню протопить. Сходил. После бани сказал, что нехорошо ему, лёг полежать и не проснулся.

– Горе какое. Сироты остались.

– Два сына. Старшему восемнадцать лет, малому четырнадцать.
– Вот и первый покойник в деревне.
– Я чего пришёл-то? Где будем хоронить? Пока не надо было, разговору не было. Хорошее место в березняке, что за огородами. Как думаешь?

– Нет, здесь совсем близко. Я присмотрел место, поедem, покажу. Место хорошее, сухое. Гроб делают?

– Да, Кузьма уже, наверное, закончил.

– Кто копать будет могилу?

– Есть копщики, хватит людей. Зажгут костёр на ночь, а с утра и копать будут. Не должно ещё промёрзнуть сильно, морозов больших не было.

Егор провёз Антипа до назначенного места. Редкий сосновый бор был чистым и светлым, снег здесь был неглубокий.

– Вот в этом бору, я думаю, будет в самый раз.

– Хорошее место, – согласился Антип, – как-то не додумались сами.

– Не надо было, вот и не думали.

– Ты же подумал.

– Дело случая. При мне кого-то хоронили в Догадаевке. Там кладбище высоко на горе, вот и подумал тогда про это место. Присматривал, ездил специально.

– А в Догадаевке почему на горе?

– Боятся, что в большое половодье может низины топить, вот и выбрали место повыше. Деревня на берегу.

Антип выбрал место почище. Вытоптал снег.

– Пусть первому и место будет лучшее, – сказал он. – Все здесь будем. Тут места всем хватит.

– Дай-то Бог, чтобы уже здесь. Не пришлось бы ещё искать новой доли.

– Согласен. Вот только без причастия придётся хоронить.

– Батюшку на отпевание привезите.

– Привезём. Хоронить будем послезавтра. Завтра могилу выкопают, на другой день и похороним, приходи.

– Куда я денусь? Надо ещё и деньгами помочь.

– Неужто не сможем деревней похоронить?

– А после похорон? Вот то-то и оно. Слава Богу, скот есть, проживут. Сыны уже большие.

Горе что гром среди ясного неба. Кто вздрогнет, кто обернётся, кто перекрестится, но все заметят и услышат. Никто в деревне не остался в стороне, помогали, чем могли.

Вся деревня провожала Ивана до кладбища. Перед этим лошадьми притоптали дорогу, и теперь идти было не очень тяжело. Всем хотелось посмотреть место, отведённое под кладбище. Когда поставили свежеструганный крест, сразу обозначилось кладбище. До этого всё было как бы не всерьёз, а теперь, при виде креста, сразу прекратились шепотки и разговоры. Растерянные и понурые люди долго не отрывали глаз от креста. Каждый подумал о своём.

Поминать заходили по очереди, все сразу не уместились за столами.

Егор с Настей после поминок пошли домой. Завтра утром они уезжали в Тайшет. Настя считала часы до встречи – соскучилась по сыну, настряпала ему всяких вкусностей.

Ранним утром отправились в путь. Дорога через лес до Перевоза шла большей частью по густому ельнику. Там было темно и жутковато, лес был настолько непроходимый, что дальше первого ряда деревьев ничего не было видно. Сразу от деревни дорога какое-то время шла вверх, потом через небольшие распадки пошла вниз. Из ельника дорога выныривала прямо в деревню Перевоз. Летом здесь был паром, зимой же проезжали по льду. Тимофей Ожёгов, державший перевоз, был ещё в силе. Сам тягал паром, помогал загонять подводы. Тимофей силой был одарён с рождения. Однажды на паром в конце дня заехали три здоровых мужика. Мужики как мужики. Посреди реки вытащили ножи и

предложили отдать выручку. Два лиходея, которых Тимофей успел схватить за руки, и не поняли, как оказались в воде, третий прыгнул сам, не дожидаясь приглашения. Тимофей распряг коня и столкнул его в воду. Поднатужившись, и телегу перекинул через невысокие перила. Всё это делал молча.

Увидев Егора, Тимофей махнул рукой:

– Как поживаешь? Опять в Тайшет поехал?

– Здорово, Тимофей! Дела всё, надо ехать.

– Поосторожней, Егор, волки о двух ногах развелись. На той неделе обчистили мужика из Шелехова.

– Спасибо, что предупредил. Буду наготове.

– Езжай по реке, хоть дальше, но спокойней.

– Спасибо, Тимофей.

Егор не испугался, но ружья положил под руку, так надёжней. Одно дал Насте. Стреляла она ловко, смолоду была научена. Уже после обеда, проезжая мимо леса, Егор заметил людей, выходящих из леса наперерез обозу. Только у одного было ружьё, другие держали в руках топоры.

– Стреляй сразу, не разговаривай, – сказал он Насте. – Они знают, зачем идут. Настя спокойно сидела на возу и смотрела на разбойных людей. Уверенные в себе, они медленно шли по снегу. Обозу некуда было деваться: дорога узкая, не развернёшься, но Егор и не думал разворачиваться.

Тот, у кого было ружьё, помахал им над головой, обращая внимание на оружие. В тот момент с обоза раздался выстрел. У ног бандита взметнулся снег.

– Забрось ружьё подальше в снег, а то я не промажу, – приказал Егор.

Когда у ног грабителя взорвался второй фонтан снега, бандит забросил ружьё в снег.

– И не думайте шевелиться, уговаривать не буду, – сказал Егор.

Обоз уже прошёл, а разбойники стояли, смотрели вслед уходившей добыче, потом развернулись и нехотя подались в лес.

– Хорошо стреляешь, на охоту надо взять, – усмехнулся Егор.

– С испугу, – спокойно ответила Настя.

– Тебя лучше не пугать, – расхохотался он.

– И не пугай, – улыбнулась Настя.

К вечеру добрались до Тайшета.

Фёдор тоже соскучился по родителям, он не отходил от них, пока не легли спать. Настя всплакнула и сказала, что больше не поедет без сына никуда. О налёте не вспоминали. Егор даже не рассказал об этом Ручкину.

Ручкин при встрече сообщил:

– Весной будет большой поток переселенцев. Надо строить дома.

18

Весна пришла ранняя. В апреле пригрело солнышко, а уже в начале мая подули тёплые ветры, прошли дожди, и снег исчез. Днём стояло тепло, и ночью до морозов не доходило. Земля прогрелась быстро, пахать стали рано: боялись упустить влагу.

Лаврен Кузьмин заканчивал пахать свой участок, пашня подходила к самому лесу. Кроме трёх саженой государственных, Лаврен ещё припахал изрядно. Никто не покушался на эту землю, а земляца родила хорошо и находилась рядом с домом. Хлеба хватало, овса тоже не просили, картошку садили рядом с домом, потому как это самое тяжёлое дело и самое позднее. Начал пахать с утра, помогали сыновья Илья и Нестор. Сыновья были погодками, сейчас уже почти мужики, пора женить обоих. Пахали попеременно: один из сыновей ходил за плугом, другой вёл коней в поводу. К вечеру, когда работы оставалось совсем немного, кони вдруг зафырчали и отказались идти. Лаврен разозлился было, но, внимательно посмотрев в сторону леса, увидел медведя, сидевшего на валёжине и

спокойно смотревшего на работников.

– Илья, принеси-ка ружьё, пулей заряди – вон медведь сидит.

Илья пошёл за ружьём, вернулся быстро, но медведь, почуяв опасность, при приближении Ильи скрылся в лесу.

– Смотри, смелый какой, – восхитился Нестор.

– Может, голодный, только из берлоги вылез?

– Какой бы ни был, но это медведь.

– А небольшой, – сказал Илья, – пестун, скорее всего.

– И у пестуна силы хватит голову свернуть. Чего он сидел? Не боялся совсем.

– Уйдёт, больше не появится.

Допахали поле спокойно. Больше кони не беспокоились.

Но медведь не ушёл, он ходил вокруг деревни. Женщины пошли за черемшой к болоту – он их там напугал. Приходил к Камышлееву в усадьбу: собаки подняли такой лай, что было слышно в деревне. Никола спустил кобелей, так они угнали медведя на болото. Трифон встретил медведя возле своей мельницы. Люди стали бояться ходить в лес, тогда мужики решили устроить облаву на зверя. Собрались на краю деревни, спустили собак. Некоторые сразу затеяли драку меж собой, другие помчались в лес. Дерущихся собак разогнали пинками.

Вскоре из леса донёсся собачий лай и рёв медведя. Мужики поспешили на шум. На поляне сидел медведь, окружённый собаками. Стреляли все сразу, наверное, от страха. Медведя застрелили, при этом убив одну и ранив двух собак. Медведь оказался молодым, скорее всего, он наблюдал за людьми из любопытства. Но зверь есть зверь, поди, разберись, что ему надо и что он вытворит в следующий момент.

– Хорошо, что друг друга не перестреляли, – сказал Никодим Фирсанов. – Была бы охота.

– Не каркай, – осадили его, – сам, небось, тоже палил?

– Нет, чего я буду в собак палить? Из-за них и медведя не было видно.

– Медвежатник? – спросил Лятин.

– У тебя понятия нету? Собаки кругом, а ты палишь.

Сначала мужики разругались, а потом и помирились, вспоминая, действия каждого.

– С медведем что делать?

– А чью собаку застрелили?

– Мою, – сказал Мехонов. – На цепи был бестолковый, а сгинул достойно.

– Может, ты сам и пристрелил его? – захохотали мужики.

– Я тоже стрелял, там пойми, от чьей руки пал кобель.

– Медведя пострадавшему, – решили все единогласно.

Вечером в деревню пришёл Егор, попросил собрать мужиков.

– Я пришёл просьбой. После посевной надо помочь ставить жильё для переселенцев. Бригада будет работать, но сил у них не хватит. Сразу приедут порядка десяти семей, надо до осени собрать дома. Да, как я понимаю, молодожёнам нашим тоже надо поставить дома. Меня просили не допустить, чтобы в зиму поселенцы остались под открытым небом. Всем вам помогали, и вы должны помочь. Что скажете?

– Работы много, за один присест не сделаешь. Придёт время, и сено косить надо будет.

– Это само собой. Строить будем до покоса, – добавил Егор.

Помочь согласились все. Кто от чистого сердца, кому деньги были нужны, а кто просто не хотел выделяться.

Егор только вчера приехал из Тайшета. Ручкин рассказал, что едет большая партия в Тайшет. Часть людей останется в Тайшете, но семей десять Илья Ильич пошлёт в Камышлеевку. Подписав договор, получив финансовую помощь на строительство, Егор забрал семью и выехал домой. Фёдор подрос за зиму, очень соскучился по родным местам, там были деревенские друзья-сверстники, с которыми играли, ходили на рыбалку. Хотелось поскорее их увидеть, прогуляться вокруг дома, посмотреть, где нынче

понастроили гнёзда птицы. Покупаться в Дунайке. Как ему не хватало всего этого здесь. Он устроился рядом с отцом, управляя лошадьё.

– Ты сам справишься? – спросил он сына.

– Управлюсь, не маленький.

– Тогда управляй сам, а я к матери поближе подвинусь. Не испугаешься в лесу?

– Чего в лесу летом бояться?

– Как чего? Недавно прямо возле нашего дома медведя застрелили. А ты говоришь, кого бояться.

– Серьёзно, что ли? – спросила Настя.

– Ещё как серьёзно. При этом убили одну собаку и двух поранили, – Егор со смехом рассказал про горе-охотников.

– Хорошо, что медведь молодой был, помял бы и собак, и охотников.

– А ты чего не помог?

– Я был в Туманшете у Игната.

– Как они поживают?

– Живут нормально. Деревня у них большая стала, раза в два больше нашей.

– У нас с голого места строить стали, а там уже домов пятнадцать было. Что у нас дома?

– Всё хорошо. Чисто, тихо, уютно, только вас нет. Сынок, забыл тебе сказать, у нас жеребёнок маленький есть, с тобой хочет познакомиться.

– Как его звать?

– Вот сам и назовёшь. Я думаю, ты за ним будешь ухаживать.

– Конечно, я, кто же ещё?

Они всю дорогу болтали, словно полжизни не виделись. Как хорошо им было вместе.

– Ты про этих ничего не слышал? – вдруг спросила Настя.

– Про кого?

– Зимой было.

– Да перестреляли вроде бы их. Ограбили они мужика с Догадаевки, его сыны разыскали этих мужиков да и разобрались с ними по-своему. Говорят так, а как на самом деле – никто точно не скажет. Но с тех пор тихо стало. Мне Тимофей Ожёгов рассказывал. А он всё знает. Волков нынче не было, даже следов не видел. Никола петли ставил на зайцев возле дома, поймал с десяток. Вот и всё. На перевозе, пока Тимофей гнал паром, Егор успел поплескаться в холодной в это время воде. Река была чистой, лёд прошёл, вода упала. Большого половодья ещё не было, снег в верхах только начал таять. Пройдут дожди в верховье, каждый распадок подкинет водицы в Туманшет, вот тогда покажет он свою силушку.

– Выучился? – обратился Тимофей к Фёдору.

– Первый класс закончил, – сказал гордо Федя.

– Ишь ты? А учился хорошо?

– Хорошо.

– А не врешь? – спросил Тимофей.

– Не приучен врать.

– Ну, если учился хорошо да врать не приучен, залезай тогда, а иначе не повёз бы.

Егор улыбнулся рассуждениям сына.

– Видишь, Петрович, не приучен врать-то сын. Придётся везти.

– Придётся, – согласился Егор.

Вечером уже были дома. К их приезду Никола истопил баню. Фёдор сразу пошёл смотреть жеребёнка и, угостив его кусочком хлеба, побежал домой, пообещав навеститься ещё.

Напарившись с сыном, Егор сидел и попивал квас из березового сока. Благодать дома. С полотенцем на голове пришла Настя.

– Попей квасу, – Егор подал ей ковш.

– Холодный?

– Нет, согрелся уже.

Настя не пила после бани ничего холодного, могло разболеться горло. Зная за собой такое, она осторожничала.

– Погодите маленько, сейчас соберу поесть, – сказала она и легла на кровать отдохнуть.

Фёдору было не до еды. Он разглядывал картинки в новой книге.

– Тять, а где медведя застрелили, покажешь?

– Бояться не будешь?

– Чего бояться, медведя убили же

– Покажу. Потом как-нибудь, время ещё будет, целое лето впереди.

Фёдор опять стал смотреть картинки. Поужинали поздно.

Хороший месяц июнь для работы. Светает рано, а солнце садится нехотя, работай да работай, пока сила есть, пока не трясутся коленки. Благодарный месяц июнь. Ещё не палит жарой, обильно идут дожди, и все растения напитываются живительной влагой. Когда придёт время косить сено, будет жарко. Косить легче рано поутру, когда росой смочена трава и бодрит свежесть, правда, невозможно: вылетает из травы чёрная туча гнуса. Лезет в глаза, в рот, за шиворот, и нет от неё спасенья, не помогает и дёготь. Только когда солнце поднимется повыше, можно брать косу и валить ровные ряды трав. Пьянеешь от аромата скошенных цветов. В самую жару работать невозможно: солнце прожигает через рубаху, пот заливает глаза и выедает солью. Часа два косари валяются в тени, пока пройдёт самый жар. После обеда обычно появляются облака и спасительный ветерок, приходит время подворачивать валки. Сено, скошенное раньше, просыхает с одной стороны, его надо перевернуть. Пока дует ветер, он быстро просушит остатки. А ближе к вечеру надо сложить копны, в них сено не пропадёт. Потом ставится зарод и огромные стога. Ребятишки на конях таскают копны в одно место. Длинную крепкую верёвку одним концом привязывают к хомуту, другой заводят вокруг копны и привязывают к хомуту с другой стороны. Конём срывают копну с места и волокут. На землю предварительно укладывают длинные берёзовые ветки, на них и складывают сено. В каждой семье есть свой специалист по укладке и завершению зародов. Если плохо сложить, пробьёт дождём, и тогда сено «сгорит»: сопреет изнутри, покроется белым налётом и почернеет. С таким сеном зимовать – молока не видать. И скотина голодная будет. Но до покоса надо было поставить дома для переселенцев.

Много сделали мужики за июнь, поставили четыре сруба. Ещё начатых было три. После сенокоса продолжили, старались все. К середине августа двенадцать незаконченных домов стояло. Работали не покладая рук. Чтобы подбодрить как-то людей, Егор выдал аванс. Заплатил хорошо, некоторые подумали, что это всё заработанное, и были рады такой сумме, но когда узнали, что полный расчёт будет в конце работ, взялись с новой силой. Дома ещё не доделали, как приехали переселенцы. Подоспели к отделке. Переночевали у костров, и ближе к обеду Егор собрал всех.

– Называйте фамилии, я запишу всех, потом будете тянуть бумажки, кому какой дом выпадет, чтобы не было скандалов и обид. Дома не все готовы, но до холодов всё будет сделано. Так приходилось заселяться всем новосёлам, самым первым было ещё хуже. Кому не понравится место, со временем может построить другой дом. Если отдаст дом для поселенцев, то получит бесплатно материалы и помощь. Если захочет оставить старый дом себе, строиться будет за свои деньги. Скот вам будет куплен, дрова готовить будете сами. Кормов тоже купим на первую зиму, дальше – это ваша забота. Покосы чистить будете сами – места есть. Дополнительные земли корчевать и чистить можете артелью или самостоятельно, как пожелаете. В деревне есть кузница, мельница, есть хороший столяр. Всё это люди сделали сами, они и хозяева. Всем ясно? Если будут вопросы, то меня зовут Егор Петрович. Где меня найти, каждый деревенский знает. Начнём.

Егор медленно записывал: Карповы, Башевские, Малутины, Николаевы, Ивановы,

Фурсовы, Селезнёвы, Аксёновы, Соколовы, Королёвы. Бумажки сложили в кепку. Подходили к дому, Егор вытаскивал записку и громко читал фамилию. Новые хозяева растерянно стояли перед домом, потом шли к своему углу, о котором мечтали больше всего. Открывали двери и несмело входили. Сбылись мечты не о сладкой жизни, о человеческой жизни.

Когда все дела закончатся, надо будет отметить юбилей. Деревне уже десять лет, а в ней нет ни одного старожила – все переселенцы. Прижились, освоились. Уже и детей рожают, строятся. Места хватает всем.

19

Заселение прошло буднично. Все устали за прошедшее лето. Заработали хорошо, это, конечно, радовало. До холодов все зашли под крышу. Пусть не хоромы, пусть небольшой домик, но свой. Землицы отрезали хороший клин. В стайках приживалась скотина. Что ещё для жизни надо? Живи, человек, расти детей своих.

Итак, жизнь продолжалась. Приближалась зима, нужны были дрова – и в большом количестве. Пока не было снега, ходили поблизости с участком, пилили сухие вершины сосен, лежавшие под ногами. Потом на телеге подвозили чурки к дому и складывали. Без дров в Сибири не перезимуешь.

Егор переговорил с первыми поселенцами о юбилее. Всё ж вместе прошли этот путь, а десять лет – немалый срок, попробуй, проживи его. Вот и стоит отметить день рождения. Душа человека просит праздника, как земля цветов.

День, на который был назначен юбилей, выдался тёплый, тихий. Праздновали всей деревней. На поляне, за околицей, поставили столы и лавки, принесли закуски, самогонки. До утра заливалась гармошка. Пели и плясали все, кому не лень.

– Я уж и забыл, что жил где-то, – говорил пьяненький Фрол Погодин. – Привык, как будто так и надо.

Он разворачивал гармонь и распевал частушки.

– Десять лет как один день, – рассуждал Антип Кузнецов. – Уже здесь два внука народились. Теперь это их Родина.

– Ты у нас куркуль, – крикнул Фрол. – Второй дом построил. Я один обжить не могу, а у него второй уже. Ещё строить не собираешься?

– Чего ж не собираюсь? Собираюсь. Никиту оженю и ему дом построю.

– Кого в сваты берёшь? У меня дочка подросла, бери в родню.

– Молчи, дурень старый, – шикнула на него жена Нюшка. – Зенки зальёт и болтает.

– Девка у тебя неплохая. Наверное, не сидит днями с удочкой, как отец.

– А кто мне всё делает? – вдруг загозил Фрол.

– Ладно, скажет Никита к тебе идти – пойду к тебе, – миролюбиво сказал Антип.

– Можешь не ходить, не отдам дочку, – упёрся пьяный Фрол.

Все захохотали.

– Хорошая деревня у нас, – тихонько проговорил Кузьма Захаров. – Сколько дней я думал: надо было ехать или нет. Вот теперь поймал себя на мысли, что не стыдно детям в глаза глядеть. Как было там? Придётся – дети голодные глядят на тебя, а не вытащишь ли ты корочку из кармана. Или забыли? – обратился он ко всем.

– А здесь кто голодом сидел, даже в самый плохой год? Конечно, работали, аж жилы лопались, но голодные не сидели. Значит, стоило ехать. Смотрю, а дети кусок хлеба на столе оставляют, разве там было такое? А ещё скажу вам вот что: на другой год или на третий поехал я по другим деревням продавать кадушки. Думку держал посмотреть, а может, в других деревнях получше пристроились. Посмотрел, сравнил, с людьми поговорил и понял, что лучше, чем у нас, нет. И чьими стараниями?

Люди стали крутить головами, выискивая Камышлеева. Егор смутился и покраснел.

– Спасибо тебе, Егор Петрович. Новенькие поговаривают, мол, барин, раз по имени-

отчеству. А я скажу: не как барин он с нами возился, а как отец. Тут некоторые говорят, мол, наживается на нас. Скажите, у кого он лишнего взял? Кому недоплатил? Вот и выходит, что выпить за тебя надо, Егор Петрович.

– Наговорил, прямо я покраснел, – сказал Егор. – Я скажу вот что. Кто хотел, у того получилось, значит, вы хотели больше всех. Мы хотели больше всех, – поправился он. – И у нас получилось как надо. Главное, всё делали сообща, никто в стороне не оставался. Мы вместе прошли этот путь, и мне не стыдно смотреть вам в глаза, правильной сказать, нам не стыдно смотреть в глаза друг другу. Если выпить, то за нас всех. Мы все в одной деревне. А ей десять лет сегодня. За нас!

Опять заиграла гармошка, веселье продолжалось. Гуляли ещё два дня: остановил выпавший снег. За одни сутки навалило основательно. Сразу стало торжественно и празднично. Ровные белые дымы тянулись в небо, растворяясь в синеве. Хозяева расчищали тропинки возле дома и во дворе. Детишки мяли красоту, создавая своё: лепили из податливого ещё снега снеговиков, швыряли снежками друг в друга и в прохожих. Одни ругались, другие, вспоминая детство, отвечали снежком. Тогда все дети дружно атаковали взрослых. Настроение у всех было весёлое.

Через полмесяца приморозило немного, настала пора возить дрова домой. Пока снег неглубокий, можно в лес проехать.

Зимой по лесу можно ходить только на лыжах. Снег мягкий, не тронутый ветром, лишь немного присыпанный хвоей и небольшими ветками. Тихо в лесу зимой. Разными следами прошиты сугробы, как нитками, от кустика к кусту, от дерева к дереву. Только зайцы набивают тропы. Приморозит такие заячьи дороги – не проваливается зверёк, носится, согреваясь от мороза, ничего не видит. Ловят косых в петли, наставленные на их же тропах. Хорошая поддержка крестьянскому столу. И шкурки идут на шапки да на рукавицы, тёплые и лёгкие. Лаврен Кузьмин наловчился шить детские шубки и душегрейки. По дому утром хорошо ходить, можно и во двор выскочить на минутку, спину не застудишь.

Зимой все ходят друг к другу на посиделки: мужики играют в карты, а женщины вяжут носки и рукавицы и разговаривают на разные темы. И о прошлом, и про детей, и всем косточки перемоют. Так проходят зимы, а иначе хоть волком вой. Дни короткие, зато вечера да ночи длинные. Звёзды на небе что ромашки на лугу. Снег блестит, как на солнце, мерцает, охватывает сугробом крыши домов. Маленькие окошки выглядывают из сугробов, и мерцает в них слабый огонёк лучины. Хороша зима: отдых даёт крестьянину, но уж больно длинна, устаёшь от неё.

Кузьма Захаров с утра стучал у себя в столярке. Поставил печурку маленькую и подтапливал стружкой с опилками. Тепла много не надо, лишь бы руки не мёрзли. На стук пришёл Трифон Суренко.

– Ишь, приспособился. Тепло, хорошо. И заделье нашёл.

– Чего его искать? У меня вся работа здесь и зимой и летом. Не под крышей, так во дворе.

– Заказ какой?

– Новосёлы попросили собрать пару столов да десяток табуреток. Соберу. Чего не собрать? И к весне кадки делать надо. Потом спохватятся, пойдут, а у меня уже есть. Лыжи вот надо загнуть.

– Лыжи из чего делаешь?

– Как и все, из ёлки. Крепкие, гибкие получаются, сами бегают.

– У меня тоже работы много. Упряжь надо готовить. Сейчас с материалом плохо. Вот и хожу как неприкаянный, был у Антипа, тоже мается – валенки подшивает.

– Антип зато летом не выходит из кузни.

– Летом у всех работы хватает, сейчас заняться нечем.

– Валяйся на печи да плюй в потолок.

– Не валяется.

- Гляди-ка, живём, заняться нечем. Как баре стали. На тех, бывало, смотришь да думаешь: вот бы так с месяц хотя бы побездельничать.
- Теперь понимаю, какая это тяжёлая работа – бездельничать.
- Тебе, Трифон, не угодишь. То солнце высоко, то тучи низко.
- Не говори. Сам смеюсь над собой.
- Барина он пожалел. Ну, напейся хоть, всё время пройдёт быстрее.
- Я тебе толкую уже час: давай по маленькой выпьем, одному несподручно.
- Да нешто я против? В этом деле я всегда согласный, – оживился Кузьма.
- Не суетись, у меня всё с собой.

Трифон вытащил тряпицу, развернул её. Там лежала краюха хлеба и несколько кусочков порезанного сала. Кузьма достал из шкафчика стакан. Когда выпили пол-литра Трофима, Кузьма достал свою заначку. Часа через полтора из столоярки доносилось дружное пение.

Вот и ещё один зимний день прожит.

20

В 1910 году учредили Тайшетскую волость Канского округа, Красноярского уезда, Енисейской губернии. Тайшет увеличился до четырёхсот дворов с населением около полутора тысяч человек. К десятому году железная дорога стала перевозить груза столько, что не хватало вагонов и паровозов. Эхо беспорядков 1905 года достигло и Тайшета. Пусть с пятилетним опозданием, но пришло. Ссылные вели разговоры с рабочими железной дороги, лесозавода, разъясняя политическую ситуацию в стране. Самого владельца лесозавода Жернакова в Тайшете не было, все дела вершил управляющий. Мужик он был вороватый и наглый, недоплачивал за заготовку леса, уменьшал объёмы заготовки, воровал везде, где мог. Недовольство среди рабочих росло. Люди объединялись, читали запрещённую литературу, поставляемую из Новониколаевска, Иркутска. Ссылные обучали детей рабочих, тем самым привлекая к себе всё больше народных масс. Чиновники ничего не предпринимали, не понимая, к чему это приведёт. Трактиры не закрывались. Подвыпившие люди носились по селу на упряжках, давя нерасторопных кур и распугивая зазевавшихся прохожих. В сёлах росло недовольство переселенцами. Непокойно стало жить. Многие жили бедно, как и на Родине, но возвратиться назад возможности не было. Деньги растрочены, а заработать не получалось. Такие готовы были работать за половину зарплаты. И работали, но недовольство росло.

Егор разговаривал с Ручкиным. Он никак не мог понять, что же случилось с людьми. В Сибири люди всегда жили вольно, но в послушании, подчинялись закону. Были и здесь нерадивые, кто всегда работал абы как. Работай, не ленись. Хочешь – паши землю, расти хлеб, нет желания – лови рыбу, ходи на охоту. Без куска хлеба не останешься. Вырасти в огороде картошки, набери грибов и ягод, корову держи, другую скотину – сено косить везде можно. Не ходи и не ной, никто тебя кормить даром не будет.

– Так и раньше жили. Как могли, так и пробивались, но помалкивали. А сейчас ссыльные настраивают недовольных, мол, надо пойти, требовать с купцов. Пойди да требуй, а он закроет лесопилку. Что тебе ничего не достанется – ладно, но многие другие потеряют кусок хлеба, – говорил Егор.

– Я с тобой, Егор Петрович, давно поговорить хотел. Хоть и едут сейчас люди сюда на поселение, я к тебе не буду посылать больше. Понимаешь, Егор, дорог ты стал мне за эти годы, не хочу я тебя подставлять. Не те люди едут сейчас, не те. У первых в глазах добро было, а сейчас всё больше злые какие-то. Условия не поменялись, но сколько сейчас ругани и споров! Как представлю, что к тебе поедут такие вот горлопаны, ну, не знаю, что ты будешь с ними делать. У тебя много осталось материала?

– Я уже и сам не хотел подряжаться. Устал чего-то. Буду пока работать с Зюзенцевым. Отдохну. Материала осталось немного, строятся сейчас уже дети новосёлов, детишек

рожают, жизнь идёт. В деревне у нас сейчас больше тридцати дворов. Скандалов не слышал между людьми. Не шумно живут, ладят меж собой.

– Попадутся крикуны, разбередят деревню – тогда прощай покой. Перегрызутся все. Я таких говорунов посылаю в низовье Бирюсы. Там старожилы сильны, не позволяют дурить. А у тебя все переселенцы. Пусть спокойно поживут.

– Не хотелось бы свары, я не люблю споров. Начнут руками махать, горлопанить, а чего хотят, толком объяснить не могут.

– Заметил, что тебе покой больше по сердцу. Всё больше молчишь, а дело тебе можно любое доверить.

– В тайге привык молча. Там поговорить можно в зимовье, если есть с кем. А целый день один по лесу шатаешься, плашки проверяешь да ловушки. Сам с собой не поговоришь. Языком чесать – не мужское дело.

– Верно. Дома всё хорошо?

– Хорошо. Фёдор в лесу находится да на реке, дома не бывает. Настя с грядками воюет. Заняты все делами, один я вот катаюсь туда-сюда. Я вот что думаю, Илья Ильич, а на всю эту заразу, которая расплзается тут, управы нет никакой? Урядник, пристав, полицейские – ничего не видят?

– Пока только словами грозят, не трогают, побаиваются лить масло в огонь. Ждут, что всё само собой и стихнет.

– А как не стихнет? Хорошо, что пока у нас поспокойней.

– Вот я тебе и не посылаю людей, а ты не пускай своих далеко, чтобы не видели ничего да не болтали зря.

– У меня только Мыльников ездит за товаром, надо с ним поговорить, чтобы не болтал лишнего. Больше никто и не отлучается никуда: лето короткое, не успеешь дел всех переделать, и зима нагрянет.

– Люди довольны? – спросил Ручкин.

– Живут. Никто не голодает, веселей живут, чем работные люди рядом с депо в Тайшете. Здесь в бараках ютятся: бараки чёрные, всё мрачно. Нет, у нас веселей. Но если случится зараза в деревне, то найдутся и у нас любители порассуждать, особенно из последних прибывших. Те, кто раньше приехали, уже приноровились, у них всё хорошо.

– Всё ж опора у тебя есть.

– Есть. Первые крепко ухватились за землю, работают с темна до темна.

Немного успокоившись после разговора с Ручкиным, Егор отправился домой.

В деревне стучали топоры. За последние два года справили четыре свадьбы. Дети росли, создавали свои семьи. Поначалу жили у родителей, а потом ставили себе дома. Но строить теперь приходилось своими силами, и стройки затягивались не на одно лето. Зимой сруб рубить не будешь, а летом другой работы хватает. Только Васька Бутьянов решил остаться в отцовском доме: отца схоронили, а мать с братом бросать не захотел. Решили, когда понадобится младшему дом, тогда и будут думать.

В последнее время возле домов стали ставить палисады. В них высаживали черёмуху да рябину, приносили колючий шиповник. Окна украшали ставнями с затейливыми деревянными кружевами. Всё это радовало глаз. Начал Кузьма Захаров. Все ходили, смотрели. Кто просто останавливался, разглядывал, кто мимоходом бросал взгляд. Потом у Кузьмы заказал резные наличники Мыльников. И пошло. Потянулись люди к красоте.

Вечерами по всей деревне неслись весёлые переборы гармошки, украшенные чистыми девичьими голосами. Особенно завораживали своим пением Марийка Погодина да Иринка Кузнецова. Две подружки так на два голоса заводили песню, что гармонисты переставали играть, боясь спугнуть такую красоту и восторг души. Душа русская по-настоящему раскрывается в песне. И сельчане в темноте садились у окна, слушали и радовались своему тихому счастью. Радовались, что не надо думать, чем кормить детей завтра, радовались свадьбам детей, не только своих, но и соседских – потом соседи порадуется за твоих. Радовались за внуков, которые родились уже здесь, и никогда не

узнают про голод. Радовались аромату свежесдобитого хлеба, что, как хорошая песня, плывёт над деревней. Это ли не радость? Замешивают тесто ещё с вечера, чтобы за ночь оно набрало силу, поднялось. Хозяйка встанет рано, затопит печь. Для хлеба и печь затапливали по-особенному: дрова в поде складывали колодцем. У каждой хозяйки были свои премудрости. Прогорят дрова – выметет хозяйка все угли и золу, а потом на деревянной лопате тщательно вымешанное тесто ставится в печь. Каждая печь выпекает по-своему, и хозяйка знает характер печи и возможности. Проходит время, и ковриги, пышущие жаром, ложатся на лавку, покрытую чистым полотенцем, потом их сбрызгивают молоком и закрывают другим полотенцем. Хлеб должен отдохнуть. Когда просыпаются ребятишки, хлеб уже готов, запах разносится по улице. Ничего нет вкуснее, как отломить сбоку напльвчик, твёрдый, хрустящий, и грызть, запивая парным молоком. Мать ругает ребёнка, чтобы не портил все ковриги, да разве углядишь? А какая радость, когда приносят в дом только родившегося телёнка, ещё мокрого, но уже вставшего на ноги и лижущего шершавым языком пальцы.

И, слушая песни, каждый думал о своём, каждый понимал, что Бог увидел их страдания и дал возможность подняться с колен. Всем дал равные условия, и все постарались не упустить счастливый случай.

21

Осенью большой компанией выехали заготавливать орехи. Год урожайный выдался. Август стоял тёплый, шишка вызрела рано и в середине сентября хорошо шла из-под колота. Колот – это длинная жердь с чуркой на конце. Вырезали в чурке паз клином, вставляли крепкую жердь. Этим колотом били по стволу кедр, шишка отрывалась и летела вниз, а там – берегите головы. Шишка не разбирает, куда ей падать, бывало, что и синяки носили от шишек. Стукнешь по стволу – полетел вниз кедровый урожай. Кто-нибудь решает посмотреть: а все ли слетели, и в это время шишка, запутавшаяся в хвое, и прилетит любопытному под глаз. Потом шишки собирают в мешки, носят на табор. А уж там те, кто не может таскать тяжёлый колот и мешки, шелушат шишки, освобождают орехи. На валёжине стёсывали край, делали ровным, как доска, потом насекали зубцы. Из толстого сучка вырезали рубель, удобную доску с ручкой и такими же насечками, как на валёжине. Шишку клали на насечки, били по ней рубелем и, прижимая, прокатывали. Шишка рассыпалась, и содержимое падало под валёжину на расстеленный полог. Потом всё просеивали на разных ситах и откидывали, освобождая орехи от шелухи. Для такой работы нужно много рук, и поэтому ездили большими артелями. Переплавливал через речку Фрол Погодин, потому что заход в кедровый бор был в том месте, где он рыбачил. Двое его сыновей, Пашка да Гришка, тоже отправились за орехами. Старшим с ними пошёл Трифонов Иван. У Ивана сыновей нет, только дочка, а их в тайгу не пошлешь. Шишки бить – дело серьёзное, вот и приходится ходить самому.

Иван пошёл первым. Он уже бывал на шишкобое, знал дорогу. Да и заблудиться было негде, по распадку иди до самого верха, а там – и кедровый бор, и табор.

Поднимались с полчаса по чистому распадку. Тропа уже еле заметная, нечасто ходят по ней, но остаётся след от артели. Пришли на старый табор. Там целые кучи высохшей прошлогодней шелухи, она толстым слоем лежит на земле. Тепло и мягко спать на ней, как на соломенном матрасе. Быстро сделали шалаш, разложили вещи и стали готовиться к завтрашнему дню. Иван стал мастерить колоты, в такой компании одного будет мало. Пашка Погодин взял ружьё и подался посмотреть шишку, пройтись по кедровому бору, определить, откуда лучше начинать бить. Всем нашлась работа: готовили дрова, устраивали табор, делали рубели. На костёр поставили большой котелок для чая. Всё делалось молча, со знанием дела. Деревенские дети не росли бездельниками: попробуй, поленись, сразу острый язык прилепит прозвище, от которого за всю жизнь не отмоешься. В глаза не скажут, а за глаза всё равно только по прозвищу называть будут. И вся жизнь

может пойти насмарку, девки отворачиваться станут.

Раздались два выстрела. Недалеко, поэтому неожиданно и раскатисто. Мужики прислушались и опять занялись своим делом. Только через полчаса, когда уже стало темно, появился Пашка. Через плечо он нёс глухаря.

– Вот, обед на завтра будет хорош, – сказал Иван. – Чего два раза палил?

– Влёт стрелял, первым подранил, пришлось добивать. А то он удирать собрался, потом его в траве не сыщешь.

– Да, без собаки не найдёшь.

Устроившись на шелухе, молодые ребята слушали байки Ивана, бывалого охотника, посмеивались да подкалывали разными вопросами. Весело, спокойно было всем.

Наутро Иван поднялся раньше всех. Ещё только стало светать, молодёжь сладко спала. Иван принёс из ручья воды и раздул оставшиеся угли, подбросил дров. Скоро закипит чайник, и тогда можно будить работников. Иван не стал теребить глухаря, просто снял шкуру вместе с перьями, разрубил птицу и залил водой. Глухарь старый, и варить его надо долго. Сейчас отмокнет немного, потом, когда все разойдутся, можно будет ставить на огонь, и когда закипит, поставить на край. Долго томится мясо, зато навар хороший будет. Потом добавит картошки, и суп готов. Ещё несколько минут Иван сидел, смотрел на костёр, слушал тишину. Потом взял пустой котелок, постучал по нему половником и крикнул:

– Подъём!

Сполоснувшись холодной речной водичкой, все сели вокруг костра и с удовольствием принялись за глухаря. Бить шишку – силы много надо. А после обеда, пока все отдыхали, Пашка пробежался по лесу и принёс глухаря и зайца к вечеру.

– Зайца-то зачем бить? Шкурку выкидывать теперь надо, – возмутились мужики.

– Едва отбился от него. Чуть не затоптал меня. Я его прогонял, а он в драку, – серьёзно говорил Пашка.

– А чего вы там не поделили? – спросил Иван.

– Наглец попался, матерился страшно.

– А как ты понял его?

– Что я маты не понимаю?

– Заячий язык понимаешь?

– Да он по-русски меня крыл, я ж говорю, едва отбился.

– Иди, помело, – отмахнулся Иван.

Все захохотали.

Работа шла весело. Перешелушили все шишки, приготовили работы на завтра. За первый день устали так, что уснули моментально.

На четвёртый день с утра просеяли весь орех, затарились и отправились домой. К вечеру должны дойти до реки, там будет ждать Фрол с лодкой да домашние с лошадьми. Оттуда на телегах повезут орехи – не по одному мешку набили.

Переплавлились долго. Пока перевезли мешки, людей, солнце спряталось за вершушки елей. В последней партии плыл Пашка. Когда садился в лодку, бросил пару глухарей.

– Чего не съели там? – спросил Фрол.

– Это я подстрелил, пока спускались к реке.

– Есть птица?

– Хватает. День походить с собакой, можно настрелять. Если подранишь, без собаки не найдёшь.

– Может, завтра и съездим, пока погода стоит? – спросил Фрол сына.

– Поехали. Ты тоже пойдёшь?

– Нет, я корчаги поставлю, пока ты ходишь, а потом к вечеру сниму их совсем, скоро уже снег будет.

В деревню въезжали победителями. Их уже ждали. Всем хотелось побаловаться орехами.

На другой день Пашка настрелял десяток глухарей, а Фрол наловил два ведра ельцов. Да ещё Фрол выловил тайменя, царь-рыбу здешних мест. Несколько недель назад заметил он матёрого хищника и решил выловить. Заказал Антипу хороший кованый крючок, приготовил крепкую бечёвку и чурку. В чурку вбил толстый гвоздь и привязал к нему бечёвку. К другому концу бечевы прикрепил крючок, наживкой привязал заранее выловленную мышь. Когда сын скрылся в лесу, Фрол заплыл выше ямы, где видел тайменя, и выпустил мышь. Она поплыла, оставляя след, и таймень схватил её быстро. Фрол едва успел выкинуть чурку за борт. Таймень несколько часов гонял чурку от переката до переката. Фрол спокойно сидел в лодке и ждал, когда рыба ослабнет. Когда чурка затихла в одном месте, Фрол поплыл посмотреть, что там. Рыбина ещё немного сопротивлялась какое-то время, но обессилела и затихла. Фрол вытащил тайменя на галечник. Добыча оказалась фунтов на тридцать. Пашка долго разглядывал диковинку и качал головой:

– Ну, ты, батя, выловил чёрта.

Фрол только улыбался.

Отец с сыном были довольны поездкой. Матери работы привезли. Надо почистить и посолить рыбу, обработать птицу, чтобы не пропала. Соседи приходили посмотреть на тайменя.

До полуночи провозилась мать с добычей, но радостно было женщине. Разве это работа, когда достаток в дом. Готовые тушки птиц разложила в сенцах, чтобы отнести в ледник.

22

А утром выпал снег. До Покрова ещё две недели, снег может и не удержаться: понаделает грязи и исчезнет. Когда все осенние дела переделаны, можно и переждать какое-то время, но нельзя в один миг отдохнуть от работы. Слоняться без дела по двору – занятие не очень приятное, и каждый добрый хозяин ходит по усадьбе, заглядывая по углам. Ищет, где ещё можно приложить руки, пока не настали холода. Там поправит мелочь какую, в другом месте починит что-нибудь. Зима потом все мелочи сосчитает и выложит в самый неподходящий момент. В такие дни сельские мужики собираются в кузнице, подальше от женских взглядов да окриков. Не боится волк собаки, да не хочет драки. Пока ещё морозец не прижимает, снегу немного – в кузнице идёт работа. Зимой можно растопить горн, но только по срочному делу, а мелочи нужно доделать по теплу. Не сговариваясь, к Антипу подтянулись Трифон Суренков, Томаев Прохор, Морозов Фёдор, Трифонов Иван. Расселись, кто где приспособился. Сын Никита, здоровенный парень, спокойный, стеснительный, помогал отцу. Никита повыше и пошире в плечах отца и старшего брата Ивана. Такой увалень с открытой душой неизбалованного ребёнка. Он никогда не перечил отцу, но, если понадобится, молчком делал по-своему. Антип ругал неслуха, но Никита только улыбался и продолжал работать. Несмотря на свой могучий рост и силу, черты лица имел нежные, материнские. Никто в деревне не пытался задирать Никиту. Поймает за руку, так сожмёт, что после этого про всё забудешь. До чего же он нравился девчонкам, но ни с кем не хороводился. Тайком поглядывал на Иринку, Ивана Юшкевича дочку, да только мала она ещё была, пару годиков подождать надо. Никита заканчивал очередную подкову, выбивал последние искры из металла. Ему чего-то не понравилось, и он вместо того, чтобы бросить подкову в кадку с водой, положил снова в горн и стал разогревать.

– Чего ты там усмотрел? – спросил Антип недовольно. – Хороша подкова.

Никита вынул разогретую заготовку, быстрыми ударами молотка поправил одну сторону и только тогда бросил в воду.

– Гляди, какой настырный! – удивился Фёдор. – Пока по-своему не сделает, не бросит. Молодец.

– Не будешь настырным, ничего не добьёшься, – заметил Трифон.

– Антип, не боишься, что сын переплюнет тебя в работе? – спросил Фёдор.

– Чего бояться? Сын должен ловчей отца работать. У него и рука твёрже, да и глаз поострей. И будет, кому отдать дело: худо, бедно, а без куска хлеба не останется.

– Это верно. Любое ремесло прокормит. Вон и Трифона мельница кормит.

– А ты не завидуй. Свой хлеб я, как и ты, выращиваю. Мельница у меня больше для души, вон Антип знает. А что она прибавку в дом приносит, так это и хорошо. Я со своих по-божески беру, не в пример другим мельникам. Так что не завидуй.

– Да я не к тому. Просто любое дело – оно всегда дело. Иду сейчас мимо Захаровых, а Кузьма тюкает уже, тоже любит свои деревяшки. И, казалось бы, стругай себе плашки, собирай под обручи – вот и кадка. Ан, нет. Попытался я как-то собрать, ну, думаю, «не Боги горшки обжигают», собрал.

– И что? – спросил Трифон.

– Баба моя увидела, топором разбила, чтобы, не дай Бог, люди не увидели. Пришлось заказать у Кузьмы.

– Кузьме не рассказывал?

– Нет. От него только насмешки. Похоже, ему некому передать будет своё ремесло. Петька-то его не хочет заниматься кадушками. Останется деревня без кадушек.

– Ты смеёшься? А вот в округе кто ещё может похвалиться этим ремеслом? Не будет на месте такого работника – будешь рыскать по всюду, искать несчастную кадку.

– Зато у Кузьмы старшие дочки такие безделушки ловкие делают из бересты, – сказал Антип. – Сидим мы с ним у него в сарайчике, летом было. Попросил я попить воды. Подаёт Кузьма мне кружку, сплетенную из бересты, я даже подивился. Так ловко собрана, что я долго разглядывал. Набрал воды – не протекает, попил да оставил воду. Кузьма увидел, засмеялся, говорит, что давно сам всё испытал – не убегает вода. А ещё сказал он, что молоко долго не прокисает в такой посуде. И резных штучек всяких наделано: на стенках для красоты висят в доме, и хлеб они хранят тоже в такой посудине. Вот тебе и дочки. А ремесло доброе у них. Только я не пойму, где они научились. Спросил Кузьму, говорит, что в Еланке у кого-то подсмотрели главное, а потом и сами добились красоты. Захотеть надо. У меня старший сын может работать с железом, но не лежит у него душа. Сделает всё правильно, а вот не станет лишний раз править, как Никита.

– Новость слыхали? – спросил молчавший до сих пор Прохор Томаев.

– Какую новость?

– Волнуется народ в Тайшете да в Суетихе.

– Чего волнуется? – переспросил Иван.

– Недовольный народ. Кто-то жирует, а большинство с голоду пухнут.

В кузнице надолго повисла тишина. Даже Никита перестал стучать и присел на чурку. Мужики задумались каждый над своим. Не забылось ещё, как голодали сами, но не хотелось верить, что теперь, когда у них уже всё нормально, где-то там кто-то голодает. Хочется всё прошлое выкинуть из памяти, но каждый раз старая жизнь догоняет и берedit душу.

– И чего хотят люди? – спросил Антип.

– Забрать у богачей всё да поделить.

– А как не отдадут?

– Силой забрать.

– И на всех поделить? – после долгого раздумья переспросил он.

– На всех.

– А хватит ли на всех-то, и не передерутся все, когда делить чужое будут?

Опять мужики замолчали. Каждый решал, как можно поделить чужое без обид.

– И как будут определять, кто богатый, а кто нет? – подал голос Трифон.

– Сходом определяют, – сказал Прохор.

– Выходит, сами и определяют, сами отбирают, сами делят. И кто эти сами?

- Так рабочие на дороге, лесопилке, прочие.
- У рабочих на лесопилке ничего за душой нет, у дорожников тоже. Им хочется поделить чужое, своего не убудет. А в деревне тоже всё делить будут?
- И в деревне тоже.
- К примеру, у нас кто богаче, у кого надо забрать и кому отдать?
- У нас богатей один.
- Кто?
- Камышлеев, кто же ещё? На нашем горбу нажил своё богатство.
- Вот что я тебе скажу про Камышлеева. Может, ты уже слышал, если нет, так послушай. Мы первыми пришли с мужиками посмотреть место, которое нам предлагали. Здесь, где сейчас деревня, стоял лес. Ничего не было. Место нам показал Петрович. Сказал, если нравится – стройтесь. Мы тогда долго ругались меж собой, Трифон скажет, он был с нами. Я был против, чтоб селиться здесь, а Трифон настоял, чтобы остались. И устали мы к тому времени уже скитаться, я до сих пор говорю спасибо Трифону, что он настоял на своём. Тогда у Камышлеева уже было всё, что стоит сейчас. Только всё новое. И строился он один. На свои деньги, не то, что мы. И лесопилка была, и кирпичи обжигал. Лишнего из наших денег не брал, но ты спроси в других деревнях, как им пришлось строиться. Ведь ты, Прохор, получил свой дом за свои деньги, а не строил сам. Вот и получается, что он потратил твои деньги на тебя. Просто государство больше доверяет таким, как Камышлеев. Слава Богу, у тебя всё есть. А если бы ты получил все деньги на руки, неизвестно, жил бы ты в своём доме или нет. Вот и рабочие, которые на дороге работают, да в других местах, получили деньги на руки, теперь недовольны, чужое им подавай. Вам было дадено своё, государство выделило: берите, стройтесь, обживайтесь. Не смогли своё удержать в руках, как же вы чужое удержите? Вот и нужны такие, как Камышлеев, но где их искать? Кто ж виноват, что сами думать не хотим. Я тебе скажу так про Камышлеева: пусть не каждый день буду за него молить бога, но хотя бы раз в году, а свечку за здравие ставить в церкви надо. И я ставлю. И другие, кто понимает всё, тоже ставят. И ещё, Прохор, я понимаю, что ты и нас с Трифоном в богачи пристроил. Не знаю, как Трифон, а я богач. Никогда так хорошо не жил. Ты, Трифон, жил?
- Нет, и я не жил.
- А ты сам, Прохор, жил лучше?
- Да я говорю то, что слышал.
- Нет, ты скажи, жил ты лучше или не жил? – настаивал Антип.
- Не жил, – почти злобно выдохнул Прохор.
- Так живи и радуйся. Чего ты всякое слушаешь. Тебе повезло больше, чем другим. Вот и рассуди сам.
- Я же сказал, что просто передал новости – и всё.
- Ладно, пусть новости, но у тебя есть сомнения, вот я и хочу высказать тебе свои мысли, просто порассуждать. Вот, к примеру, заберёшь ты у меня кузницу, и как будешь делить её со всеми поровну? Или ты хочешь доход от неё делить? А кто будет в ней работать? Меня заставишь или Никиту моего? Вот и выходит, что отберёшь кузницу, и вся деревня останется без кузни, так же и с мельницей. А у Захарова что отбирать? Заготовки да руки его ловкие? Так посмотреть, и тебя, Прохор, можно причислить к богатым, да отобрать у тебя всё.
- Чем я так богат, что у меня можно отбирать? – удивился Томаев.
- А давай разберём. У тебя два коня есть, и хороших два коня.
- Ну.
- Две коровы есть, другая скотина. Хлеба ты собрал достаточно, я думаю и излишки есть. Есть?
- Немного есть, – согласился Прохор.
- А у тех, кто недоволен, хоть десятая часть твоего богатства есть? Нет. Вот и тебя можно обобрать.

– Разговор идёт не про таких, как мы.
– Дай волю, всех причислят к богатым, и ты не увернёшься.
– Антип, ты про Камышлеева правду говоришь? У него уже всё было, когда деревню строить начали?

– Трифон подтвердит, у Фрола Погодина спроси, у Захарова, у Кузьмина. Мы тоже сначала меж собой разговоры вели, а потом-то как довольны были. И сам Егор Петрович из таких же, как и мы сами. Отец у него был охотником, рыбаком, потом завёл хозяйство. Дал денег сыну на дом. Настасьин отец, тот побогаче, отвалил за дочь приданое. Петрович разумно использовал деньги, потом и сам стал зарабатывать.

– А откуда они?

– Где-то в низовье Бирюсы жили, около Конторки. Далековато отсюда.

– Только жить стали немного лучше, опять чего-то затевается, – угрюмо промолвил Трифон. – Это к нам отголоски пятого года дошли, так понимать надо. И ведь не проскочит мимо, зацепит. Вот в чём беда. А так не хочется. Как сейчас хорошо. Вот тебе речка, лес, тишина, покой, поле рядом, в семье достаток. Нет, надо перековеркать, измесить всё в грязи, а потом сколько отмываться придётся. А как до крови дело дойдёт? Там не отмоешься. И пойдёт всё наперекосяк. Нет, Прохор, не поддерживаю я тех, кто колобродит там. Не поддерживаю. И своего просто так не отдам. Если мне и дали денег, чтобы я здесь прижился, так я прижился, налоги уже справно плачу, а остальное моё, и не отдам никому, и другой тоже не отдаст. Если дойдёт до того, умоется наша земляца кровью, ой, как умоется. Нельзя доводить до дележа чужого.

Трифон поднялся и вышел из кузницы.

– Прав Трифон, – сказал Кузьмин. – Хорошо тому делить, которому своего терять нечего, а чужое, глядишь, и прилипнет к рукам. Только надолго ли?

– Да, дела, – промолвил Морозов.

Мужики встали все разом и пошли по домам. Не было радости от разговора ни у кого, словно ножом по живому прошлись. Хотя осталась надежда, что это не дойдёт до деревни, это там, далеко, а здесь всё останется по-старому, ничего не изменится. И завтра, и после мужики также придут в кузницу, будут говорить о своём, а то и сообразят по стаканчику. После стаканчика и разговоры другие, и темы. Нет, никто не хотел менять свою жизнь, никто не зарился и на чужое. Своё бы удержать да детям передать.

После обеда солнце съело снег. Удивительно, но грязи не прибавилось. Просто снег пушистый был да лёгкий, вот и исчез легко, без слякоти. Только на траве осталась роса крупными каплями. Солнце искрилось в них, и резало глаза.

– Я домой пойду, приберись здесь, потом закрой кузню, – сказал Антип и пошёл, слегка сутулясь.

Никита не торопился домой. Чего там делать? Достал из тайничка свои поделки: он пытался сделать цветы из железа. Уже готовы были колокольчик, огонёк, ромашка. Ещё хотелось сделать саранки, что росли за рекой на горе. Никита наблюдал за цветком, запоминал каждую деталь, рисовал угольком, чтобы не упустить самое важное в цветке – его неповторимость. Только получались все поделки одного цвета. Вот бы покрасить их. Баловство, конечно, но нравилось парню подчинять себе металл. Заработавшись, Никита не услышал, как зашла сестра Иринка.

– Кому цветочки делаешь? – спросила она беззаботно.

– Чего пришла? – Никита любил сестру, но своих секретов ей не раскрывал.

– Тятя звал домой.

– Случилось чего?

– Ничего не случилось, просто сказал, чтобы домой шёл ужинать. Поздно уже.

– Я сейчас доделаю и приду.

– Можно я с тобой посижу?

– Только не мешай.

– Ладно.

Никита ещё несколько раз нагревал заготовку, гнул, рубил, разводил в стороны. Всё отчётливей в куске железа проявлялся цветок. Когда дело было закончено, Иринка стала рассматривать сделанное.

– Смотри, как ловко получилось? Кому делаешь?

– Никому. Просто делаю и всё.

– Мне подаришь?

– Тебе зачем?

– Надо!

– Посмотрим.

Никита спрятал цветы, и они вместе пошли домой.

23

Мыльников сидел расстроенный. Уже заканчивался графинчик водки, а хмель его всё не брал. Супрун, с которым он имел дело, которому он сдавал товар, вдруг не захотел продолжать с ним, с Осипом Мыльниковым, дела. Сказал, что у него появились другие поставщики.

– Как же так, Иван Корнеич, мы столько лет работаем вместе? Разве ж я тебя подводил? Всё делал как надо, – умолял Мыльников.

– Дорого просишь за товары, мне за меньшую цену предлагают, – говорил Супрун, развалившись за столом, разглядывая бумаги.

– Ну, как же дорого? Нисколько не дорого. Я себе в убыток, почитай, вожу. И у тебя за хорошую цену отовариваюсь.

– Будет ещё дороже. Времена беспокойные. Гляди, что сворачиваться придётся и вовсе.

– Какие времена не такие?

– Ты слепой? Кругом косые взгляды, того и гляди «петуха красного» пустят. И в харчевню людишки перестали ходить, закрывать буду, – говорил Супрун.

Но было понятно, что он под это дело хочет взвинтить цены. Осипу цены никак нельзя поднимать: кто будет брать товары? Тогда и продавать ему не будут в деревне ничего. С чем тогда ехать? Всё навалилось сразу. Надо что-то придумать. Может, в Суетику съездить к Жоголеву. У него есть своя лесопилка, рабочие живут там же, рядом с лесопилкой. Наверняка, можно сговориться, но надо ехать, смотреть, а потом и разговаривать. Надо собрать хороший товар, преподнести подарки. Любят господа заводчики подарки, за этим дело не станет, соболя, слава Богу, есть. Лишь бы дело сладилось. Супрун намекнул, что если снизить цены, то, возможно, и продолжит вместе работать. Партию товара взял по старой цене, но сказал, что последний раз. Давит, думает, что податься некуда.

Надо прямо сейчас ехать на лесопилку Жоголева и прикинуть, с какого конца подъехать к нему. Решено – сделано. Утром обоз с товарами для своей лавки он отправил с работником, под присмотром сына Алексея, а сам налегке отправился в Суетику.

Походив вокруг барачков, заглянув в местную лавку, Мыльников прикинул, что можно предложить. Небогато было в лавке: мясо заветренное, разносолов совсем нет. Рядом река, а рыбы нет. Как же так? Много чего высмотрел Осип, потом пошёл в контору.

Жоголев, полноватый, среднего роста, но достаточно подвижный мужчина, встретил Мыльникова с недоумением. О таком поставщике промышленник даже не слышал. Раз пришёл, то чего гнать.

– Осип Антонович Мыльников, – представился лавочник, – имею лавку в Камышлеевке. Вожу товары из Суетики, Тайшета. У меня к вам предложение. Чтобы не гонять пустые обозы, могу поставлять в вашу лавку рыбу, мясо, ягоды.

Мыльников стал перечислять то, чем бы мог обеспечить Жоголева.

– Где же такая Камышлеевка? Не слыхал, – сделал равнодушный вид Жоголев.

«Раз стал разговаривать, значит, можно и договориться», – сразу смекнул Осип.

– На Туманшете. Если напрямую, то вёрст шесть от устья.

– Через Перевоз, что ли?

– Да, да!

– А деревня Туманшет далеко ли?

– В пяти верстах. Рядом.

– Слышал, там знатные охотники живут?

– Живут.

– Ты у них пушнину можешь скупать? Только хорошую. Если что доброе привезёшь, возьму в любом количестве и цену дам хорошую.

– Можно и пушнину. Договоримся, за какую цену возьмёте, так я прямо и поеду туда. Охотники должны выходить из тайги на днях. Можно и сторговаться сразу, чтобы не перехватили.

– По рукам. Часть денег для покупки пушнины я дам сейчас, а полный расчёт по результату.

– По рукам.

Два торговых человека остались довольны друг другом. Жоголев переправлял пушнину в столицу, там за неё давали бешеные деньги. Выгода была верная. Он скупал шкурки в низовье Бирюсы и в верховье. Теперь наладит скупку на Туманшете. В хорошее время пришёл этот Мыльников Осип Антонович, вовремя.

В то же время Мыльников думал, что он совсем не прогадал, заехав в Суетику. Пусть теперь Супрун локти кусает, пушнина теперь от него ускользнёт. А брал он её изрядно. Мыльников ездил за пушниной не только в Туманшет, но и в Цыганки, в Еланку, в Светлое, Тропу, везде люди нуждались в товарах, а рассчитывались пушниной. Осип с такой торговли имел хорошую выгоду. Дома Камышлеев запретил торговать плохими товарами, а в дальних деревнях этот товар разбирали, только вези. Мыльников знает всему цену, только хороший товар и закупается дорого, а подпорченный ничего не стоит, а продать можно довольно прибыльно. Нет, совсем не зря заехал в Суетику Мыльников. Неизвестно, кто больше потерял – Осип или Супрун. Ой, неизвестно. Мыльников взял в лавке водки и, довольный собой, направился домой.

Обоз Осип нагнал на Перевозе. Он двигался медленно, кони устали, не стоило загонять их, чтобы прибыть домой на полчаса раньше. Осип забрал сына к себе и поехал вперёд.

– Завтра быстро разберём товар и уже послезавтра поедем по деревням распродавать.

– Чего спешить? – спросил Лёшка.

Он был нерасторопный. Осип никогда бы не взял себе такого помощника, но куда деваться – сын ведь. Надо приучать к делу. Живет ни рыба, ни мясо, пнёшь – пойдёт, не толкнёшь – так и будет сидеть, смотреть в окно. Такого хорошо в лавке держать: смотрит за товаром, обслуживает покупателей – и ладно. Не вспотеет на работе, весь в мать. Вот и подбирает Осип работников расторопных, быстрых в деле. Только работники воруют, а этот и своровать для себя поленился.

– Поедешь со мной, будешь помогать, да языком не болтай лишнего. Хотя тебе и сболтнуть лень. Вот уродился помощник.

Алёшке хватало ума не спорить с отцом. Знает, что отец пошумит, а деваться некуда, не выгонит.

– Ладно. Надо ехать, так поедем.

Через два дня Осип был уже в Туманшете. Заехал к Игнату Комову, тот был в деревне главный, мимо него дело не сделаешь. Приходится кланяться. Ничего непотребного Осип не собирался делать: только бы договориться о покупке всей пушнины, которую охотники готовы продать. Раньше так не делали. Покупали какую-то часть и только. Зачем понадобилась вся, объяснять всем не было желанья, а Игнату говорить надо. Тоже не допустит обмана для своих односельчан. Дружки с Камышлеевым. Да и пусть, обманывать Осип не собирался, а скупить всё надо было. Тем более, что деньги были

выделены.

– Здорово, Игнат, – поздоровался Мыльников.

– Здорово и тебе. Привёз чего?

– Тебе нужно чего-нибудь?

– Да чего мне нужно? Есть всё, – буркнул Комов. – Пойдём в дом, поговорим.

– Угадал, разговор есть.

– Чего там гадать, воровская твоя душа.

– Чего уж так сразу?

– Говори, зачем приехал, – Игнат присел на скамейку.

Мыльников сел рядом.

– Охотники вышли из леса?

– Значит, шкурки понадобились, – кивнул Игнат. – Я так и думал. Скажи свою нынешнюю цену на меха, а я послушаю.

Мыльников стал называть цену. Немного завысил против прошлого года.

– Чего вдруг раздобыл? Ай, беда какая?

– Просто человек хочет скупить хороший мех, цену даёт он, а я посредник – и только.

– Когда рассчитываться будешь? Опять после продажи? Или свою рухлядь будешь предлагать?

– Расчёт сразу. Поговори со своими охотниками, чтобы не продавали никому. Я заберу, не обижу.

– Поговорю, только я сам присмотрю за тобой. Я с тобой договариваюсь, я и отвечаю. Приезжай через неделю, выйдут последние, зараз посмотришь всё и выберешь.

Только в Туманшете так разговаривал Осип. Там жили ловкие охотники, добывали соболей, белок, рысей. С ними нельзя говорить нахрапом, они знают себе цену. Завтра с утра поедет в другие деревни, там разговор будет другой, и цены будут другие. Там и на товары будут менять.

Утром двумя подводами поехали сначала в Цыганки. Деревня, что в четырёх верстах к югу, небольшая, полтора десятка домов. Люди живут небогато, промышляют в основном охотой да держат скот, покосы имеют хорошие. Зерна хватает себе и для скота, лишнего не производят. Нечем. Кони не у всех, а взял у кого – отдай зерном. Здесь намного хуже устроены люди, чем в Камышлеевке и Туманшете. Нет крепкой руки. Живут больше сами по себе, артелью не работают, не помогают друг другу.

Мыльников заехал к Ивану Панкратову. У него всегда и останавливался. Завидев обоз, люди сами потянулись к Панкратовой избе. Осип скупал пушнину, меняя на товары, иногда, когда просили, давал и деньгами. Зачем злить народ? Через два часа торговля была закончена. Упаковав пушнину, Осип направился в Еланку. Еланка – деревня серьёзная. Там жили тоже переселенцы, но не нынешние, а давешние. В основном поляки, сосланные за бунтарство. Жили они здесь уже лет тридцать, можно сказать, местные. Хозяйства у них крупные, детей помногу. Занимались охотой. Здесь тоже надо аккуратно разговаривать – мужики серьёзные. В Еланке Мыльников останавливался у Ивана Осмоловского. Семья у Осмоловского была многодетная: и сынов много, и дочек. В люльке покрикивал самый младший Сашка. Родился как раз в сенокос, хорошенький парнишка, да крикливый больно.

– Дай ему титьку, что ли, пусть помолчит немного, – сказал Иван.

Присосался Сашка да затих, потом и уснул.

– Рано приехал, – сказал Иван, когда стало тихо. – Не все вышли из тайги. Нынче снег невелик, так ещё промышляют. Ходить хорошо, ловушки и плашки не задувает.

– А есть, кто вышел?

– Есть.

– С добычей?

– Да, договаривают, что не пустые. Завтра с утра расторгнешься, заночуй у меня, чего на ночь глядя торги разводить?

К обеду Мыльников свернул торговлю и направился в Светлое и Тропу. До вечера закончив дела, направились домой. Ночь выдалась светлая: полная луна ярко светила в глаза, звёзды мерцали, как снежинки, под луной.

Домой приехали к полуночи.

Через день Осип с новым обозом поехал в Суетику. Только спустя неделю вернулся пьяненький, но весёлый. Ходил по дому одетый в сюртук чёрного толстого сукна на три пуговицы, обтянутые синим шёлком, в сапогах с высокими голенищами, в широких, в полосу брюках, заправленных в сапоги. Купец средней руки – и только. Напевал себе под нос. Никому ничего не рассказывал, а спросить у него не решались. Раз весёлый, значит, всё хорошо. Никто не знал, как подошли они друг другу, Жоголев и Мыльников. Каждый имел свою корысть, и каждый остался с прибылью.

А потом Осип запустил диковинку, которую приобрёл для большей солидности – граммофон. Пластинок было немного, но Мыльникову обещали подвезти ещё. А пока можно было послушать цыган, да ещё какой-то мужик то ли пел, то ли гудел что-то непонятное. Обещали привезти что-нибудь красивое, жалостное, тогда можно будет поставить эту штуковину в магазин. Пусть люди ходят да слушают.

24

Мишка Сушкевич долго не мог привыкнуть к Сибири. Зимой – морозы, даже воздух густеет, режь его кусками и глотай. А летом – жара да гнус, от которого только и спасаешься дёгтем. Не намажешь скот – беда. Коровы от укусов поднимут хвосты, понесутся, обезумев от боли. Пастухи ничего не могут поделывать. Только дымокуры и спасают, стадо стоит возле дымокура, не пасётся, а спасается от слепней да комаров. Потом приспособились. Прежде чем выгонять скот на пастбище, мазали дёгтем. Возле дома стали выкашивать траву, вместе с травой исчезал и гнус. По вечерам на скамеечке лясы точили да орехи щёлкали. Погнала в дорогу Мишку да его жену Алёнку из родной Белоруссии беспросветная нужда. Было два выхода для молодой семьи: идти батрачить на пана или ехать в даль далёкую Сибирь за призрачным счастьем. Ни у Мишки, ни у Алёнки ничего не было за душой. Свела их любовь. Оба были не последние люди в деревне, красивые, здоровые, весёлые. Всё было просто, пока не родился сын Васька. Нужда нависла драным мешком над головой. Вроде и видны просветы, а потянулся к ним – опять темнота, хоть в петлю головой. Вот тогда и прослышали про вербовку в Сибирь. В обещания верилось с трудом, но зародилась маленькая надежда. Поговорил с Алёнкой. Она тоже думала об этом. Махнули рукой на всё и поехали. Брать с собой особо было нечего. Взяли по маленькому узелку да Ваську за руку и пошли, не оглянулись.

Уже в пути сошлись с земляками Юшкевичами. У Ивана и Марии было две дочки и судьба похожая. Решили держаться вместе – всё легче. И ребятишки быстро сдружились. Когда в деревне предложили дома выбирать, то решение жить по соседству было общим. Первая зима была особенно тяжкой. Невиданные холода. Спасибо, что деревенские помогли с одеждой. Единственно, что радовало, – всегда был кусок хлеба. Корова досталась хорошая, только очень привередливая. Долго привыкала к новой хозяйке. Характерная корова: попробуй ударь прутиком – молока получишь половину. А двухведёрница отменная, не у всех в деревне такие коровы. Постепенно стало легче жить. И дочка Марийка родилась, и ещё будут дети. Кормить есть чем, а это главное. Алёнка улыбаться стала, а то совсем сгорбилась. Теперь красавица такая, какую он и полюбил. Эх, да достаток такой бы на Родине. И где она теперь, Родина? Деревня Выселки, что рядом с Гродно. Стало жить легче – появилась тоска по полям родным, околкам, речушке, спрятавшейся в траве, по садам весенним, чистым и благоуханным. Иногда так сдавливало внутри, что вышибало слезу. Прятался в такие минуты, стыдно было. Алёнка тоже скучала, но вида не показывала. Тогда решил Мишка посадить у дома сад, чтобы по весне расцветали пусть не яблони и сливы, пусть черёмуха, но пахнёт белым дурманом,

радует душу. На вторую весну походил Мишка по округе, посмотрел, что в лесу достойно взгляда, а осенью принёс из лесу черёмуху, рябину, калину, кусты шиповника, сибирских диких роз, и разбил сад перед домом. Оградил палисадником, чтобы скотина не потравила. На следующую весну уже радовался редким цветочкам прижившейся черёмухи.

– Блажь у мужика, – поговаривали сельчане.

Но неожиданно эту «блажь» подхватили ребяташки. Девчонки уговорили мальчишек, и те натаскали саженцев в деревню из леса.

А Мыльников вообще учудил. В Тайшете один из купцов привёз саженцы тополей. Осип увидел, как сажают их возле церкви и по Трактовой улице. Когда сажальщики зазевались, Мыльников стащил пять штук и привёз в Камышлеевку. Смеялся. Говорил, что мог и купить, но тогда неизвестно: прижились бы деревца на новом месте или нет. А так следующей весной напротив мыльниковской усадьбы зазеленели маленькие тополя. Их загородили от скота, и каждый изредка подходил, любовался ими и сравнивал с осинкой. Ничего не росло так быстро, как эти тополя, может, потому, что ворованные. Расцвела деревня. По весне такой дурман от черёмухи стоял, что голова шла кругом.

Не сразу, но стала уходить тоска. Заботы всё больше отвлекали от больших дум, радовался Мишка и малышке-дочке. Она уже сибирячка. Радость и отрада. Васька тоже обвыкся, дети быстро забывают плохое. Чего ж теперь? Привыкать надо! И Алёнка однажды призналась, что не зря там всё бросили. Конечно, не зря. Человеком себя почувствовать всегда приятно. Не батрак, а хозяин.

Растаял снег. Буря сухая трава громко шуршала в просыпающемся лесу. И не нужна тишина, всю зиму тихо в лесу было, можно и пошуметь. Мишка Сушкевич, как и многие жители деревни, направился в лес. Пришла пора побаловаться берёзовым соком. И не только попить сладкий берёзовый нектар, но и заготовить сок на лето. В погребе сок немного закиснет, и будет квас. Сок собирать – дело нехитрое. Вырубаешь небольшое корыто и ставишь под берёзу. Надрубаешь ствол и вбиваешь небольшой клинышек. Сок из прорези по клину бежит в корыто. Теперь сиди и жди, когда наберётся бадейка, свёрнутая из бересты. Приложишься к бадейке – не оторвать. Холодный, сладковатый напиток бодрит. Мишка уже наставил с десятков корыт. Завтра приедет на телеге с кадушкой, соберёт из корыт сок и поставит снова. И так неделю будет ездить каждый день. Когда сока не станет, соберёт корыта да сложит в сухое место, чтоб не погнили. Скоро начнётся посевная пора, пригодится сок. Мишка присмотрел ещё и цветы. Вот подснежники зацветают, а там огоньки проклюнулись. Ещё прошлым летом он выкопал колокольчики, ромашки вместе с дерном, так приживаются лучше. Целое лето будут цвести разные цветы, радовать глаз. Посмотришь на них, и спокойнее становится на душе. И пусть его считают чудаком, но ему нравится.

Не только цветами занимался Мишка. Попросил как-то Мыльникова привезти ему картошки из Конторки: поговаривали, будто там хорошая картошка. Мыльников сперва посмеялся, а потом, когда узнал, что Мишка хочет развести другой сорт, привёз ему мешок и денег не взял. Сказал, чтобы на следующий год рассчитался новой картошкой. Новый сорт получился удачным. Старая картошка была хороша, урожай добрый, но к весне чернела, её скармливали скоту. Новая пролежала зиму хорошо, да и на вкус была лучше. Следующей весной Мишка сажал два сорта – старый и новый, разделяя их полосой овса. Картошки накопал столько, что можно было и продавать. И в маленьком огороде каждый год старался он вырастить что-то новое. Семена ему привозил лавочник. Огурцы, капуста, морковь росли у Мишки лучше всех в деревне. Всё свободное время возился он с огородом. С прополкой помогали Алёнка и дети. Насмешки в деревне прекратились, когда люди увидели результаты. Бабы завидовали потихоньку:

– Смотри, как повезло Алёнке: мужик, а на огороде всё сам делает. А тут и дом на твоих плечах, и скотина, и огород.

Ну, а сохранить урожай Алёнка умела лучше всех в деревне. Хрустящие огурчики из

бочки да золотистая капуста так вкусно не удавались никому. Ходили бабы, выведывали секреты, но ничего нового не узнали. Алёнка и не скрывала, как она делает. Вроде, так же, как и все, только выходило совсем не так, как у всех. Это как и с хлебом – пшеница с одного поля, мука с одной мельницы, а хлеба одинакового в деревне не найдёшь. У каждой хозяйки свой вкус. Так, видно, и тут. Бабы сошлись на том, что «лёгкая рука» у Алёнки, потому и всё вкусней. Невдомёк было бабам, что делала Алёнка не абы как, а с душой, с песней. А чего не петь, когда каждый день в радость? Чего не радоваться, когда солнышко всё утро гуляет по светлым вихрам ребятишек. Кот вон сидит на окне да муху лениво гоняет. Муж не слоняется в поисках чего-нибудь, а делом занят. И приятно позвать его к завтраку и подать чугунок с картошкой, да хлеба, да молока кринку. Разве есть счастье больше? Потому у Алёнки любое дело спорится. А ещё потому, что под сердцем носит она ещё ребёночка, который родится в тепле и достатке.

25

Сено косили на берегу речки. Солнце палило исправно, с утра было немного полегче, а уже к обеду некуда было спрятаться от зноя. Жара и аромат скошенной травы кружили голову, делали тяжёлыми руки и ноги, дышать становилось труднее. После обеда, в самое пекло, не косили, никаких сил не хватало: валялись в шалаше или в тенёчке под густой елкой. По самому берегу их много росло. На дрова елку пилить – себе каторгу устраивать. Елка – дрова хорошие для чистки печи, как и осина, но колоть их невозможно. Мелкие сучки пронизывают ствол поперёк, словно пробивают деревянными гвоздями. Попробуй расколоть чурку, сбитую гвоздями. Топить елкой, если нет снега, – опасно. Слишком много искр выплёскивается из трубы, гляди и пожар случится. Но искры, пролетая через дымоходы, поджигают сажу, вспыхивая, она прочищает дымоход. То же происходит и с осиновыми дровами.

Никита Кузнецов лежал под елью на самом берегу речки. Купаться в ней не будешь: воробью по колено и вода холодная в любое время. Слишком много родников дают воду реке. И бежит она в тени тех же елей, ивняка и смородиновых зарослей. Кислицы тоже здесь хватало. Никита было уже задремал, но, услышав шорох, обернулся. Иринка Юшкевич, покрасневшая от жары, скинула платочек, наклонилась к воде и стала брызгать на себя водой. Потом сполоснула руки и лицо. Намочила беленький платочек, без которого в такую жару опасно находиться на солнце, собралась уходить.

– Ира, иди сюда, здесь прохладно, – позвал Никита.

– Тьфу, чёрт красивый, напугал, – вздрогнула Иринка.

– Разве, черти бывают красивые? – спросил Никита, поражаясь своей смелости. Он даже и сам не понимал, как осмелился окликнуть девушку.

– В зеркало посмотри, увидишь, – спокойней сказала Иринка, но подошла и присела на самый краешек берега.

– У тебя руки подгорели, – сказал он, кивком указывая на покрасневшие места, которые не были закрыты рукавами.

– Наверное. Побаливают немного.

– Много ещё косить?

– Хватит. Работников немного, и жара стоит.

– Да, жарко.

– Я, правда, на чёрта похож? – вдруг спросил Никита.

Иринка громко расхохоталась.

– Это тебя так девчонки зовут!

– Почему?

– Нравишься ты многим, а ни на кого не смотришь. Говорят, что ты заколдованный. Значит, чёрт. Смотри, сглазят тебя, что тогда делать будешь?

– А как чёрта сглазишь?

– Не знаю. А не боишься, что присушат тебя девчата?
– А ты присуши. Может, мне и понравится.
– Я на тебя глаз ещё не положила, – смеялась девушка. – Вот присмотрюсь получше, а там видно будет.

– Присмотрись, – Никите было легко и приятно с девушкой.

– А замуж за меня пошла бы? – вдруг спросил он.

– А ты позови, поглядишь: пойду или нет.

– Выходи за меня, – ласково сказал Никита и встал, испугавшись своей смелости.

Иринка тоже поднялась и вызывающе посмотрела ему в глаза, рассмеялась и побежала на свой покос.

– Осенью сватов жди! – крикнул он вслед.

Она не обернулась, просто бежала и улыбалась.

Никита чувствовал себя глупцом. Давно нравилась ему Иринка: как глянет на неё – дыхание перехватывает. Она же никогда и не смотрела на него. Стыдно ему стало. Разве можно простыми словами говорить о своих чувствах. С вечерки ни разу не проводил, какими глазами он теперь посмотрит Иринке в глаза при новой встрече?

Никита сам себя затравил думками так, что даже в тени ему стало жарко. Он вернулся в прокос, взял косу и стал докашивать остатки покоса. Отец с удивлением посмотрел на сына. Какая оса его укусила? Но ничего спрашивать не стал, мало ли чего. Захочет – скажет.

Но Никита никому ничего не сказал.

Закончился покос, молодёжь снова стала ходить на вечерки. Опять до утра играла гармонь, а девчата пели песни. Вальсировали пары, крутили кадрили. Никита и раньше не часто ходил к костру, а теперь вообще боялся показаться на глаза. Ему казалось, что каждый будет смеяться ему вслед. В глаза не посмеют, а за глаза будут шептаться. А девки и частушку состряпают и ославят на всю деревню, проходу не будет. У них быстро это получается.

Никита целыми днями и ночами пропадал в кузнице. Днём делал заказы, а по вечерам крутил из железа цветы. Много уже было их, и все разные.

– Что делаешь? – вдруг за спиной раздался звонкий голос.

Никита вздрогнул, но вида не показал.

Медленно повернувшись, спросил:

– По делу? – осознавая, что говорит глупость.

– Без дела нельзя? – улыбнулась Иринка.

– Можно.

– Ты на вечерки почему не ходишь? – спросила она, словно не знала.

– Не хожу.

– Почему?

– Никто не зовёт.

– А если я позову? Придёшь?

– Проходи сюда, чего там стоишь.

– Там грязно.

– Иди, чего покажу, – сказал он и вытащил кованые цветы.

Разложил их на верстаке. Иринка подошла, стала разглядывать. Брала каждый цветок, крутила в руках и клала на место. Резко повернулась к нему и, глядя в глаза, спросила:

– Про сватов мне слышалось? – и она хитро улыбнулась.

У Никиты перехватило дыхание. Он смотрел на девушку и молчал, не мог выговорить ни слова.

– Значит, слышалось, – заявила Иринка и, положив цветы на верстак, направилась к двери.

– Нет, – выдохнул Никита, – не слышалось. Жди сватов.

– Когда?

– Скоро.

– А цветы красивые.

Она засмеялась и побежала в горку.

Осень пришла плаксивая и нудная, но потом смиловилась. Установилась солнечная и тёплая погода. Подсыхало с трудом. Картошку копали уже около недели, складывали в кучи и накрывали ботвой. В последний день, когда копать оставалось совсем немного, кучи раскрыли и стали просушивать, а к вечеру – затаривать в мешки и на телеге возить домой. Часть сложили в яму, вырытую прямо на меже. Глубокая яма закрывалась досками и ботвой, потом её заносило снегом. И никто ничего не трогал до весны. Весной яму открывали, картошка была, как свежая, её хватало на всё лето.

Никита таскал мешки один. Работа нетяжёлая: взял мешок, закинул на плечо, пронёс немного и высыпал в подвал. Мать с сестрой Иринкой набирали картошку из куч и затаривали мешки. Потом мать пошла управляться со скотиной, остались Никита с сестрой.

– Никита, ты пойдёшь на вечерку? – спросила сестра.

– Зачем?

– Кое-кто просил тебя прийти.

– Кто это? – повернулся Никита.

– Тебе лучше знать. Меня просили тебе передать, а там, как хочешь. Можешь и не ходить, тогда и останешься один. Уведут невесту.

– Кто? – спросил брат.

– Значит, есть невеста, – протянула Иринка. – Давай закончим быстрее, мне тоже хочется вечером погулять.

– Тебе язык хочется почесать?

– Нет, правда, просили передать.

– Ладно. Давай работать, там видно будет. Поторопись. Отец приболел. Надо всю картошку определить к месту.

Антип промок под нудным осенним дождём, потом его продуло немного. Сейчас побаливала спина. В огороде он работать не мог, но слонялся по двору, топил баню да делал разные мелочи. Баню он полюбил здесь, в Сибири. Там, на родине, бань не было – мылись в печке. Париться не парились и не знали, что это такое. Когда здесь первый раз помылся в бане, не понравилось: жара, дышать нечем. Горят ногти и уши, волосы трещат. Дым выедаёт глаза, сколько ни проветривай баню. Потом привыкли. Сначала баня была общая в деревне, когда жило только пять семей, но потом каждый сделал свою.

Никита с Иринкой, весело болтая, везли на телеге последнюю картошку домой.

Пока мать готовила баню, Никита переносил картошку в подполье, а Антип распряг коня. Вскоре отец с сыном пошли париться.

Запарили сразу четыре веника, чтобы всё было под рукой. Антип надел шапку, рукавицы и полез на полку. Никита подал ему таз с холодной водой. Первый ковш кипятка брызгами разлетелся по камням. Пар жаром заполнил помещение. Прошло немного времени – жар распространился повсюду и немного растаял. Антип кивнул сыну. Тот плеснул на каменку уже полковника. Белое облачко пара, едва появившись, растворилось, жар приятной волной коснулся тела. И пошёл гулять веник по спине. Когда кожа начала гореть, Антип окунул веник в таз с холодной водой и опять принялся неистово истязать своё тело. Наконец, обессиленный, он слез с полка и вышел в предбанник. Тяжело дыша, наслаждался прохладой. Немного глотнул холодной воды, много нельзя – прохватит горло. Пока отец отдыхал, с веником управлялся сын. Здоровья у него было побольше, сердце крепче, и пару он поддал посильней. Отдохнув, Антип, было сунулся в баню, но оттуда так дохнуло жаром, что он отпрянул.

– Никита, ты что? Сдурел? – заорал Антип. – Как ты там терпишь! На полу не усидеть!

Никита, улыбаясь, весь малинового цвета, пышущий жаром, вышел в предбанник и, сладко жмурясь, сказал:

– Хорошо.
– Сдурел совсем, – проворчал отец, – открывай дверь – не войти.
– Хорошо, – повторил сын, сидя на скамейке, и закрыл глаза. – Отдохну и ещё схожу.
Отец с сыном сидели в предбаннике уже одетые, не в силах подняться и идти.
– Здоров же ты париться, – сказал отец, – да и в работе тоже горазд. Женить тебя надо уже, а тебя из дому не выгонишь. Так и просидишь всю жизнь на родительской шее.
– Жени, – буркнул сын.
– Так на ком женить? Ай, высмотрел кого? – подозрительно посмотрел Антип.
– Иринка, Ивана Юшкевича дочка.
– Это которая? – спросил Антип, словно не знал. – Старшая, что ли? Ничего, справная. Сосватаем, а через месяц и свадьбу отгуляем. Или шутишь?

Были у Антипа сомнения: дома сидит по вечерам, днями в кузне, где это они сговорились?

– А как погонят сватов-то, что тогда делать?
– Какие сваты будут, так и встретят, – заулыбался Никита.
– Чего скалишься? Толком-то скажи что-нибудь.
Отец шёл из бани впереди и ворчал, сын шагал позади, улыбался, думая о своём. Уже вечером, сидя за столом, Антип сказал:
– Слышишь, мать, жениться наш младший надумал. Говорит, сватать надо идти.
– Сиди, старый, несёшь ерунду, – сказала мать, взглянув на сына.
– Чего ерунду? Сказал мне, что выбрал себе невесту. Вот и думаю: шутит он или правду говорит. У него сразу ничего толком не выбьешь.

– И кого ж он выбрал?
– Будут у тебя две Иринки, – сказал отец.
Сестра прыснула в кулак. Ей было известно, о ком идёт речь.
– Цыц, хохотушка, – приструнил отец, – нечего тут смешки разводить.
Непонятно стало: шутит отец или нет.
– Так серьёзно, что ли? – растерянно спросила мать. – Ты-то чего молчишь? Кто за тебя пойдёт, если у тебя каждое слово щипцами вырывать надо?

Никита ел молча. Пусть поговорят, понимал, что ещё шутят над ним, но не обижался. Сейчас наговорятся, а потом и он скажет своё слово.

– Скажи матери, кого ты выбрал, – кивнул отец, – не мне же называть.
– Иринка, Юшкевича Ивана дочь.
– Ишь ты? Так она молодая ещё, – всплеснула руками мать. – Сколько ей?
– Девятнадцать скоро будет, – сказала сестра.
– Нет, в самый раз. А чего? Пора и жениться. Сговорились, что ли?
– Сговорились.

Пока отец с матерью недоумевали, Никита оделся и пошёл на вечерку. Посреди деревни была небольшая площадь. Вниз к реке шёл широкий прогон для скота. На этом прогоне с краю стояла кузница, а выше открывалась широкая поляна. Там и проходили вечерки. Играла гармошка, пели песни, танцевали. Вокруг кострища стояли чурки, на которых сидели парни и девчонки. Собирались тогда, когда начинало темнеть. Первыми приходили те, кто помоложе, разжигали костёр. Потом подтягивались и остальные, кто желал.

Никита присел на чурку и стал ждать Иринку. Её ещё не было. Не было и подружки, Светки Морозовой. Они всегда приходят вместе. Пацаны, которые помладше, потихоньку покуривали самосад. В деревне немногие курили, но табак выращивали для домашних нужд. То моль потравить, то в огороде табачным настоем опрыскивали рассаду от всяких гадов. Пацаны воровали табак, крошили листья да покуривали. Хотелось казаться повзрослей. Никита задумался и не заметил, как подошла Иринка.

– Пришёл? – спросила она неожиданно.
Он поднял глаза и улыбнулся.

– Уже хорошо. Подвинься, я присяду, – она сама немного подвинула его и, присев рядом, открыто посмотрела ему в глаза.

– Уже думала тебя из дома на верёвке вытаскивать. Как старик какой, прирос к лавке. То на работе сидишь, не выдернуть. Проводишь меня сегодня?

– Провожу, – сказал он, улыбаясь.

Ему нравилось, что она так много болтает и не смущается, как он. Сидит рядом, смеётся, хлопает большими ресницами, что-то показывает руками. Ему больше ничего не хотелось: просто видеть её, слышать.

– Уснул, что ли? – дёрнула она за рукав. – Я спрашиваю, завтра будешь работать?

– Где? – очнулся он.

– В кузнице.

– Да, пока ещё стоит погода.

– Приду посмотреть на твои цветы, не рассмотрела в первый раз.

– Приходи. Посмотри.

– Хороший ты собеседник. Говоришь и говоришь, просто слово некуда вставить, – устала она на него.

Он улыбался и молчал.

– Правильно, не люблю тех, кто больше меня болтает.

– Это кого не любишь?

– К примеру, Сашка Морозов. Того не останови, он и во сне говорить будет.

В этот момент подошёл Сашка:

– Ирин, пойдём танцевать. Чего уселась, как старуха?

– Уйди, – сказал Никита, улыбаясь.

Сашка взглянул на него и понял, что лучше уйти.

Иринке очень нравился этот добрый, красивый, немногословный увалень. Она даже представила, как он берёт её на руки и несёт по полю, где полно цветов. Она зажмурилась глазами – так ей стало сладко.

– Про цветы! Расскажи про цветы, как ты придумал их делать?

– Увидел на другом берегу Туманшета, мы с ребятами плавали туда. Таких цветов я больше нигде не видел, потом пришло в голову сделать.

– Отец что сказал?

– Я не показываю ему. Ругаться будет, скажет, что баловство, да и только.

– Я со Светкой приду, можно?

– Можно.

– Нет, я одна приду.

– Приходи, как хочешь.

Они вскоре ушли от костра в сторону берёзовой рощи. За огородами стояла небольшая, чистая берёзовая рощица. Ещё когда стали застраивать деревню, решили рощу не трогать, пусть стоит на радость всем. Даже сок берёзовый там не берут. Возле рощи валялись два сутунка, два коротеньких ошкуренных, давно высохших брёвнышка, приспособленных под скамейку. Возле костра сразу раздались шепотки. Все сразу заметили, что Никита под ручку ушёл с Иринкой. Удивлялись, как это ей удалось подцепить такого парня, о котором многие девчонки мечтали. Поговаривали, что без колдовства не обошлось. Но ещё больше разговоров было, когда на следующий день к Юшкевичам пришли сваты. Дело сладили быстро и полюбовно, свадьбу сыграли через месяц, когда с уборкой урожая управились. К тому времени выпал снег. Ряженые упряжки полдня носились по деревне, потом умчались в Туманшет, в церковь. Гуляли свадьбу шумно, а через месяц была ещё свадьба Мехонова Макара и младшей дочери Суренкова, Ксении. Деревня веселилась ещё неделю.

Много уже свадеб прозвенело бубенцами по единственной деревенской улице. А сколько ещё прозвенит?

Шагап Ибрагимов нёсся на крепком молодом жеребце по деревне. Конь испугался чего-то и понёс, не слушая узды. Парень изо всех сил тянул повод на себя, но жеребец не реагировал. Кое-как удалось направить коня из деревни вниз к реке. Там уже, отпустив узду, Шагап покрепче сжал коню бока и изо всех сил вцепился в гриву. Жеребец почувствовал свободу, задрал вверх хвост, летел с горы.

– Кто это так с ума сходит? – спросил Антип.

Он спустился к реке ополоснуться. Вдруг видит: с горы кто-то летит на коне. Сначала Антип ругнулся, оценивая такие скачки, но потом понял, что лошадь просто испугана и теперь не управляема.

«А молодец, что вывел из деревни, здесь конь успокоится и остановится. Только бы не споткнулся».

Конь не споткнулся, просто перед самой рекой резко выставил ноги вперёд, присел, останавливаясь, наездник кубарем слетел в реку. Куча брызг разлетелась в стороны. Когда всё успокоилось, Антип увидел, что наездник лежит в реке и не пытается подняться.

– Убился! – крикнул он и бегом побежал к парню.

Конь стоял рядом и храпел. Антип поднял Шагапа, чтобы тот не нахлебался воды, парень открыл глаза, приходя в себя.

– Живой? – Антип стал ощупывать руки парня. – Целый, вроде. Повезло тебе, парень, просто немного зашибся – и всё. Вставай, чего в воде сидеть, давай пойдём в кузню, там обсушишься.

Антип помог парню встать и повёл в кузницу. Жеребец поплёлся следом. Деревенские кони были домашние, послушные, потому и ходили за хозяином, как собаки. В кузнице горн горел вовсю, работал Никита. Работы было много, и Никита взял её на себя. Ему надо денежку зарабатывать, дома жена молодая, родить должна к осени.

– Никита, дай-ка огня побольше, человеку обсушиться надо, – сказал отец. – Чуть было не убился малец, повезло – в речку свалился. Понёс, что ли? – спросил Антип.

– Кто-то укусил его. Может, слепень или шершень ударил, – ответил Шагап.

Парень он был тихий: не видно, не слышно, но если кто пробовал задирать его, то получал достойный отпор, несмотря на возраст и силу. Шагап мог умереть, но обидчику не спустит, кто бы там ни был. Вся семья Ибрагимовых жила тихо, не на виду, наоборот, старались никому не мешать. Нет, они не были какими-то отшельниками, вместе со всеми бывали на гулянках, но держались тихо. Поначалу говорили они совсем непонятно, сам Шухрат знал по-русски, а его жена, Фатима, только немного понимала, но говорить стеснялась. Шагап, единственный их ребёнок, рос тихим и неприметным. Поначалу стеснялся, что не понимал сверстников. Постепенно обвыкся, стал говорить хорошо, но характером остался прежним: немногословным с друзьями и уважительным к старшим, старательным и работающим.

Ибрагимовых привёз Егор Камышлеев. Ездил по каким-то своим делам в Щетиновку. Туда привезли большую партию переселенцев из Казани. Татары жили своей общиной: свой быт, своя вера, традиции обособливали их от других поселенцев. Партия из Казани была большая, многие из той партии осели в Тайшете, в районе Первой и Второй Зелёных улиц, да по Проходному переулку, соединявшему их. В народе это место получило название Татарский аул. В этом районе и разговаривали только по-татарски. Здесь же соблюдали все свои традиции.

Клан Ибрагимовых подался подальше от посторонних глаз. Поначалу им назначили место поселения Щетиновку. Они пробыли там полгода, место не понравилось: болотистое, нередко в половодье затапливалось. Поехали посыльные, получили разрешение выбрать место выше по Бирюсе. Они поднялись до деревни Благодатской, перешли реку и подались в тайгу. Там нашли подходящее место и построили деревню Калтоши. Рядом стояла ещё деревня Еланка, где проживали люди разных

национальностей. Часть татар осталась в Еланке, остальные поселились в Калтошах. Потом некоторые семьи ушли ещё выше по Бирюсе и поселились отдельно. Молодые парни шли за золотом в самые верха Бирюсы, к Саянам, и оставались там.

Пока ждали разрешения на переселение, у Шухрата произошёл конфликт с сородичами, дело дошло до поножовщины. Кое-как конфликт удалось унять. По случаю Камышлеев оказался в Щетиновке. Когда Шухрат узнал, кто это такой, он подошёл и попросился к нему в деревню. Егор взял. Тем более, что документы на него сразу же и отдали, отдали и часть денег, которыми руководил старший из клана. Пока Шухрат собирался, ему привели пару коней и Егору отдали остальные деньги. Кто-то из местных сказал, что в управлении по поселениям у Камышлеева есть связи. Чтобы не раздувать скандал, всё, что причиталось Шухрату, вернули. Когда приехали в Камышлеевку, Егор сразу сказал, чтобы над новенькими не было никаких шуток, и Ибрагимовых никто не обижал. Сам Шухрат оказался хорошим коновалом, лечил лошадей, выручал своих сельчан, да и из окрестных сёл приводили к нему заболевших коней.

Антип ощупал кости Шагапа.

– Ну что, обсох? Руки, ноги целы? – спросил Антип.

– Целы, – сказал Шагап.

– Остальное до свадьбы заживёт. Ладно, я пойду.

Он вышел за дверь и уже оттуда сказал:

– Шагап, у тебя конь, как собачонка, никуда не отходит. Где хозяин, там и он. Ты его не ругай, всякое случается – скотина всё ж. Человек с разумом, а что только ни творит.

– Я знаю, он не виноват.

– Ишь, голос услышал, ушами стрижёт. Хорош у тебя конь. Такого в плуг жалко ставить, только красоваться на нём.

Шагап покраснел, словно хвалили его самого.

– Чего случилось? – спросил Никита, молчавший до сих пор.

– Маркиз сбросил, – ответил Шагап. – Сперва понёсся как сумасшедший, а потом в реку бросил меня. Шибко я ударился головой, отец твой достал меня из воды.

– По-чудному ты назвал его. Где такое слово взял? Что такое – маркиз?

– Дашка Антонова читала книжку, я и услышал. Что это такое, я не знаю. Наверное, что-то хорошее, как у меня конь.

– Ладно, пойдём домой, – сказал Никита, вытирая руки.

Вороной жеребец, успокоившийся, не отходил от кузницы. Когда Шагап вышел, конь поднял морду и фыркнул.

– Иди, ты меня сбросил, – проговорил Шарап, отворачиваясь.

Конь зафыркал сильней, потом медленно пошёл следом.

– Гляди, прощения просит, – удивился Никита.

– Он всё понимает.

– А, ну-ка, прости его, чего делать будет.

Шагап погладил коня по лбу. Тот замотал головой, пристроился рядом и пошёл наравне.

– Это ж надо? Ты специально его учил?

– Нет, он с сосунка со мной, привык. Знает, что я хочу.

– Маркиз. Чудно как-то, – сказал Никита и повернул домой.

Шухрат только покачал головой, когда сын пришёл домой. Мать пригрозила ухватом, но ругаться никто не стал. Чего ругаться, если конь понёс. Раз сегодня обошлось, значит, Аллах милостив к их сыну. Не дал им бог больше детей, сколько молилась Фатима, сколько просила. Наверное, после того и стал Шухрат ослабевать в вере. Перестал молиться, как раньше. Ничего в жизни не переменилось, значит, достаточно и того, что есть. Но кроме всего, есть у Шухрата мечта – женить Шагапа. Парню восемнадцать лет, пора женить – и обязательно на татарке. Много татар в Тайшете. Поедет Шухрат в Тайшет присмотреть невесту сыну. Маленько ещё соберёт денег на калым и поедет.

Селезнёвы жили просто, были рады каждому дню. Легкие на подъём, пребывали в нужде, но не унывали. А когда появилась возможность куда-то поехать, да ещё за казённый счёт, да за счастливым будущим, то они ни минуты не сомневались, что это им как раз и надо. Два сына, уже достаточно взрослых и смыслёных, да младшенькая дочь – вот и всё богатство, что было нажито. Взяв с собой детей, поклонились деревне, в которой ничего не осталось, кроме полуразрушенной избушки, и пошли прочь.

Осели в Камышлеевке и радуются теперь жизни.

Парни выросли и на вечерках уже гуляли с девчонками. Гальке было только четырнадцать, она никуда не ходила не потому, что была мала, просто ей было неинтересно.

Камышлеевка понравилась Селезнёвым сразу. Деревня стояла на чистом сухом месте. Кругом лес, речка под горой. Главное, люди были в одинаковом положении. Все приезжие. В отличие от других, Селезнёвы не вспоминали прошлое, ничего хорошего там не было, а радовались настоящему. Сосед Андрей Козлов спрашивал:

– Ты чему, Витька, радуешься?

– Хорошей жизни радуюсь. Живу, как наш бывший помещик. Пара коней есть, пара коров, овцы, куры... Ну, куда с добром лучше жить? Как посмотрю, так смеюсь, что я, пожалуй, побогаче помещика.

– Это как? – недоумевал Андрей.

– Помещик своего богатства не знал. Был у него управляющий, вот тот знал, где помещика добро, а где уже не его. А я сам знаю, где моё, а где не моё. Тот управляющий умел прибрать к своим рукам, что плохо лежало. Так что помещик не мог радоваться своему, а я могу. Вот ты, Андрей, тоже не можешь радоваться, ты не из помещиков, случаем?

– Какой я помещик, если с тобой вместе приехал?

– Скрытый. Наверное, по вечерам вытаскиваешь свои денежки да пересчитываешь, – на полном серьёзе говорил Витька.

– Чего бы я тогда поехал к чёрту на кулички, если бы денег было много? Сам рассуди.

– Так я и рассуждаю. Ты же поехал не за свои деньги, а за казённые, а свои припрятал. Вот, можно сказать, и удвоил свои капиталы.

– Ты чего метёшь? – возмутился Андрей

– Метёт метла, да всё с угла, а ты к себе пригребашь.

– Да ты! Да ты, что думаешь? Просто так на человека поклёп! Что думаешь, на тебя управы не найдётся? – ругался сосед.

– Да.

– Что, да?

– Ты угадал, не найдётся, – спокойно сказал Селезнёв.

Андрей почувствовал подвох.

– Это почему? – уже спокойней спросил он.

– А кто её искать будет, управу эту? Ты не пойдёшь, а мне твоя правда не нужна.

– Ты, Витька, склизкий, как налим. Вроде, вот он, а возьми его, и зла на тебя не остаётся.

– А я-то старался, думал: сейчас поругаемся с соседом, потом мировую выпьем. Вся пьянка пропала.

– Ну тебя к чёрту, – Андрей плюнул под ноги и пошёл домой.

– Вот так всегда, – крикнул вдогонку Витька, – пообещают выпить и не дадут, только и остаётся – смеяться. Эй, помощники! – крикнул Витька сыновьям. – Давай работать.

Они втроём достраивали новый хлев. Старый был ещё хорош, но маловат, для всей скотины не хватало. Теперь будет в самый раз.

– Что рты разинули? – спросил он сыновей. – На речку удрать хотели?

– Была надежда, что вы с соседом сообразите на двоих, – сказал Вовка. – Тогда бы и можно было.

– У куркуля не выпросишь сухаря, давайте-ка накроем быстренько крышу да вместе сходим, сполоснёмся.

– Слово? – спросил младший Данилка.

– Слово! Только когда я его держал, не помню.

– Так сегодня и начинай.

– Если от матери сумеем удрать, то так и быть, держать буду.

– Мы у неё спросим, она отпустит, – сказал Данилка.

– Вот ты большой уже, а не знаешь, что если пойти с разрешения, то или вода будет холодная, или поскользнёшься. В общем, удачи не жди.

Переговариваясь, подтрунивая друг над другом, Селезнёвы быстро закончили работу. Убрали из-под ног остатки досок да весь мусор. Отец с сыновьями пошли на речку. Когда вернулись, на скамейке у дома сидела мать с вожжами на коленях.

– Я говорил про ремень, а здесь ещё и хуже, – сказал Данилка.

– Накаркал, – фыркнул Вовка.

– Вот тебе и полверсты, а то он на пять вёрст видит, – сказал отец.

– Ну, с кого начнём? – строго спросила мать.

Сыновья, не сговариваясь, пальцами показали на отца.

– Предали! Доча, спасай!

– А что? Во дворе нельзя порку устроить? Чего людей смешить? – сказала Галька и скрылась за калиткой.

Все дружно засмеялись, потом обнялись и пошли ужинать.

Просто мать случайно подслушала разговор сыновей с отцом, подыграла немного. Зато у всех было хорошее настроение. Хлев закончен, и все дела на сегодня завершены – чего бы и не посмеяться.

28

Туча выплывала между Туманшетом и Цыганками. Выползала чёрным клином, затягивая всё небо, наполняя тревогой и страхом. Немного не доходя до деревни, словно зацепившись за макушки старых елей, устроившихся вдоль реки, туча чуть-чуть повернулась и зависла над полями, недавно отвоёванными у тайги. Круговерть началась сразу. Молнии сверкали во всех направлениях: влево, вправо, вдоль горизонта. Грохот не умолкал ни на минуту. Молнии не только сверкали, но и с яростным шипением ударяли в макушки огромных лиственниц, которые остались нетронутыми на полях. Раскалявая их вдоль, по всей высоте, валили на землю и поджигали. Даже ливень, сплошной стеной лившийся на поля, не сразу смог потушить ярко горевшее смольё. А по деревне ветром пронесло немного крупных капель, не намочивших даже пыль на дороге. Гроза продолжалась, то усиливаясь, то утихая, около часа, потом повернула и быстро ушла на юг, в сторону Еланки. Вдруг стало тихо. Только на не засеянных ещё полях дымились крупные сучья и стволы, чёрные дымы от костров тянулись вдогонку за тучей и исчезали за лесом.

– Настя, Фёдор, поторапливайтесь, пока туча не вернулась и не прихватила нас в пути.

Егор Камышлеев собирался в Тайшет. Ехал он с женой, сын оставался дома за хозяина. Фёдор, крепкий в отца юноша, любимец местных девушек. Длинные русые вихры завивались крупными кольцами, в карих глазах таилась добрая улыбка. Ему уже шёл семнадцатый год, парень рос толковый, любознательный. Егор думал пристроить его учиться дальше. В Тайшете ничего подходящего не было, а отправлять куда-то далеко родители побаивались – сын был единственный. Хоть и старались не показывать вида, но «тряслись» над ним. Фёдор был самостоятельным, как и все выросшие в деревне дети.

Ненужной, постоянной опекой он тяготился, поэтому не считал нужным говорить родителям, что собирался делать, куда пойти. От этого у матери иногда случалась истерика. Однажды, год назад, Фёдор с ружьём пошёл пострелять уток на озеро, но через час пришёл и попросил отца помочь ему. Запрягли лошадь и поехали к озеру, а там у самого края болота лежал убитый медведь.

– Это ты его? – спросил отец.

– Случайно вышло, – стал оправдываться сын, – столкнулись почти нос к носу, что делать было?

– Повезло тебе, что он молодой, пестун, а так бы не разошлись, – пробурчал Егор.

В душе он был доволен, что сын не стушевался, а принял решение. Когда добычу привезли домой, то мать устроила скандал. Досталось не только сыну, но и отцу. Егор впервые видел Настю в таком состоянии. Сын дал обещание матери с медведями не связываться. После этого отец посмеивался над сыном:

– Встретишь медведя, сразу говори ему, что у тебя слово матери дано – не связываться.

Сын только улыбался, но жил по-своему: мог уйти на рыбалку и остаться на ночь, никого не предупреждая. Мать каждый раз отчитывала его, он никогда ни словом не перечил ей, стоял, опустив голову, слушал нотации, потом обнимал мать, и спустя некоторое время...опять слушал нотации. Отец не вмешивался, понимал, что парень должен вырасти настоящим мужиком, а не домашней рохлей. Егор несколько раз пытался говорить с женой, она соглашалась, но каждый раз всё повторялось.

– Фёдор, мы приедем через несколько дней. Будь хозяином.

– Буду, – кивнул сын.

И было непонятно, шутит он или говорит серьёзно.

– Сына, покушать не забывай, – как маленькому наказывала Настя.

Фёдор кивал головой, соглашаясь. Мать он любил очень, как и отца, старался не огорчать её, но не всегда получалось. Очень любил ходить в кузню. Мог часами молча смотреть, как огонь и молоток справляются с крепким железом.

– Ты все гляделки просмотришь, – иной раз по-доброму ворчал Антип. – Подсоби-ка лучше, покачай меха.

Кузнецу нравился этот любознательный парнишка. Плохо, что стеснялся спрашивать, но если Антип начинал рассказывать, то слушал, боясь упустить хоть одно слово. А покачать меха – это запросто.

Но не только в кузнице обитал Фёдор, мог зайти к Захаровым и целый день смотреть, как Кузьма собирает кадушки или мастерит табуретки. Тоже внимательно слушал, когда рассказывали, но сам не спрашивал. Стеснялся. И ещё у Фёдора была страсть к чтению. Читал он много, но в основном зимой, летом не находил на это времени. Особенно любил книги про путешествия и историю. Достаточно много знал для своего возраста. Иногда у костра, когда попросят сверстники, рассказывал разные истории из книг. Деревенские мальчишки слушали, не перебивали, только в конце рассказа иногда вздыхали, иногда что-то уточняли.

Егор с женой ехал в Тайшет провожать друга: Илью Ильича переводили в Иркутск. К отъезду всё было готово: вещи собраны и уложены в коробки и узлы. Осталось самое малое – попрощаться с друзьями. Был накрыт стол специально для Егора с Настей. Это были самые лучшие друзья, с которыми можно было говорить обо всём.

– Егор, может, и вы за нами, в Иркутск? Там перспектив больше, – спросил Ручкин.

За последнее время он стал сдавать. Больше обозначились морщины, стало много седины, а вот Екатерину Павловну время щадило. Она не менялась, была всё такой же приветливой, весёлой.

– Чем я там буду заниматься? К тем перспективам нужны хорошие деньги или, на крайний случай, большая удача. А у меня здесь помаленьку дела идут, но просьба к вам есть. Хотелось бы Федора пристроить учиться куда-нибудь, там доступней. Просьба

присмотреть там что-нибудь подходящее да весточку дать. На первое время Настя поехала бы с ним, а потом видно будет. Возможно, и дом придётся купить.

– Мы с Катей уже об этом говорили. Мне дают дом, там будет место и Фёдору, и Насте. Город большой, не Тайшет, так что там надо держаться вместе. К этой осени и посмотрим, куда вашего сына определить, возможно, придётся привезти пораньше, подготовиться надо. Про жильё и не думай, я тебе письма буду писать на почту, а ты спрашивай каждый раз.

Настя с Екатериной Павловной уже вытирали слёзы. Прощание без слёз – это не прощание. Сидели долго, вспоминали, как познакомились.

И вот приходится расставаться.

Утром Ручкины уехали. Егор отправил Настю посмотреть товары в лавках, а сам заехал к Зюзенцеву. Дела у них складывались хорошо, договоры исполнялись. Купец был всегда рад Егору.

– Егор, ты мой свет, Петрович, каким ветром тебя занесло, вроде бы не к сроку ты подоспел?

Егор рассказал об отъезде Ручкина.

– Хороший человек – твой Ручкин, но совести в нём с избытком. Жалко, съедят его в Иркутске.

– Почему съедят? – спросил Егор.

– Большой город – это тебе не твоя деревня. В городе, как в своре собак, поймал кость – это ещё не значит, что она твоя, а уж если не поймал да не подрался за неё – сгинешь.

– Он и здесь жил на жалованье, неплохо жил.

– Это как посмотреть. Неплохо относительно тебя, а вот супротив некоторых других, так очень даже мелко. Даже некоторых чиновников возьми. Бумажная душа, а гонору сколько, и берёт – не подавится.

– Не давай, – улыбнулся Егор.

– Наивный ты человек, Петрович, добрая душа. Вы с Ручкиным одного поля ягода, хотя ты торговый человек. Всё не пойму, как ты ещё не разорился.

– Хорошие компаньоны.

– Ох, льстишь ты мне, Егор, ох, льстишь, но приятно слушать.

Оба весело рассмеялись. Переговорив по делу, Егор поехал искать жену. Настя уже успела купить всё, что было нужно, и ждала Егора недалеко от церкви. После обеда они отправились домой. Ночевать им предстояло в Конторке, там жил земляк из Федино. Вечер проговорили, вспомнили всех своих родных и деревню, а наутро отправились домой.

Тимофей Ожёгов скучал на берегу. Сегодня работы было мало. Паром работал исправно, возил повозки да верховых. Народу в этих краях прибавилось.

– Чего скучаешь? – спросил Егор, подъезжая.

– От безделья. И работы нет, и не уйдёшь.

– Чего не уйдёшь? Крикнут, кому надо, услышишь – дом-то рядом.

– Недовольных много стало, выговаривают. А ты знаешь мой ответ. Вниз головой с парома – и все дела. Жалобы есть, от урядника предупреждение было. Скинул так одного, а он оказался какой-то большой чин – шуму было много. Дело чуть до кутузки не дошло, слава Богу, обошлось.

– У тебя тоже деревня растёт.

– Всё, некуда больше. Поля сеем и то на другой стороне, и покосы там же, а теперь надо всё дальше уходить. А с той стороны бедокурить стали: то хлеб потравят, то сено скосят, бывало, что и готовое увозили. Поехали по следам – не нашли, следы ушли до Конторки, а там и затерялись. Деревня большая, ни у кого не спросишь. Никто и не скажет: за воровство спрос особый, за донос тоже.

Приятно подъезжать к дому: здесь тишина, покой, отдых. Спустившись с горы, конь зафыркал, Егор приостановил коня – пусть попьёт. Но конь пить не стал, он просто не хотел идти домой. Егор понял: что-то произошло. Он быстро вытащил из телеги карабин.

– Настя, держи вожжи, я сейчас.

С карабином в руках он быстро направился к дому. На крыльце сидели Фёдор и работник Никола, у сына в руках было ружьё. Посреди двора лежал огромный медведь, рядом – растерзанная собачонка. Егор молча присел рядом и спросил сына:

– Ты?

Тот кивнул.

– Опять нос к носу встретились?

– Сам припёрся, похоже, подранок. Собачку поймал, больше ничего не успел. Я дома слышал собачий лай, понял, что зверь пришёл, стрелял прямо с крыльца.

– Не говорил ему, что матери слово дадено с медведями не встречаться.

– Не успел.

– А ты где был? – спросил Егор Николу.

– У себя, во времянке. Прилёт немного, что-то недомогаю. Слышу: выстрелы, выскочил – а он и не дёрнулся даже.

– Давно?

– С полчаса.

– Что матери скажешь?

– Помолчу, – ответил сын.

– Никола, приведи лошадь, у реки стоит. Насте ничего не говори, сама увидит.

Когда Никола ушёл, Егор спросил:

– Страшно было?

– Не понял.

– А сейчас?

– Сейчас-то чего?

– А лохматый где? – Егор увидел, что нет кобеля, лохматого молодого волкодава. Он сидел на цепи и сторожил хозяйство.

– Ещё вчера сорвался и удрал в деревню. Там собачья свадьба – нескоро появится.

– Повезло ему, а этот просто герой.

– Когда я выскочил, он уже готов был.

Конь фырчал, но шёл домой. Настя увидела медведя, посмотрела на сына, спросила:

– Ты цел?

– Да, – ответил сын.

– Я так понимаю, что и этот сам пришёл?

– Сам.

– Не к добру это, – сказала Настя и пошла в дом.

Отец с сыном переглянулись, буря, которую они ожидали, пронеслась.

– В прошлом году и нынче в одно и то же время к тебе пришли. Что-то не так. Слишком близко около деревни шатаются, развелось много: никто не бьёт. Теперь и днём с ружьём в лавку надо ходить.

– Подранок, Никола смотрел. Кто-то бросил подранка, возможно, тоже столкнулся, выстрелил от страха и убежал, а он пришёл в деревню. Хорошо, хоть сюда, а там, наверху, ребятишки на улице гуляют. Дел бы натворил.

– Надо предупредить, может, еще какой придёт, – сказал Егор.

– Петрович, вещи домой носить? – спросил Никола.

– Да, носи. Потом с медведем что-то надо делать. В деревне спрости, может, мясо кому нужно, раздай.

– А шкуру?

– Это Фёдора добыча, шкуру оставь.

– Пойду к маме схожу, что-то с ней не так.

– Сходи, – сказал Егор, а сам пошёл посмотреть на медведя.
Осмотрев его, определил, что по медведю стреляли три раза. Два свежих выстрела, и один на передней лапе с почерневшими подтёками крови.
Фёдор вошёл в дом. Мать сидела у окна. Смотрела куда-то вдаль, о чём-то думала.
– Мама, ты чего?
– Ты просто герой, – сказала она и улыбнулась. – Защитник.
– Просто так получилось, – смутился он.
– У хороших мужчин всегда любое хорошее дело – случайность. Не к добру это. Ох, не к добру. Медведь сам во двор пришёл.
– Подранок это.
– Подранки в лесу караулят, а в дом не пойдут. Плохая примета. Сынок, готовиться будем, учиться надо ехать. Ручкины обещали помочь устроиться.
– Хорошо. Я буду готовиться.
– Вот и ладно, – сказала мать, обняла и поцеловала его в лоб.
– Какой большой стал, не достать.

29

Конец июля выдался дождливым. Половина сена была скошена, другая стояла нетронутая. По утрам вставало солнце, предвещая хороший день, но в обед, когда подходило время переворачивать скошенные валки, вдруг натягивало тучку. Кратковременный, на четверть часа, небольшой дождик портил всё дело. День проходил насмарку, одно слово – сеногной. Но старались ловить момент, ставить копны. Завершать сенокос пришлось долго, только к середине августа кое-как управились.

С тяжелым сердцем ехал Егор домой, вчера он отправил жену с сыном в Иркутск. Ручкин, как и обещал, написал письмо, в котором сообщал, что всё готово, пусть Настя с Фёдором выезжают. Училища есть всякие, можно выбирать, от военных до разных гражданских. Собирались недолго. В Тайшете узнали страшную новость: началась война.

– Видишь, и случилось беда, – сказала Настя. – Давно надвигалась. Что делать будем? Поедем или вернёмся?

Егор обнял жену, потом посмотрел ей в глаза и сказал:

– Настенька, надо ехать. Потом будет возможность или нет, кто знает. А война? Ну что война. Войны приходят и уходят, а жизнь продолжается. Надо жить.

– Понимаю я всё, а страшно мне чего-то.

– Мне тоже не хочется войны, а что делать? Не мы решаем. У царя голова не нашей чета, раз затеяли дело, значит, нельзя было иначе. Даст Бог, закончится всё быстро, потерпи, голубушка, – Егор уговаривал жену, а у самого настроение было не лучше.

Понятно, что война где-то там, далеко, и сыну только семнадцать. А как затянется всё это, и сыну достанется и кровь, и боль. Конечно, раз империя в опасности, то надо кому-то встать на защиту, но когда касается своей кровинушки, тяжело благословлять на смерть, ох, как непосильно. Нет, надо учиться, надо ехать.

Поезд отправлялся ближе к вечеру. Егор стал собираться домой, вдруг к нему подошёл молодой мужчина. Знакомы лично они не были, но Камышлеев помнил его в лицо, это был один из служащих, работавших с переселенцами.

– Вы меня не помните?

– Вы работали с Ручкиным, – сказал Егор.

– Правильно, – обрадовался мужчина.

– Я не знаю, как вас зовут, извините.

– Это не важно. Я хочу вас предупредить, что к вам в деревню придут военные люди – мобилизация объявлена. Фамилии я не помню, но по вашей деревне уточняли списки. Камышлеевка, правильно?

– Да.

- Предупредите, пусть люди успеют собраться.
- Когда приедут?
- Дня через два, три. Не позже.
- Спасибо.
- Ладно, я побежал, – сказал мужчина и удалился.

Он шёл не оглядываясь, шёл быстро, втянув голову в плечи, будто его морозило. Или он скрывался от кого-нибудь? Егор долго смотрел вслед и думал:

«Вот и пришло горе в деревню, вот и услышит она страшный бабий вой. Слишком всё было гладко и хорошо. Вот и начинается наша чёрная полоса. Эх, горе – горюшко, как же без него-то?»

Егор давно уже трясся на телеге, а тяжёлые мысли всё больше одолевали его:

«Как же теперь быть? Сколько времени понадобится на войну? Как коснется она его, Егора Камышлеева? Столько потрачено сил, а придётся бросать всё. Сын уже не вернётся домой. Чего ему тут делать? Где-то приспособливаться надо в другом месте, людном, где грамотному человеку почёт и уважение. Прав Ручкин, надо перебираться в Иркутск.»

Так Егор и не собрался строить дом в деревне, не захотел вместе со всеми. Здесь во двор никто не заглядывает, собак не злит. Как же жить в городе? А может, не в городе, а присмотреть место в недалёкой деревне да и поселиться? Чем заниматься тогда? Землю пахать, хлеб растить? Но землю просто так никто не отдаст, а дадут кусок леса, вот и отвоёвывай себе пашню. И государство три десятины пашни не предоставит. Так что выходило и так плохо и эдак.

До Конторки добрался уже затемно, остановился в ночлежке. Там и услышал, что все говорят только про мобилизацию. Народ шумит. Кто плачет, кто самогон хлещет да песни поёт. Кому война, а кому причина погулять на проводинах, а их будут делать в каждой семье, которую коснётся проклятая война. Поговаривают, что будут брать не только молодых. Вот и подумай, кого отправлять надо: сына или мужа? А кого жальче? Как поделить? Отправить – полдела. А как дожидаться? Вот и прольются ещё слёз не ручьи, а реки. Придёт ещё бессонных ночей череда. Да вскакивание на каждый стук в калитку и на топот лошадей.

Тимофей Ожёгов рыбачил прямо с парома. Тягал крупных ельцов, бросал их в холщовую сумку.

- Торопишься? – спросил он Егора.
- Куда торопиться? Мои уехали, дома никого нет. А ты, никак, ушицы захотел?
- Приспичило. Ты знаешь, как будто никогда не ел, так захотелось, сил нет. Жена уже и картошку поставила, а я сейчас десятка два поймаю да поплывём. Здесь лучше берёт.
- Новость слышал?
- Про войну, что ли? Если про войну, то слышал.
- Мобилизация будет, приедут забирать на войну.
- Иди ты! Не увернулись мы, как в японскую.
- Значит, посерьёзней дело будет.
- То-то и оно, что посерьёзней. Хлебнут горюшка наши люди. Многие не вернутся. Будет и вдов, и сирот в округе. У меня уже голова опухла от разных дум.
- Тут думай, не думай, а вынь да положи, – сказал Тимофей, сматывая удочки.
- Ты лови ещё, чего свернулся.
- Хватит, полсумки есть. Обрадовал ты меня новостью.
- Поеду, своим расскажу. Уже сегодня бабы завоюют. Хорошо, что живу в отдалении, а так совсем тошно.

Лошадь медленно плелась по лесной дороге среди ельников. Было сыро и сумрачно, оттого и тихо. Всякая живность обходила это место. В самой низине, у речушки, Егор остановился, зачерпнул фуражкой воды. Напившись, он сел на валёжину и опять задумался:

«Как там устроятся мои? Настя не городская, заскучает сразу. Всё ж, город – это непросто. Егор сам не бывал в больших городах, не знает, какая она там, жизнь. А представлять – дело не прибыльное, только расстраиваться. Сын-то быстро пообвыкнет: им, молодым, в радость всё новое. Рядом с ним, может, и Насте будет полегче».

Прожили они с женой уже почти тридцать лет, а как один день. Нисколько не наскучили друг другу, всё это время не спорили, не ругались. Сына вырастили. Правда, Бог дал только одного ребёнка, да и то поздненько, но спасибо и за это: есть ради кого жить. Воспитанием, в основном, занималась жена, но вырастила самостоятельного, крепкого парня. Он двух медведей завалил.

Егор улыбнулся, вспоминая спокойное лицо сына:

– Подранок, сам пришёл.

Только Егор знал, что такое подранок, как с ним сладить. Нет, хороший сын вырос.

Только к вечеру Егор приехал в деревню. Увидев, что дымится труба в кузнице, решил заехать поговорить с Антипом. Рассказать ему новость, пусть сами по деревне разносят. Возле кузницы никого не было, Егор привязал лошадь и вошёл. У горна Никита стучал молотком по какой-то странной детали.

– Здоров, кузнец.

– Доброго здоровья, Егор Петрович, – случилось чего?

– Случилось. Отец где?

– Отец дома. Если что сделать, так я сделаю.

– Чего ты там мастеришь? – спросил Егор.

– Вертушку на крышу, – Никита показал флюгер.

– Ловко, – отметил Егор, разглядывая фигурку лошади, вставшую на дыбы. – Мастер прямо.

– Отец говорит, что это баловство.

– Зря говорит, красиво.

– Так чего сделать, коня подковать или отремонтировать что?

– Я хотел с твоим отцом поговорить. Ладно, домой заеду.

Егор вышел из кузницы и увидел Антипа, идущего к нему навстречу.

– Увидел, что поехал сюда, пошёл узнать: беда какая, что ль?

– Здорово, Антип! Давай присядем здесь, на воздухе, разговор есть. Слышал, что войну государство затеяло?

– Все уже знают. Бабы молятся.

– Мобилизацию объявили. Завтра, послезавтра к нам заявятся. Мне один человек сказал. Говорил, что уточняли списки. Если списки, то не одного и не двух заберут, понимаешь? Чем всё кончится? Заберут наших парней на бойню.

– Да, новость так новость. Пожили спокойно, подавай нам войну, – Антип смотрел на реку и качал головой.

– И сколько человек будут брать, неизвестно?

– Ничего не знаю. Я случайно одного человека встретил, я и звать его как не знаю. Он меня помнит по поселенческим делам, так и сказал, что по деревне Камышлеевка проверяли списки. Вот такое дело, Антип. Надо людям сказать, чтобы никуда не разбегались: за дезертирство каторгой пахнет.

– Расскажем. Недолгое дело.

– Хорошо, Антип, поеду я домой, устал чего-то.

– Отправил своих-то?

– Отправил, тоже думаю, как они там?

– Ничего, справятся. Самостоятельные.

– Поезжай, Петрович, сообщи всем. Спасибо, хоть заранее узнали, а то приедут, заберут в один день, попрощаться не успеешь.

Ворота открыл Никола. Взял коня под уздцы и повёл на край двора, где стояли ещё две телеги.

– Никола, распрягай да заходи. У меня немного выпить есть.

– Ладно, – сказал работник.

Никола уже много лет работал у Егора. Он был одинок, и никто нигде его не ждал. Хорошее отношение всей семьи радовало его. Никола редко выпивал, как и хозяин, но иногда не отказывался. Жил во времянке во дворе. У него было чисто, побелено, стояла кое-какая мебель: кровать, стол с табуретками, шкафчик с посудой. Настя помогала два раза в год белить. Фёдор помогал ухаживать за лошадьми, ходил вслед за Николой да расспрашивал про всё. Никола рассказывал ему сказки, которые помнил из детства, сам придумывал на ходу, скучал без младшего Камышлеева, когда его не было.

– Садись ближе, чего как неродной.

– Ничего, я и тут достану.

– Садись ближе.

Они сидели молча. Выпивали, закусывали, каждый думал о своём и ничего не говорил. Выпили бутылку в полной тишине. Никола поднялся и сказал:

– Я пойду. Дела ещё есть.

– Иди. Спасибо, что поговорил со мной.

Никола удивлённо посмотрел на Егора:

– Другой раз помолчать намного лучше, чем болтать, о чём попало.

30

За новобранцами приехали на следующий день к вечеру. Приехали верхами два офицера и два прапорщика. Они прямо проехали к Камышлееву, точно заранее знали дорогу. Егор сидел на крыльце, пытаясь разобраться со своими мыслями и сомнениями. Он заметил всадников, спускающихся с горы, таких здесь никто не видел. Это были первые военные люди, появившиеся в этих местах. Егор понял, кто они.

– Ты, что ли, будешь Камышлеев? – спросил старший из них, человек невзрачного вида и неопределённого возраста.

Егор молча продолжал смотреть на него, не нравились ему эти люди. Заехали – ни здравствуй, ни до свидания, крутятся тут перед ним.

– Чего молчишь? – спросил другой, полноватый, с большими усами.

– У нас принято здороваться, когда заходят в гости, – буркнул Егор.

– Ладно, не сердись, – сразу пошёл на попятную старший. – Устали мы, целый день в седле.

Он тяжело слез с коня, присел несколько раз, разминая ноги.

– Если разрешишь, мы остановимся у тебя. Несколько местных жителей мобилизуются в армию, мы приехали за ними.

– Когда забирать будете?

– Завтра соберём сход, и на сходе огласим список.

Егор встал, протянул руку:

– Список покажи.

– Не положено.

– Почему?

– Могут разбежаться. Такое уже было, потом ловить придётся.

– Ты сюда за солдатами приехал или за дезертирами? Давай, я сообщу людям, пусть попрощаются.

Старший офицер не понимал, почему он подчиняется этому бородатому мужику, но список отдал.

– Никола! – позвал Егор работника. – Стопи баню господам офицерам и сообрази на стол чего, я попозже приду. Да коней на ночь определи.

А сам взглянул в список и пешком пошёл в деревню.

Когда хозяин начинал хандрить, Никола сам затапливал баню, только она могла разогнать тоску. И в этот раз баня была уже готова. Старший офицер не захотел париться, а другие, выходцы из деревень, не упустили такую возможность. Парились со знанием дела, покрикивая, поддавая на каменку квасом. Потом, разомлевшие, сидели на крыльце и пили берёзовый сок из погребца. Пока господа парились, Никола собрал на стол разносолов. Поставил четверть самогона, про себя решив, что разные вина для господ – будет слишком хорошо. Раз хозяин отнёсся к ним с прохладцей, то нечего перед ними юлить.

Егор пришёл к Антипу, сказал:

– Надо народ созвать, объявлю, кого забирать будут, пусть прощаются. И надо подумать, как их доставить до места, не пойдут же пешком. Я даже не спросил, куда их будут определять. Но это завтра. Сейчас народ соберётся, поговорим.

– Ты уже смотрел список? – спросил Антип.

Егор просто кивнул головой.

– Ну? – Антип надеялся, что это не коснётся его семьи.

– Никита, – выдохнул Егор.

Антип сразу как-то сник. Он отвернулся от Егора и замолчал, пытался не показывать свою минутную слабость. Потом повернулся и сказал:

– А чем мой Никита лучше других? Только женатый уже да дитё есть. Бог милостив, может, и обойдётся.

Кузнец взял себя в руки.

На улице собрались люди. Егор вышел со списком.

– Вы всё знаете, приехали служивые забирать на войну наших односельчан. У меня есть список, я заранее прочитаю, чтобы вам было время подготовиться.

В толпе стали подвывать некоторые бабы. Тут вышел Антип и прикрикнул:

– Цыц! Дайте слово сказать. Выть будете дома, нечего здесь сырость разводите!

Толпа притихла.

– Я прочитаю список, потом пойдёте по домам. Завтра надо будет обеспечить подводы и отвезти наших солдат до станции. Я понимаю, что наши люди не трусы и не будут прятаться от призыва, но у господ офицеров есть такое мнение, я поручился за всех. Не подведите. Прошу, давайте пока без криков и без слёз, всем и так тошно.

Камышлеев открыл список и стал читать:

– Бутьянов Василий, Лятин Иван, Томаев Илья, Кузьмин Илья. Захаров Пётр, Кузнецов Никита, Погодин Павел, Мехонов Макар, Морозов Александр.

Егор продолжал читать, всего было семнадцать фамилий. Прочитав список, Егор добавил:

– С собой взять самое необходимое на первое время. Завтра по команде сбор здесь, всем быть готовыми.

Это было самое неприятное, что он сделал в деревне. Прошло столько лет, и никогда не приходилось делать плохо людям. Хотя лично сам Егор ни в чём не виноват, но всё равно на душе было противно.

К его приходу офицеры были уже в изрядном подпитии. Егор присел рядом, протянул старшему список, налил себе самогона и, не приглашая никого, выпил. Легче не стало.

– Чего-то я не пойму тебя, хозяин. Твоих детей не забираем, чего ты-то сердитый? – сказал подвыпивший старший.

– Ты попривык, видно, к людскому горю, тебе всё просто.

– Ты как разговариваешь с офицером? – вдруг полезло из военного.

Егор поднялся и пошёл на двор.

– Я с тобой разговариваю? Я тебя не отпускал!

– Ты мне не указ, – с угрозой сказал Егор. – И ты у меня в доме. Будь добр вести себя достойно офицерского чина. Не то будешь ночевать в хлеву со свиньями.

Офицер ошалел от такого отпора. Он молча выпил полстакана самогона и завалился спать прямо на скамейке. Другие офицеры посчитали за лучшее не вмешиваться в разговор. Тем более, что тоже были не очень довольны заносчивым командиром.

– Там в бане осталось парку? – спросил Николу.

– Да, там ещё хватит.

– Я, пожалуй, схожу.

– Что-то понадобится?

– Ты присмотри за ними, чтобы пожар не устроили.

– Присмотрю.

После бани Егор опять сидел на крыльце. Из деревни неслись звуки гармошки и песни. Посторонний никогда не понял бы, по какому поводу гулянка. В России всегда так: встречают – плачут, провожают – веселятся. Только завтра будут выть да причитать. И потом каждый день будут смотреть на дорогу, надеяться и ждать, плакать по ночам в подушку и молиться.

На другой день к обеду вся деревня была в сборе. Старший офицер, немного опохмелившийся с утра, иначе не поднялся бы, снова зачитал список. Каждый, кого называли, выходил вперёд. Рядом стояли подводы для новобранцев. Офицеры были довольны.

– На прощание даётся час. Через час отправляемся! – объявил старший и поехал со своими спутниками к Егору отобедать.

Там был специально накрыт стол, чтобы хоть на немного продлить прощание. Егор сам подливал служивым, подкладывал холодного варёного мяса. Сам выпивал немного. Старший офицер ни разу не вспомнил о вчерашнем разговоре, а может, и не помнил с перепоя. Никола, по приказу Егора, положил офицерам с собой ещё самогона.

С площади никто никуда не пошёл. Расположились на месте – кто где приспособился. Тут же играла гармошка, тут же потихонечку в платочек плакали матери. Жёны держали своих суженых за руки. Никита сидел с маленькой дочкой на руках, Иринка прижалась к нему и изредка вытирала слёзы. Не только у Никиты был ребёнок, но и у Мехонова Макара, им было тяжелее всего. Антип тихо говорил Никите:

– Ты не беспокойся, все будут под присмотром и в помощи отказа не будет. Ты уж поаккуратней, не подставляйся зря.

Никита кивал и молчал. Только грустные глаза выдавали его состояние: приходилось оставлять Иринку да крошку Марийку, которой ещё дела нет, кто, куда и зачем уезжает. Она спокойно посапывала на руках.

– Ничего, скоро закончится всё, ты уж перетерпи. Я быстренько вернусь.

Никита не допускал и мысли, что он может не вернуться и никогда не увидит жены и дочки.

– Стройся! – крикнул прапорщик, который был самый трезвый.

Вот тут и раздался вой, которого так боялся Егор. Бабы заголосили и запричитали, ревели и матери, и жёны, и сёстры, и просто соседки. Горе – оно общее. Не в одном доме, а в целой деревне. Под стоны и причитания новобранцы сели на подводы и отправились. Как только обоз скрылся в перелеске, причитания прекратились, но люди ещё долго не расходились. Смотрели вслед с тайной надеждой, что всё это не всерьёз, что сейчас все вернутся. Сельчане стали расходиться к вечеру, когда пришло время кормить скотину. Ей не объяснишь, что у хозяина горе.

Через день приехали провожающие. Рассказали, что в Суетихе призывников посадили в поезд и повезли в Канск, там было формирование частей. Рассказали, что доехали до Суетихи без помех, немного подождали, пока придут люди из других деревень. Потом всех загрузили в вагоны, которые уже ждали новобранцев.

Над деревней какое-то время висела странная тишина. Даже ребятишки не гомонили на улице. Но подошла осень, наступила страда и поглотила на время всё. Работы подоспело столько, что не переделаешь за день, а за работой так умаешься – не до слёз,

сон валил моментально. Так продолжалось до самого снега, а потом появились другие заботы. Да ещё надо было помочь тем, у кого помощников забрали на войну. Помогали спонтанно. Приходили молча, делали дело и уходили, не дожидаясь благодарности. И дрова помогли вывезти, и сено доставили, не оставили никого один на один с бедой. Вся осень прошла в ожидании. Никаких вестей не было. Только узнали из газет, что сибирские части, сформированные здесь, успешно воевали в Польше, особо отличились в боях под Варшавой. Уже после Нового года пришло извещение, что сложил свою голову в Польше весельчак Пашка Погодин. Ещё больше затихла деревня, каждый уже боялся вестей с войны. В неведении хоть была надежда, а так сразу, как обухом по голове. Фрола Погодина схватил удар, отказали левая рука и речь. Он ничего не мог сказать, только мычал и плакал. Через месяц речь вернулась, но рука шевелилась еле-еле. Замолчала совсем в деревне погодинская гармошка. Всё чаще по воскресеньям женщины в чёрных одеяниях ходили в Туманшет в церковь. Всё серее становились будни, даже на Пасху не было обычного веселья. Горюшко, оно не красно солнышко, не спит глаза, а выедает.

31

– Антипыч, да как же ты пойдёшь?
– Потихоньку доковыляю, дядя Тимофей.
– Не годится так. Раненому герою и транспорта не найдётся? – засуетился Тимофей Ожёгов. – Андрейка, запрягай коня, отвезёшь в Камышлеевку Никиту Антипыча.
– Да какой я герой, да ещё Антипыч? Молод ещё Антипычем быть.
– Георгиевский крест за просто так не дают. Ты мне не рассказывай, раны сами не появляются.
– Случай вышел, да и только, – смутился Никита. – Как наши, не слыхал?
– Худого не слыхал, значит, всё нормально. Андрейка, уснул, что ли?
– Готово, – подогнал лошадь Андрей, самый младший сын Ожёгова.
– Доставишь до места. Садись, Антипыч, доедешь, как следует.
– Спасибо, – улыбался Никита.
Странно было ощущать такое внимание к своей персоне.
– Как наши земляки воюют? – спросил Тимофей, надеясь услышать о своих земляках из Перевоза.
– С ними был в разных полках, нас разделили в Канске. Сказали, мол, шибко шустрые, пока доберётесь до фронта, полстраны пропёте. Но не слышал, чтобы осрамились.
– От моего старшего сына весточки уже давно не было, – загрустил Тимофей. – Поезжай, твои-то знают, что едешь?
– Нет.
– Радости будет! Слава Богу, что хоть хромаешь, а на своих ногах да с руками. А что хромаешь, это ничего. Тебе в догонялки не бегать, а шагом и похромать можно.
– Спасибо, дядя Тимофей. За сына не переживай, он парень бойкий, не пропадёт.
– То-то, что шибко бойкий. Привет там отцу передавай.
– Передам.
Никита Кузнецов отличился первым. Под польским городом Варшавой бросили их прямо на пушки. Бежали все, бежал и Никита. Пашка Погодин прямо под снаряд угодил, а Никите повезло, снаряд рванул немного в стороне. На левой руке отсекло два пальца. Добежали до развалин, там и хоронились, пока кончился обстрел. Потом стали оглядываться, кто цел. Тут и увидел Никита немецкого унтер-офицера неподалёку. Немец поначалу растерялся, а затем стал вытаскивать пистолет из кобуры. Но Никита подбежал и схватил здоровой рукой немца за руку. Да сдавил так, что немец заорал и бросил пистолет. Как телёнка, привёл Никита немца в свои окопы за руку. Когда подходили к своим окопам, шальной пулей Никите зацепило правую ногу, повредило колено, нога стала плохо гнуться. В окопах долго хохотали над тем, как Никита за руку привёл немца.

Потом в госпитале ему вручили Георгиевский крест, а ещё через пару месяцев списали со службы по ранению. Теперь вёз письма от Сашки Морозова и Петьки Захарова. Другие не успели передать.

– Ты, Андрейка, высади меня здесь, я посижу немного, – сказал Никита перед деревней.

Хотелось самому дойти до дома тихо, неожиданно. Андрейка спорить не стал, развернулся и тихо покатил назад. Никита посидел немного в березняке, потом по прогону пошёл к своему двору. Зашёл с огорода и сел возле крыльца. Жулька, небольшой пёс, узнал хозяина и стал ластиться, крутить хвостом. Во дворе никого не было. Через четверть часа скрипнула дверь и вышел отец. Он не сразу заметил сына.

– Здорово, батя, – сказал Никита, как обычно, тихо.

– Здорово, ты чего тут? – Антип долго соображал.

Потом до него дошло, что это его сын, которого они вспоминают каждый вечер.

– Никита! Ты как тут?

Никита встал, обнял отца. Из дома выскочила Иринка, за ней мать. Иринка повисла на нём, мать прилепилась сбоку, обе заголосили.

– Цыц, вы! – прикрикнул Антип. – Живой же!

На крыльце стояла сестра и держала на руках Марийку. Она тоже едва не плакала за компанию.

– Пошли в дом, чего мы на улице, – сказал отец.

Когда поднимались по лестнице, все заметили, что Никита хромает. Мать сразу стала собирать на стол, жена не отходила от мужа, дочка сидела на руках у отца и внимательно смотрела на него. Прибежал брат Иван, пожал руку и сморщился:

– Ну и лапища у тебя, медведь прямо.

– А ты и с медведем здоровался? – спросил отец.

– Чего с рукой?

– Ерунда. Работать можно.

– А с ногой чего? – спросил отец.

– Хромать буду, – ответил сын, смутившись, – ничего, работать можно. Дома засиживаться не буду.

– Это и без тебя справимся. Ничего. Ты не торопись, – махнул рукой отец.

– Списали по ранению. Сказали, что хромота не пройдёт.

– Хромого-то будешь любить? – спросил Антип невестку.

– Да ну вас, с вашими шутками, – смутилась Иринка.

– Вот видишь, всё наладится.

Стали подходить односельчане. Те, у которых родные были на войне, и другие, которым ещё предстояло отправить своих сыновей на службу. Антип рассаживал всех. Жена уже собрала на стол, выпили по маленькой, потом Антип сказал:

– Расскажи людям про тех, о ком знаешь, все надеются о своих узнать.

Люди притихли, надеясь услышать новости о своих родных. Никита рассказал, как ехали, как попали в бой. Рассказал, как погиб Пашка. Другим повезло, только он, Никита, был ранен, а остальные воевали удачней. Теперь уже подучились, стали хитрее: уже не просто достать их и в открытом бою, и в осаде.

– Я привёз письма от Сашки Морозова и Петьки Захарова. Вань, подай-ка сидор.

Он подал два кусочка бумаги односельчанам. Письма тут же стали читать вслух. Сашка написал, что учудил Никита и за что дали ему Георгия. Сельчане смеялись и радовались, что тоже причастны к этому. А как же, Никита же наш, камышлеевский.

Ещё долго сидели, выпивали, смеялись и плакали, вспоминали прошлое. Люди уходили немного повеселевшие, будто встретились со своими близкими. Наутро Никита сходил к Погодиным. Рассказал всё, как погиб Пашка, где похоронили его. Фрол слушал и вытирал здоровой рукой слёзы, которые текли не переставая.

– Ты заходи ещё, – попросил Фрол.

– Зайду.

Этот день прошёл в расспросах. Приходили ещё люди: каждый хотел сам услышать о событиях на войне. Никита много раз повторял уже говоренное. На третий день Никита пошёл в кузницу, соскучился по запаху жжёного металла, по звону молотков, по шипению горна. Односельчане шли сюда с разными мелочами. Хотелось ещё раз услышать рассказы Никиты о войне. Так прошла половина лета, Никита приспособился к новому положению. Работа спорилась, и он не чувствовал себя ущемленным. Помогала Иринка: поначалу некоторую работу по дому она взяла на себя, но понемногу передавала всё мужу. Раны затянулись, но боли ещё остались и уходили медленно. И молотком Никита управлялся исправно, и косу подчинил себе. Только ставить зароды ему было не под силу, пришлось звать в помощь отца с братом. Но на следующий год Никита решил всё делать сам.

В начале сентября забрали ещё партию деревенских парней. Проводы были тяжёлыми. Уже знали, чем могло всё закончиться, но никто не пытался уклоняться. Честь прежде всего. И совесть, и уважение сельчан никто не хотел терять. Десять молодых парней увезли в неизвестность.

Егор Камышлеев занимался своим хозяйством. Выезжал из дома только по необходимости, на лето домой приехала семья. Фёдор поступил в Горное училище и закончил первый класс из четырёх. Настя была рада тому, что сына удалось отговорить от военного кадетского корпуса, куда сын поначалу хотел поступать. Но потом его удалось сводить в музей минералов, и Фёдор заболел камнями. Учился с большим желанием. Постоянно что-то читал, писал. По приезде домой он тут же уговорил отца отправиться в верховье Туманшета. Егор сам не смог, но нашёл надёжного человека в деревне Туманшет, пожилого мужика, в прошлом хорошего охотника. На месяц они ушли в верха. Теперь Настя, хоть и переживала, но понимала, что тайга – это своё, родное, да и сын уже взрослый. Тем более, дело, за которое он взялся, нужное для учёбы. Просто взяла с него слово, что через месяц он вернётся. Настя дома отдыхала на своих грядках, рядом со скотиной, просто в своём дворе, где так хорошо и спокойно. Город высасывает все силы, там всё чужое, постоянно движущееся. Нет времени остановиться и передохнуть. Поначалу хотелось взять сына в охапку и уехать домой, но стерпела. А сын, как только пошёл на занятия, сразу забыл про всё на свете. Потом Настя помаленьку пообвыкла. Хорошо, что жили вместе с Ручкиными. Екатерина Павловна помогала во всём. Сам Илья Ильич днями находился на работе. После первого класса Фёдор был отмечен за успехи и получил задание по изучению родных мест, по сбору материалов.

Месяц в тайге прошёл незаметно.

И вот Фёдор заявился домой, привёз его Комов Игнат. Два рюкзака, набитых камнями, Фёдор тащить уже не мог, а бросить тем более. Сын весь светился от счастья.

– Много чего нового узнал? – расспрашивал Егор сына. Фёдор долго и подробно рассказывал отцу, что нашёл и чем интересны найденные камни. В это время Никола истопил баню и позвал мыться.

После бани они всей маленькой семьёй сидели за столом.

– Скоро уже ехать назад, как время быстро идёт, – Настя уже горевала.

– Тять, может, я один поеду? Чего маме там мучиться? Целыми днями сидит у окна и слёзы льёт.

– Я тоже так решил. Поедет, устроит тебя, да пусть домой возвращается. Дома дел хватает. И ты у нас взрослый, сам разберёшься.

– Я ей говорил давно, но она не хотела слушать.

– Меня послушает, – уверенно сказал Егор, – неслухов у нас нет.

В конце лета Егор увёз семью в Тайшет на поезд, а через месяц Настя вернулась домой. Теперь от Фёдора стали приходиться письма. Читали вместе с женой, сидели, обсуждали, строили планы. Да ещё занимались хозяйством.

Шестнадцатый год подходил к концу. Страна воевала с переменным успехом. Там, где не было слышно выстрелов и разрывов снарядов, люди попривыкли. Идёт война – и ладно. Убивают людей? Но какая война без этого. Деревня продолжала жить по своим законам. Продолжали сеять хлеб, рожать и растить детей, справляли свадьбы, отмечали праздники. Было, конечно, трудней: не хватало рабочих рук, душа изболелась за ушедших на войну.

Время шло. Стали возвращаться солдаты домой.

В Камышлеевку вернулись по ранению Ванька Лятин да Илья Томаев. Ванька был прострелен пулей насквозь. Рану залечили, но остался постоянный сухой кашель – пулей повредило ему лёгкое. Врачи сказали Ваньке, чтобы он перестал курить, но Ванька, как специально, не выпускал самокрутку изо рта. Илья весь был изрешечен осколками. Когда шли в атаку, впереди взорвался снаряд – очнулся Илья через двое суток. Осколков вытащили много, но не все. Боли мучили Илью периодически, врачи сказали, что осколки двигаются по организму. Так будет, пока они не остановятся где-нибудь или сами не выйдут. Фронтвики, молодые ещё мужики, быстро повзрослевшие на фронте, частенько собирались в кузнице у Никиты. Антип поначалу с интересом слушал их рассказы, но потом, когда это стало повторяться, уходил. Кроме того, Томаев с Лятыным вели какие-то непонятные разговоры про царя, про то, что армию предали, про то, что это не война, просто бойня. Мужики кому-то грозили, пока совсем не напивались. Потом их разводили по домам родственники, которые знали, где их искать. Так продолжалось до снега. Никита не пил с ними. Просто само пьянство было противно его организму. Он сильно болел с похмелья, а похмеляться не мог, потому и не пил. Ради чего? В разговоры Никита тоже не вступал, потому как не любил зря болтать и говорить про то, чего не знаешь и не понимаешь. Мужики рассказывали, что в частях появились люди, которые призывали прекратить войну и побрататься с немцами, а своих командиров гнать взашей. Солдаты прислушивались к этим призывам, а офицеры стали вести себя потише. Были уже случаи откровенного бунта и хамства по отношению к ним. Лиха беда начало. Были и случаи дезертирства.

– Про что они говорят? – спросил как-то Антип сына.

– Не знаю, просто болтают по пьянке. При мне такого не было.

– То-то, что не по пьянке. Ведь на самом деле что-то происходит в стране. Уж не отголоски ли пятого года вертаются? Лихо тогда будет. Враг на рубеже да смута в доме – это просто не пройдёт.

– Не думай. Не случится ничего, – буркнул Никита, продолжая работать.

У него были свои заботы: Иринка родила ему вторую дочку. И Никиту, кроме своей семьи, больше ничего не интересовало, а уж тем более пьяные разговоры. Девочка родилась здоровенькая, сильная, никакие пелёнки не могли удержать её. Через некоторое время, как её завернут, она, немного покряхтев, высвободила руки. Потом махала ими перед собой, иногда и пугалась их, но не плакала. Никита целыми вечерами сидел и наблюдал за дочкой, стараясь что-то понять, впитать в себя эти мгновения, этот тихий восторг детской улыбки. В воскресенье повезут дочку крестить в Туманшет.

Крестины праздновала половина деревни. Окрестили дочку Елизаветой. Первая, Марийка, уже большенькая девочка, крутилась между взрослых, понимая, что теперь всё не только для неё, пыталась привлечь и к себе внимание. Но подвыпившие взрослые уже, кроме себя, никого не замечали. Девочке стало очень обидно, и она громко разревелась. Никита взял её на руки и спросил:

– Кто тебя обидел?

От обиды девочка не смогла говорить, она только показала ручкой на люльку, где, не обращая внимания на шум, спала Лиза. Отец, поняв причину, прижал к себе дочь, стал объяснять:

– Это же твоя сестричка. Ты же с ней будешь потом играть. У других девочек нет сестёр, а у тебя есть.

– Как с ней играть, она не умеет разговаривать и сидеть, – противилась дочь сквозь слёзы.

– Так она подрастёт. Когда лето наступит, вместе будете на травке возле дома играть.

– Правда?

– Да.

– Тогда я игрушки приберегу.

– Прибереги. Ты и маме помогай, с Лизой надо нянчиться, тогда она быстрее вырастет.

Дочка успокоилась и уснула на руках у отца. Иринка унесла дочь в другую комнату, где было потише.

Никита строить свой дом не стал. Поначалу, как вернулся с фронта, задумал строительство, но потом сестра Иринка неожиданно вышла замуж в Туманшет и уехала, и отец с матерью оставались одни в большом доме. Тогда отец и предложил жить вместе. Вместе немного полегче. Где мать за ребяташками приглядит, где и невестка поможет матери, и места в доме хватает. На том и порешили.

– Главное, чтоб две хозяйки на кухне поместились. Им всегда тесно вместе.

Но невестка со свекровью ладили. Умели вовремя уступить, не заметить, не услышать.

Старикам было невдомёк, как же они будут жить вдвоём, да ещё без внучат. Марийка – уже третья хозяйка на кухне, попробуй не дай ей помыть посуду или полы. Она такую истерику выдаст, что и мать, и бабушка терпеливо ждут, пока девочка доделает своё дело. Работал Никита теперь практически один: отец приходил в кузницу, суетился по своим делам, но за заказы не брался. Если сын сам справляется со всем, чего в ногах путаться? Так и передал Антип своё ремесло сыну, и был доволен тем, что сын лучше справляется с делами. Всё делает ловчее и точнее. Вот старший Иван тоже всё может, но не так, как Никита. По большому счёту Антип был всем доволен, всё больше раздумывая о своей жизни, приходил к выводу, что всё складывается хорошо. Лучше и не придумаешь. Разве мечталось о таком, когда сорвались с места и поехали покорять Сибирь. И покорили. Дети устроены не хуже, чем у людей, и внуки есть и ещё будут. Самим здоровья немного бы добавить, да и так ладно. Теперь только живи и радуйся.

Неожиданно помер Фрол Погодин. Горевал старик, горевал, да так и не выправился. Умер тихо. Жена Анна привела его из бани. Он прилёт, потом попросил чаю да снова прилёт. А когда схватились, Фрол уже не дышал. В похоронах приняли участие все сельчане. Весёлый человек был Фрол. Ни одной гулянки не пропустила его гармошка. Простой, лёгкий в жизни был мужик, врагов не имел. И память по себе оставил хорошую ещё тем, что в каждом деревенском доме стояла печь, сложенная Фролом. И никто не пожаловался на его работу.

Каждый помогал, чем смог. Молодые ребята вырыли могилу, Кузьма Захаров собрал просторный гроб. Фрол был из первых пяти поселенцев, приехавших сюда, и для всех других он был уже местным. На похороны приехало много людей из Туманшета. Там тоже имелись печки, сложенные Фролом. Были в Камышлеевке ещё гармонисты, но равных Фролу и, тем более, его сыну, Пашке, не найдётся. Жил человек – не выделялся, а как ушёл, так сразу стало чего-то не хватать. Гришка, младший сын Фрола, парень тихий, застенчивый, остался старшим в доме.

Сразу после Нового года Егор поехал в Иркутск. Первое, что он хотел, это поговорить с Ручкиным о том, как жить дальше. Прямо с поезда он направился к Ручкину на работу.

– Постарел ты, Егор Петрович, гляди, как седина обсыпала.

– Время никого не щадит.

– Оброс как медведь. Как собираешься дальше жить?

– Хочу купить здесь небольшой домик и перебраться в Иркутск. Присмотрюсь, где-нибудь пристроюсь, не пропаду. Дом хочу хороший, но небольшой, чтобы в глаза не бросался. Сын всё равно ещё учиться будет, а потом работать в деревню не поедет, так что и мы при нём будем. Там у нас всё равно всё к упадку идёт. Если я сейчас не куплю дом, потом неизвестно, как дело сложится.

Ручкин взялся помочь. Через неделю Егор купил небольшой домик на улице Подгорной, недалеко от Знаменской церкви. Место понравилось. Рядом река Ушаковка, Ангара. Егор обставил дом мебелью и собрался ехать назад. В доме будет жить сын, с учёбой у него ладилось хорошо, учиться осталось ещё полтора года, а там работа в полевых условиях. Но возвращаться будет куда.

– На учёбу станет подальше бегать, зато в своём доме жить спокойнее.

– Это хорошо, гимнастикой можно не заниматься, – отговаривался сын.

– Теперь никто тебе не мешает, сам себе хозяин.

– Верно.

– Будет плохо, мать приедет к тебе. Ты пиши, если что.

– Справлюсь сам.

Отец немного пожил с сыном и вернулся домой.

В конце февраля Егор с очередной партией товара поехал в Тайшет. Народ там бурлил, все обсуждали новость: в Петербурге революция, царь отрёкся от престола. Так много всего и сразу обрушилось на Егора. Как понять, как разобраться в создавшейся ситуации?

Зюзенцева не оказалось в Тайшете. Егор сдал товар, получил деньги и срочно отправился домой. Вот и случилось то, о чём говорил Зюзенцев. Теперь надо потихоньку готовиться к отъезду. На этот раз дорога оказалась длинной, теперь Егор понимал, что эти места, дорогие сердцу, могут остаться в прошлом. Жаль будет со всем этим расставаться. Столько лет ездил он по этой дороге, знал каждый кусочек земли, каждый метр, каждую колдобину непролазного «русского счастья». А теперь что? Бросить всё нажитое и ехать неведомо куда? А если взять ружьё и встать стеной за свой дом? Хорошее дело. Но пока никто ничего не отбирает, может, и не случится ничего. Горячку пороть не стоит, но присмотреться надо, с людьми поговорить. Решив не торопиться с выводами, Егор, успокоившись, поехал дальше. На перевозе рассказал новости Ожёгову. Тот сразу ничего и не понял, так и остался на берегу, переваривая сказанное Егором. В деревне пока было тихо: новость об отречении царя от престола ещё не просочилась сюда. Вечером Егор не пошёл никуда, решил пойти в деревню утром. Всё равно – зима, и все мужики сидят по домам.

– Придётся, Настенька, нам с тобой всё-таки готовиться к отъезду. Царь отрёкся от престола. Теперь страной правит неведомо кто. Какие-то временщики, а от них добра ждать не приходится. Если царь не смог управиться с народом, то уж этим выскочкам и подавно не под силу. Нашли время играть с властью. Идёт война, а им игрушки.

– Как скажешь, Егоша. Поедем поближе к Феде, в такое беспокойное время надо быть вместе.

– Ну, не завтра ехать, надо всё хозяйство сбыть. К лету или к осени управимся, потом и поедем. Ты, Настенька, никому не говори, нечего пересуды разводиться. Знаю, зря это сказал, но вырвалось само собой. Ты уж не обижайся.

– Не обижаюсь я. Просто непонятно мне: жили, жили, а теперь бежать надо.

– Доигрался царь в пятом году.

– Уж чего теперь. Пока будем жить, как жили.

Утром Егор пошёл к Антипу. Ему Камышлеев доверял больше всех. Надо поговорить с мужиками, узнать, что они думают.

– Здравствуйте всем, – сказал Егор, входя в дом. Клубы холодного пара ввалились следом.

– Доброго здоровья, Петрович, проходи. Раздевайся, сейчас почаёвничаем. Разленились зимой, поздно подымаемся. У нас только бабка – ранняя птаха.

Егор разделся, прошёл к окну. Сел так, чтобы быть не на виду.

– Садись к столу, чаю попьём.

– Разговор есть.

– Я уж понял.

– Такое дело, что надо поговорить со всеми мужиками. Можно у тебя собраться?

– Чего нельзя. Можно.

Надо собрать мужиков. Я новость привёз нехорошую, расскажу всем.

– Загадками говоришь.

– Узнаешь – скажешь, что это.

Мужики собирались быстро. За это время Егор с Антипом успели попить чаю.

– Мужики, царь отрёкся от престола, в стране правит какое-то временное правительство. Я думаю, что это касается всех, тем более, что война идёт. Вот и думайте. В Тайшете народ колобродит, там свою власть выбирают. Ссылные голову подняли, тоже чего-то хотят. Что нам делать в нашей глуши?

– Ну и новость! И чего теперь будет? Это как удар под микитки.

– Это точно, что царя сняли?

– Выходит, что точно. Кто таким шутить будет.

– Будем жить, как жили.

Просидели, проговорили пару часов. Но ничего путного не придумали, так и разошлись. Что делать, что решать? Это не семейное дело, где каждый хозяин решает, что ему лучше. Все разошлись и затаились, будто ничего не произошло. При встрече никто не вспоминал разговора, но уже приходили новости другие, от которых становилось ещё хуже.

Через неделю в деревню появился человек, назвался представителем временного правительства Тайшета, попросил собрать жителей. В начале марта дни после обеда уже стояли тёплые. Народ собрался прямо на улице возле магазина.

– Я, Михеев Евсей Ильич, представляю временное правительство в Тайшете. По поручению новой власти призываю вас бойкотировать все распоряжения бывших руководителей в Тайшете и близлежащих сёлах. Их время прошло. Царское правительство низложено, скоро к власти придут большевики. Всё в свои руки возьмут рабочие и крестьяне. Капиталисты и помещики уйдут как ненужный элемент. Крестьяне будут работать на земле только на себя. Новая власть сменила полицию на милицию, разоружили пристава и урядников. Распустили всех из арестантского дома.

Потом Михеева понесло. Начал про мировую революцию и ещё про что-то. Мужики слушали и ничего не понимали. Говорил, вроде, по-русски, а, вроде, как и нет. Махал руками, брызгал слюной. Не понимая предмета разговора, сельчане стали потихоньку расходиться.

Егор тоже стоял и слушал. Слова Зюзенцева подтверждались. И если мужики не нашли своего понимания, то вот, пожалуйста, нашлись доброхоты, пожелавшие всё разъяснить. И будут вдалбливать в голову, пока не добьются результата. Если нет своего ума, от чужого взвоешь. И первая ласточка уже прилетела. А сколько их будет? И нет силы, которая остановит всё это. Пристава и урядников сняли, а это серьёзно. Сейчас и хулиганам не будет укорота. Начнётся конфискация частной собственности. Что ж это делается? Вот тебе и гадалка, вот тебе и Зюзенцев. Спасибо, что предупредил. Как начнут здесь богатеи притеснять, никто не будет разбираться. Припишут к богачам – не отмоешься. Так спокойно жили. Каждый твёрдо знал, что делает и для чего делает.

Егор пошёл домой, уже полностью уверенный, как ему дальше поступать: надо распродать всё хозяйство и уезжать к сыну. Никто их там знать не будет. Будут поживать спокойно да нянчить внуков, если бог даст.

Зачастили в деревню агитаторы. И всё внимательней слушали их жители, и после них стали вести разговоры на политические темы. Полезла зараза в людские души. Мужики, кто жил покрепче, отмалчивались, а кто был послабее, стали коситься на соседей, совсем забыв, что начало у всех было одинаковым. Эх, люди, люди, короткая у вас память. Давно ли артелью строили деревню, помогали друг другу. И вот теперь всё позабылось. Летом все разговоры вышли на второй план. Надо было работать. Разговорами сыт не будешь. После посевной – небольшой перерыв, потом – сенокос, затем – уборочная. И дальше по порядку. Даже агитаторов в это время не было. В деревне – только старухи да малые дети, все на работе, некому слушать агитаторов.

В сентябре, когда уже заканчивалась уборочная страда, случилось странное событие. Среди ночи загорелась усадьба Камышлеева. Горела ярко, высоко летели языки пламени, распускаясь на тучи искр. Из деревни бежали люди с вёдрами, с топорами, пытались таскать воду из речки. Из домочадцев никого рядом не было. И усадьба горела странно, сразу со всех сторон. Не было не только людей, но и никакой скотины. Сельчане поняли, что усадьбу просто сожгли, и всем стало ясно – кто сжёг. Люди долго стояли, смотрели на пламя, вспоминая Камышлеева, его Настю, сына Федьку. И на глазах наворачивались слёзы. Стало понятно, что ушёл ещё один близкий человек, который всегда был рядом, мог помочь словом и делом. Даже не попрощался, ушёл – и всё.

– Предали мы его. Он к нам приходил, спрашивал, как мы поступим, а мы предали его, развесили уши перед чёртовыми агитаторами, – сказал Антип.

– Эх, вы!

– А зачем он всё спалил? – вдруг спросил Фирсанов.

– Чтобы мы не передрались да не перегрызли друг другу глотки при делёжке. Не доверил нам даже это.

– А я думаю, что пожалел, – настаивал Никодим.

– Не стоим мы его доброты, вот и спалил. А ты, Никодим, чего на поле делал-то?

– Как чего, хлеб убирал. Как и все.

Так и исчез Егор Петрович Камышлеев. Никто и никогда не видел его больше. Только осталась названная его именем деревня и её осиротевшие жители. Говорили, что видели будто Николу в Тайшете. Да, видно, обманулись или просто соврали. Вскоре уехал из деревни Мильников. Собрал вещи, забил досками окна и двери и, поклонившись людям, уехал. Его тоже больше никто не встречал.

34

В октябре произошла ещё революция, всё окончательно запуталось. Тайшет и близлежащие сёла бурлили, выбирались депутаты в разные Советы. Непрерывно проходили съезды этих самых Советов, митинги. Работать было некогда. Народ ликовал. Теперь жизнь наладится, теперь не надо будет гнуть спины на кровососов – богатеев.

Только от этой красивой лёгкой жизни исчезали с прилавков продукты. А что ещё оставалось, возрастало в цене во много раз. Когда стали учинять расправы над торговцами, вовсе исчезло всё. За деньги никто не продавал, установилась меновая торговля. И побрели городские жители в деревни, стараясь обменять разные вещи на продовольствие.

В Камышлеевку тоже стали приезжать на лошадях такие гости. Меняли всякие товары на хлеб, крупу, брали сало, мёд, шкуры овечьи и коровьи. Предлагали ткани, керосин, нитки, иголки, разную мелочь. Это были спекулянты. Селянам не приходилось выбирать: лавки закрылись, купить ничего нельзя, а тут всё привозили прямо в деревню. Стало больше разных умельцев появляться в деревне. Приходили люди, жили в деревне, катали катанки (валяли валенки), лудили, шили шубы, полушубки, душегрейки. Потом следовали сапожники и тачали обувь. И так весь последний год.

– Вот тебе и народная власть, – говорил Антип.

– Раньше не было такого: не ходили, не просили хлеба. Теперь всё поделили, работать некому, а жрать хотят все.

Трифон Суренков, Кузьма Захаров и Лаврен Кузьмин часто собирались в кузнице в свободную минуту. Старики были в растерянности от случившегося. Камышлеев исчез, спросить бы у него, как быть, да только не понадеялся Егор Петрович на сельчан, уехал. Все чувствовали себя виноватыми. Хорошая жизнь жиром затягивает глаза, уши, душу и совесть. Быстро позабыли добро. Теперь все тянутся к ним, к старикам, а что они могут, какой дать совет? Вот и собираются вместе, будто от людей прячутся. Сказать нечего, так и на глаза не стоит попадаться. Теперь и в глаза другим не смотрят, опускают взгляд, как будто это их вина. Работали всю жизнь, помогали другим, чужого не брали, своё берегли. Где им, старикам, разобраться в переменах. Понимали, что не всё ещё закончилось, что самое плохое впереди. И решили старики сказать своим сельчанам, чтобы без нужды хлеб не продавали – настанут ещё времена лихие. Поначалу люди посмеивались, а потом одумались, да ещё спасибо говорили. И стали припасать не только хлебушек, но всё, без чего жить трудно.

Зимой 1918 года в Тайшете установилась власть Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Что это была за власть, в Камышлеевке точно никто не знал. Из деревни выезжать люди опасались, а новости приносили случайные путники. Деревня стояла в стороне от железной дороги и больших сёл. Иногда из Туманшета приходили новости, а туда – из Тинской.

В конце марта стали возвращаться фронтовики. Приехали шумной толпой Захаров Петр, Морозов Сашка, Кузьмин Илья, Мехонов Макар. У каждого на груди награды, видно, неплохо воевали земляки. Похудевшие, повзрослевшие, окрепшие ребята первым делом взялись за гульбу. Неделю деревня праздновала приход своих героев. Потом понемногу всё улеглось, стали заниматься делами, по которым тоже соскучились. К Захаровым пришла Бутьянова Татьяна спросить про сына Василия.

– Жив, здоров Василий. Не навоевался только. Пошёл за революцию воевать, – ответил Пётр. – Звали мы его домой – не поехал. Собрался с мировой революцией приехать. Там ему мозги запудрили разные говоруны. Мы все про себя решили, что поедem домой, а он не захотел. Тётка Таня, приедет Васька. Не такой он человек, чтобы сгинуть. Так что жди.

В начале лета пришли ещё фронтовики, которых забирали позже. Прибыли не все, некоторые остались устанавливать Советскую власть в стране.

А осенью в деревне сразу отгуляли шесть свадеб. Пока парни воевали, девчонки подросли и заневестились. Некоторым женихам, как Петьке Захарову, было уже под тридцать. Жениться надо было давно, но так распорядилась судьба. Слава Богу, что пришёл здоровый, не травленный газами. Повезло. Из всех деревенских, призванных на фронт, один Пашка Погодин погиб, да было трое раненых. В других деревнях дело обстояло много хуже.

Свадьбы оживили деревню. На лицах появились улыбки, люди стали ходить по вечерам к соседям в гости. Появилась надежда на завтрашний день.

Девятнадцатый год перепутал всё с самого начала. В конце февраля деревенские мужики у деревни Шиткино постреляли солдат армии адмирала Колчака, которые направились по деревням грабить крестьян. Не любит сибирский мужик, когда к нему в хлев забредают какие-то бродяги, пусть и в солдатской форме, и забирают его скотину. Брали без спроса, нагло и безнаказанно. Вот и доразбойничались солдатики. Устроили им засаду мужики и постреляли, а скотину, которую гнали грабители, забрали по домам. Понимая, что за это придётся отвечать перед частями регулярной армии, мужики ушли в лес. Их неожиданно поддержали жители соседних деревень: Еловки, Конторки, Нижней Заимки и других деревень. И завертелась карусель. В большинстве своём охотники и таёжники, мужики успешно воевали с регулярными войсками, в лесу они были как дома. Белые ездили за продуктами большими группами, но и это мало помогало. Потери у

солдат были большие, такое положение приводило в бешенство командование. Снарядили карательный отряд, чтобы поставить население на место. Каратели выдвинулись на Шиткино, но ушли недалеко. Неожиданно были атакованы партизанами. Потеряв несколько человек убитыми и ранеными, ретировались. Бежали назад усердно, страх перед стреляющим лесом переходил в панику. Партизан стали бояться серьёзно.

В Тайшете один только слух, пущенный неизвестно кем, что партизаны захватывают село, вызвал такую панику, что стрельба угомонила только через час. Не одни солдаты, но и офицерский корпус растерялся. Партизаны стали выходить из леса, вредить на железной дороге, останавливая движение поездов. Шла настоящая война. Только воевали русский с русским. Разве что белочехи, которые зверствовали повсюду, были врагами нерусскими, да небольшое количество румын.

Карательный отряд был сформирован из белочехов. Под прикрытием броневика они выдвинулись к деревням Конторка и Бирюса. Бой длился целый день. Горели обе деревни, полыхали церкви. Из броневиков стреляли снарядами с удушливым газом, но мужики выстояли. И не смогли ничего сделать вражеские войска против охотников и крестьян. Нахрапом сибиряка не возьмёшь, и стрельбой не напугаешь тех, кто с рогатиной на медведя хаживал.

За весну и лето девятнадцатого года Тайшет и сёла Бирюса, Еловка, Конторка, Байроновка, Шиткино и другие были освобождены от белых войск. Станным образом, но все эти бои не коснулись деревень, стоявших в верховьях Бирюсы и Туманшета. Туда не добирались и продовольственные развозы белогвардейцев. Слишком далеко и страшно – глухомань и только. Там знали о боях по рассказам и слухам. Что было правдой, что выдумкой – никто не разбирался. Послушают, покачают головой, да идут по домам: дел хватает и без стрельбы. Всё рассказанное было, как интересная сказка. И, когда приехал Васька Бутьянов и заявил всем, что он будет устанавливать Советскую власть в деревне, никто не возмутился. Хочешь устанавливать, так кто ж тебе мешает – устанавливай. Лучше бы крышу поправил на хлеву – провалилась совсем от снега. Если власть важнее, чем крыша в хлеву, Бог тебе в помощь. Когда же Васька попытался грубо, криком повлиять на односельчан, они попросту отвернулись от него. А вечером к нему в дом пришли бывшие фронтовики, которые воевали вместе с ним.

– Ты, если не навоевался и не накомандовался, воюй где-нибудь подальше от деревни, – сказал Макар Мехонов.

– Я по поручению властей, – и Васька потянулся за какой-то бумагой.

– Подотрись ей, – буркнул Петька Захаров. – Если ещё хоть раз посмотришь косо на сельчан или нагубишь, то знай: мы ещё не забыли, как учили офицеров на войне. Не доводи до греха.

– Мне надо открывать сельсовет! – взвизгнул Васька.

– Открывай.

– Я открою его в Мыльниковском доме, он большой!

– Если Мыльников вернётся, ты ему дом освободишь.

– Он – мироед и контра! Как и Камышлеев. Успел, гад, скрыться.

– Он наш односельчанин и многим помогал, чего не скажешь про тебя, – сказал Илья Кузьмин. – И не позорь мать, ей и так не сладко.

– Про Камышлеева заткнись тоже, – сказал молчавший до сих пор Никита Кузнецов.

– А ты слышал, что он своих рабочих убивал после расчёта, а денежки присваивал?

– Все эти годы убивал? Как он скрывал злодеяния, что в деревне никто ничего не знает?

– Да! Убивал! Тем и нажился!

– Так у него всегда работали мужики из соседних деревень, все они дома. И можно спросить у них, как он их рассчитывал. Ну и сволочь ты стал, Васька.

– А я чего, я ничего, – струхнул Васька. – Что слышал, то и говорю.

– От кого слышал?

– Не помню. Давно слышал.

– Запомни крепко: у нас в деревне мироедов не водится и не водилось. Запомни навсегда. Предупреждать больше никто не будет. Запомни, гнида, мы кровушки повидали, если что – рука не дрогнет.

Все молча вышли, но представитель власти понял, что со своими мужиками так разговаривать нельзя, вредно для здоровья.

На другой день Васька отодрал доски с окон и дверей мыльниковского дома и устроил там сельсовет. С этого дня новая власть установилась и в Камышлеевке, ума хватило не малевать вывеску на дом. Но власть эта как-то не касалась сельчан. В сельсовет приезжали какие-то представители, бывало, и ночевали там, писали бумаги, читали разные распоряжения и прочее. Лишь однажды приехали вооружённые люди, долго разговаривали с Васькой. Потом он бегал по домам и просил дать немного хлеба голодающим в Тайшете. Сердобольные сельчане собрали голодающим две подводы зерна, крупы и других продуктов. Потом Васька бегал с гордым видом по деревне, словно сделал что-то особенное. И невдомёк ему было, что хлеба дали не потому, что он попросил, а потому, что пожалели голодных. Ещё многие в деревне помнили, что такое голод.

Весь девятнадцатый год вокруг Тайшета и в самом селе то вспыхивали, то гасли схватки партизан с белочехами, с румынами, колчаковцами, с теми, кто пытался свалить народную власть. Бои шли с переменным успехом. Но Шиткинский и Тайшетский фронты вели самую активную борьбу в Иркутской губернии.

Только единственный день дохнул в лицо камышлеевцам холодом гражданской войны.

35

15 января 1920 года был обычным зимним днём, если бы не этот случай. К концу дня в деревню прибежал подросток из Туманшета, парнишка искал дом Антипа Кузнецова. Не сельсовет, а дом обычного крестьянина, который пользовался большим авторитетом, чем новая власть. Никита, коловший дрова во дворе, завёл мальчишку в дом.

– Мне нужен Антип Кузнецов, – заявил подросток.

– Ну, я Антип Кузнецов, – вышел из-за стола хозяин. – А ты чей будешь?

– Меня дядя Игнат послал, велел записку лично тебе передать. Не брешешь, что ты Кузнецов?

– Кобель брешет и то не всегда, давай писульку.

Парнишка вытащил из шапки записку.

– Это Комов Игнат? – уточнил Антип.

– Да, он.

– Мать, накорми-ка почтальона.

Игнат писал, что с Тинской идёт Белая армия Каппеля, будет проходить по нашим местам. Ведут себя по-звериному: режут скот, забирают хороших коней, насилуют молодых девок. Если не хотите большой беды, примите меры.

– У вас в деревне всё спокойно? – спросил Антип мальчишку.

– Ничего. К дядьке Игнату прискакал кто-то, чуть собак не затоптал, а так тихо.

– Останешься ночевать у меня. Игнат просит в ночь тебя не отправлять. Я и сам понимаю.

– Я добегу, – попытался спорить мальчишка, но Антип поднял руку и сказал:

– Утром побежишь, как развидняет. Волки в округе балуют, ночью могут скараулить. Никита, позови «власть». И мужиков надо созвать.

Бутьянов прибежал быстро, он был немного растерян. Чего ему наговорил Никита, Антип не стал допытываться:

– Васька, я понимаю, что белые тебя не пожалуют, вот и запрягай коня, который получше, да уезжай на неделю подальше от деревни. Белая армия идёт, что делать будут, не ведомо. Если, не дай Бог, разузнают про тебя, могут и расстрелять.

– Откуда вести? – Васька взял себя в руки и стал рассуждать здраво.

– Сообщили. Ты не жди утра, уезжай прямо сейчас. Пока на Перевоз, а там уже – твоя власть, в обиду не даст. Если точно не узнаешь, что никого нет, не возвращайся. Авось, мать-старуху не тронут. Это я тебе на всякий случай говорю, верю, что в нашей деревне иуда не живёт.

Васька уехал вместе с младшим братом. Мужикам Антип предложил собрать хороших коней и угнать их на дальние покосы. Там есть сено невывезенное, можно прожить несколько дней. В копнах и переночевать удобно, не замёрзнешь.

– Коней погонят фронтовики, мужики сильные, опытные. Вы, ответственные за артельное добро, на вас вся надежда, давайте собирайтесь. Оружие припасите: волки бродят кругом.

Когда фронтовики ушли, Антип сказал:

– Специально их отправил. Не утерпят чего – устроят бучу, тогда постреляют их всех. Лучше пусть там поживут, целей будут, жизнь не завтра кончается. Вот ещё что, мужики. Девочек молодых спрячьте, внучек ваших и дочек, от греха подальше. Просьба всем вести себя достойно, с разумом. Из-за мелочей в склоку не вступать.

– Вот и наступила хорошая жизнь, – проговорил Кузьма Захаров, – бороться от своей армии приходится. Давно ль в ней наши сыны были, что же такое творится. Боже мой, как же так?

Селяне, нахлебавшиеся горькой жизни до отвала, не хотели понимать и принимать происходившее вокруг безобразия. Красные, белые, большевики, меньшевики. Что за масти такие? Кричат про народную власть, чтоб народу лучше жилось, а как хлеб без труда вырастишь? Легко ничего не даётся. Значит, врут те, кто обещает лёгкую жизнь. А многие поверили.

Просидели старики допоздна, проговорили, да так до конца и не поняли ничего.

Хороших коней угнали ещё ночью. С утра прятали всё, что могли, да поглядывали на окраину деревни, откуда должна появиться армия. Ждали, ждали и дождались. Ближе к вечеру появились верховые с винтовками за спиной, за ними на санях везли имущество и раненых солдат.

Третья армия Колчака под командованием генерал-лейтенанта Каппеля после предательства генерала Зиневича с тяжёлыми боями прорвала окружение под Красноярском и двинулась на восток, в сторону Иркутска. Пробраться приходилось по руслам замёрзших рек. Двигаясь по реке Кан, генерал провалился в воду, но никому ничего не сказал. Когда его через несколько дней осмотрел врач, оказалось, что уже поздно: на ногах развивалась гангрена. Смертельно больной генерал не покинул свои войска, продолжал ехать на коне, привязанный к седлу. В Тинской войска разделились. Часть во главе с Каппелем пошла по Московскому тракту. Остальные с генералом Сахаровым во главе пошли в обход Тайшета – через Саранчет, Туманшет и Камышлеевку. Добрались до деревень Тальской и Благодатской, дальше через Тымбыр вышли на Замзор. Там соединились с основными частями армии, удачно, без боёв проследовавшими Суетику и Тайшет. Шли не через сам Тайшет, а южнее, через Луку, Авдюшино, Луговское, Андреевку. Армия в большинстве своём состояла из пленных красноармейцев, которые при случае переходили к противнику или дезертировали. Условия похода были очень тяжёлые: морозы доходили до пятидесяти градусов. Все деревни вдоль тракта были пусты, поэтому пришлось разделиться. Практически небоеспособная, голодная, с большим количеством обмороженных и простуженных солдат, армия ползла на восток, по пути занималась мародёрством и грабежами. Заходили в нетронутые гражданской войной деревни, забирали хороших лошадей, оставляя в лучшем случае полуживых, резали

скотину, забирали тёплые вещи. О таких её подвигах весть летела впереди армии. Кто успевал, старались попрыгать всё, кто не смог спрятать, теряли нажитое.

Вот такие войска входили в Камышлеевку шестнадцатого января 1920 года. Вся колонна расплзлась по деревне, заходя в дома и располагаясь на ночлег. Кто-то из солдат сразу шёл в хлев, били кур и овец, то, что можно было быстро сварить. Хозяева молча наблюдали за грабежом. Солдаты всё делали без разговоров, ничего не спрашивая, ничего не говоря; пристрелили несколько собак, рьяно охранявших хозяйское добро. Правда, пожалели коров, но высматривали коней. Кое-каких забрали, оставив взамен худых и измождённых. В котлах варили мясо, тут же съедали и варили ещё. Что оставалось, забирали с собой, никто не знал, что будет завтра. Сельчане не препятствовали мародёрам, поэтому обошлось без насилия, никого не тронули. В каждом доме хозяева сидели где-нибудь в уголке и безмолвно наблюдали. Так было до полуночи, потом всё понемногу угомонилось. Ни офицеров, никакого руководства не наблюдалось. Обезумевшие от холода и усталости, солдаты словно никого не видели, а утром, с рассветом, стали грузиться в повозки, и уже к обеду в деревне не осталось никого. Многие не досчитались своей скотины, но никто не лил слёзы, могло быть и хуже. Ещё трое суток мимо тянулись редкие повозки с ранеными, но в деревне больше никто не остановился. Через три ночи пригнали лошадей, которых удалось сохранить. Всё обошлось. Деревенская власть, Васька Бутьянов, приехал только в начале февраля, опять закрылся в своём сельсовете и никому не докучал. Его матери, которая лишилась всех кур, собрали с десятков хохлаток с тех дворов, где все сохранились. Татьяну Бутьянову в деревне жалели. Мало, что вдова, так и сыны: один недотёпа, а другой бумажки перекладывает в сельсовете, про домашнее хозяйство и забыл.

36

Вот так и прошла гражданская война мимо деревни. Не разозлила, не сделала врагами камышлеевцев. Наступала весна двадцатого года, пришла новая жизнь. А деревне было уже больше двадцати лет. Тогда, в двадцатом, когда ещё продолжалась гражданская война, сельчане верили, что в будущем станет только лучше. Никто ещё не знал и не догадывался, что уже через семь лет деревня одной из первой в Тайшетской волости, после Конторки, станет колхозом. Даже и мыслей не было, что через десять лет кучка активистов, понукаемая властями, начнёт раскулачивание соседей. Часть из активистов будет принимать решения и выполнять план по раскулачиванию, другие после собрания будут предупреждать своих соседей о беде. Раскулачивали из-за хорошего дома, который после освобождения тут же занимали активисты. Из-за хорошей коровы, не беря во внимание, что в семье много детей. И стала деревня разъезжаться. Раскулаченные уезжали в Тайшет, Суетику, Юрты, бросая всё, что нельзя было забрать. Большой план был спущен активистам, много домов осталось брошенными. Рабочих рук лишились колхозники. Хорошо, хватило ума не пролить кровь односельчан.

А план по производству сельхозпродуктов никто не уменьшал. И уже в конце тридцатых выбранные люди опять поехали вербовать на жительство в Сибирь крестьян из центральной России, где сполна познали голод. И снова в тридцать девятом году приехало много поселенцев в Камышлеевку. Заселили их в брошенные дома, заставили вступить в колхоз. И снова люди радовались, что хоть здесь наелись хлеба досыта, вкус которого они уже и забыли в родных краях. Хотя и не было помощи, как первым переселенцам, но многие удержались, остались, потом прижились и не желали места лучшего. Несмотря на все невзгоды, на все беды, в деревне остались доброжелательные отношения среди жителей до самого конца. До тех пор, пока разными экспериментами над деревней не выжили всех жителей с обихоженной земли.

В семидесяти километрах от Тайшета в южном направлении есть на дороге место, обозначенное знаками «д. Камышлеевка» начало и «д. Камышлеевка» конец. Все дома: и

те, что были построены самыми первыми поселенцами и возведённые в последующие годы, развезли по округе. Теперь ничто не напоминает о прошлом, кроме некоторых развалин и черёмух, посаженных некогда возле домов. Только в самом начале деревни, откуда она пошла, стоят три дома как укор, напоминающий, что не так давно здесь было около восьмидесяти дворов и счастливо жило более четырёхсот человек. Не радуют взгляд изъеденные мелкими оврагами и заросшие молодыми соснами да осинами поля за речкой, которые когда-то пришлось раскорчёвывать до кровавых мозолей. Осталась жива берёзовая роща, только постарела, сникла. И никто не подрубает уже деревья, чтобы набрать соку по весне. Высохли и упали тополя, украшавшие улицу напротив мыльниковской усадьбы.

Иногда встретятся бывшие односельчане в городе на рынке, вспомнят прошлое да разойдутся. Немного их уже и осталось.